

В.И. Аннушкин

РИТОРИКА

Вводный курс

Учебное пособие

5-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 80(075)

ББК 83.7я73

А68

Рецензенты:

А.А. Волков, профессор, зав.кафедрой общего
и сравнительно-исторического языкознания Московского
Государственного университета имени М.В.Ломоносова,
доктор филологических наук;

А.К. Михальская, профессор, зав.кафедрой русского языка
и стилистики Литературного института имени А.М.Горького,
доктор педагогических наук

Аннушкин В.И.

А68 Риторика. Вводный курс : [электронный ресурс] учеб.
пособие / В.И. Аннушкин. – 5-е издание, стереотип. —
М. : ФЛИНТА , 2016. — 296 с.

ISBN 978-5-89349-933-9

Впособии рассмотрена классическая и современная проблематика риторики, поставлены вопросы формирования личности ратора, владеющего речью — инструментом управления и организации любой профессиональной деятельности.

Настоящее пособие предназначено для студентов гуманитарных факультетов, начинающих изучать риторику как науку и искусство убедительной и эффективной речи. Материалы пособия могут использоваться на курсах риторики и культуры общения, а также всеми, кто интересуется проблемами речевого мастерства, ораторского искусства, культуры речи.

УДК 80(075)

ББК 83.7я73

ISBN 978-5-89349-933-9

© Издательство «ФЛИНТА», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	6
<i>Глава I.</i> Классические и современные определения риторики.....	7
§ 1. Риторика как учение о речи.....	7
§ 2. Определения риторики в русских классических учебниках.....	10
§ 3. Риторика в составе наук о речи.....	17
§ 4. Двойственность отношения к языку и риторике.....	23
§ 5. Разделы классической общей и частной риторики.....	26
§ 6. Культура речи как исторический и современный феномен.....	34
<i>Глава II.</i> Способы обучения риторике.....	46
§ 1. Обучение риторике в античности.....	46
§ 2. Обучение риторике в Древней Руси.....	48
§ 3. Как учились риторике Ломоносов, Пушкин, Лермонтов.....	52
§ 4. Современные советы к овладению речевым мастерством.....	57
<i>Глава III.</i> Из истории русских словесных наук.....	68
§ 1. Термин «язык» в Словаре Академии Российской.....	68
§ 2. Объяснение понятия «словесные науки».....	71
§ 3. Словесные науки в Словаре Академии Российской.....	77
§ 4. Толкование словесных наук в последующей традиции.....	85
§ 5. <i>Язык — речь — слово</i> в филологических науках пушкинского времени.....	89
<i>Глава IV.</i> Словесность как научный термин и учебный предмет.....	96
§ 1. Словарные определения словесности.....	96
§ 2. Периодизация курсов теории словесности.....	100

§ 3. Взгляды на словесность Н.В. Гоголя и В.Г. Белинского.....	103
§ 4. Словесность в современной филологии.....	106
<i>Глава V. Образ и личность ратора.....</i>	112
§ 1. Ритор — оратор — автор.....	112
§ 2. Речь — общение — коммуникация.....	115
§ 3. Личность человека и его речевые поступки.....	116
§ 4. Образ ратора.....	118
§ 5. Оратор — образ оратора — актер.....	120
§ 6. Внешний вид — мимика и жесты.....	121
§ 7. Оценка личности: этическая, интеллектуальная, эстетическая.....	123
§ 8. Единство образа ратора: неизменность позиции при новизне мыслей.....	124
§ 9. Ораторские нравы.....	125
§ 10. Этические и речевые требования к профессиональному оратору.....	127
<i>Глава VI. Изобретение.....</i>	134
§ 1. Изобретение идей и риторическая аргументация.....	134
§ 2. Тема — тезис — аргументация — доказательство.....	136
§ 3. Общие места (топосы, источники изобретения).....	139
<i>Глава VII. Стиль и качества речи.....</i>	170
§ 1. Общие понятия о стиле речи.....	170
§ 2. Компоненты стиля речи.....	174
§ 3. Качества стиля (слога) как требования к речи.....	175
§ 4. Отбор слов.....	186
§ 5. Стилистический синтаксис. Построение фразы и фигуры речи.....	188
<i>Глава VIII. Стиль произношения и язык телодвижения.....</i>	206
§ 1. Стиль произношения.....	206
§ 2. Язык телодвижения.....	215
<i>Глава IX. Ораторское искусство.....</i>	227
§ 1. Что такое ораторика?.....	227
§ 2. Требования к оратору.....	229

<i>Глава X. Учебная риторика</i>	251
§ 1. Учебная речь как сфера общения	251
§ 2. Образ оратора и личность преподавателя	253
§ 3. Подготовка учебной речи	256
§ 4. Содержание и доказательство в учебной речи	259
§ 5. Текст учебника и учебная речь	260
§ 6. Эмоции в педагогической речи	261
§ 7. Классическая педагогика и риторика о речи учителя	263
§ 8. Русское академическое красноречие. Образ русского риторика-педагога	267
§ 9. Стиль речи преподавателя	271
§ 10. Стиль учебного диалога в преподавании русского языка как иностранного	273
 Литература	 287

Предисловие

Предлагаемое пособие адресовано студентам гуманитарных факультетов, приступающим к изучению риторики как учения об эффективной и целесообразной речи. Пособие содержит теоретические основы риторики, обычно излагаемые в лекционных курсах. Каждый раздел пособия завершают вопросы и задания, которые можно использовать на семинарских занятиях. Практическим заданиям автор предполагает посвятить особую работу.

Поскольку пособие предназначено для студентов-гуманитариев, оно содержит подробный обзор классических определений риторики, историю филологических дисциплин, связанных с изучением речи. Состав словесных наук, традиционное и современное понимание словесности, историческое объяснение терминологии, связанной с *языком — речью — словом*, даны как прецеденты культурной деятельности с целью применения в нынешней общественно-речевой практике.

Воспитанию современного ратора-профессионала, владеющего искусством и культурой слова, должны более всего способствовать главы, посвященные способам обучения риторики, изобретению мысли, стилю речи и языку телодвижений. Эти разделы традиционно относятся к общей риторике и содержат универсальное описание подготовки и реализации актов речевого общения.

Частная риторика как учение о правилах и рекомендациях к ведению речи в отдельных видах словесности ограничивается в настоящем пособии разделами ораторики (ораторского искусства) и учебной риторики. При этом дан краткий анализ современной политической риторики и изложены основные правила ведения и построения учебной речи (педагогическая риторика), поскольку выпускнику гуманитарного вуза придется заниматься педагогической деятельностью.

Глава I

КЛАССИЧЕСКИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ РИТОРИКИ

§ 1. Риторика как учение о речи

Риторика — фундаментальное учение о речи. Речь — инструмент управления обществом и общественными процессами. Большинство языковедческих и общественных наук прямо или косвенно затрагивают проблемы речевого общения. Язык, понимаемый как средство и инструмент общения, является всеобщим связующим центром, вокруг которого строится большинство научных теорий и научно-популярных разработок. Принципиальное изменение содержания и стиля общественной жизни в конце XX—начале XXI веков требует от филологов точного взгляда на научные и педагогические дисциплины, занимающиеся языком и речью.

Общественно-идеологический кризис конца 90-х годов, неустойчивость помыслов, расплывчатость идей, разжиженность устремлений заставляют высказать несколько мыслей о важности языка и культуры для жизни общества, в котором по-прежнему главными считаются интересы «экономики» или материальные приоритеты. Между тем «степень образованности общества, т.е. степень овладения им культурой, является основным условием для применения экономического искусства... Примеры XX века показывают, что экономическое процветание в основном связано с культурой» [Рождественский 1999: 4]. Степень культуры зависит от развития форм коммуникации в обществе, поэтому следует установить следующие постулаты:

1. Речь есть инструмент управления обществом и общественными процессами.
2. Лидерство в культурном и экономическом соревновании получают те страны, в которых развивается язык, точнее, фор-

мы речевой коммуникации, отражающие технический прогресс в способах создания речи. При этом развиваются как формы массовой коммуникации (телевидение, Интернет, компьютеризация производства), так и прежние формы речевой культуры (печатная литература, деловая письменность, формы устного общения).

3. Современный русский язык показывает, что мы живем не только в условиях информационного бума, способного приобретать кризисные очертания, но и в условиях напряженного поиска нового языка, который станет не «новоязом», а будет отражать удобные формы мысли и слова. Странно предполагать на фоне вульгарного языка и поверхностного содержания, игры телевизионно-политических страстей, что нет «высокого и честного языка» — истинное всегда скрыто и не выставляет себя напоказ, но за ним — будущее. Поэтому мы — свидетели не только бездумно-самоубийственного языка большинства средств массовой информации, но и языка напряженных философских и научных исканий, высокой поэзии, честного делового языка.
4. Общественная речь как форма выражения общественного сознания и настроения предполагает активное творческое отношение и работу по ее совершенствованию. Речевое (риторическое) воспитание не есть воспитание «контактности» или «коммуникабельности», оно предполагает прежде всего философичность и образованность, ответственность за сказанное или написанное слово, нравственно-этическую основу поступков.
5. Результатом такого речевого воспитания должно стать стабильное общественное настроение, упрочение духа, богатство мыслей и разнообразие чувств в жизни людей. Грамотное речевое воспитание гарантирует развитие личности, расцвет внутреннего и внешнего в жизни каждого человека.

Оценка современного языка требует разнонаправленности описаний, исследования образцов многочисленных жанров словесности. Сегодня нельзя сказать, что русский язык как язык, на

котором создана великая речевая культура, стал «плохим» или «хуже». Если к концу XX века в русской философии были И.А. Ильин и А.Ф. Лосев, в русской беллетристике — И.А. Бунин и Б.К. Зайцев, в русской поэзии — Г. Иванов и А. Тарковский, в русской филологии — академики В.В. Виноградов и Ю.В. Рождественский, то мы вправе гордиться достижениями русской словесности в завершившемся столетии.

Для развития современных наук о речи важно понять историческую последовательность возникновения и развития отечественных дисциплин, изучающих речь. Тогда становится ясным сосуществование многочисленных речеведческих дисциплин, то терминологическое разнообразие, которое возникает подчас при назывании одних и тех же явлений разными словами.

Кто из нас не знает, какое значение имеет вовремя и удачно сказанное слово, кто из нас не хотел бы всегда говорить и умно, и красиво, и доходчиво, но, главное, уместно и убедительно? Эта тема злободневна всегда и для всех — ведь о своей речи задумывается каждый: *что* сказать? *как* сказать? в какой форме? каким тоном? как сделать так, чтобы язык не предал, не стал «врагом», а, напротив, привел бы к успеху?

В фольклоре любого народа, как и во многих суждениях древних, встречается мысль о том, что речью связываются все человеческие дела, языком — практической речью пользуются все люди, и если речь выстроена неверно или неоптимально, то разлаживается и само дело.

Казалось бы, что может быть проще умения говорить — и что сложнее искусства «умное слово молвить», владеть языком и вследствие этого житейскими обстоятельствами? Язык как эффективное средство межчеловеческих связей, слово (не болтовня, а разумная речь) необходимы во всяком деле. Никакая работа невозможна в коллективе, где отношения не отлажены целесообразным общением и добрым словом; никакая семья не состоится, если в ней нет доброжелательных и должных речей; невозможно и цивилизованное благоустроенное общество, если отношения его членов (будь то «субъекты федерации» или от-

дельные люди) омрачены злобой и неприятием, неумением выслушать и слово молвить. И в этом смысле Мир управляется Словом, но Слово основано на нравственной Мысли и воплощается в полезных Делах.

Всякая интеллектуальная профессия основывается на речевой деятельности. Деятельность политика, юриста, военачальника, журналиста, священника, учителя, врача всегда предполагает, с одной стороны, профессиональные знания, с другой, искусство владения речью. Оценка такого профессионала дается применительно к его речи, вот почему перечисленные профессии можно по праву назвать *речевыми*. Политик, участвующий в управлении государством, словом (образом оратора, содержанием доказательств, стилем мысли, слов и речевых поступков) убеждает своих сограждан в правоте своей позиции и идеологии. Журналист, желающий овладеть умами и сердцами людей, занимается прежде всего поиском выразительного и убедительного Слова. И дипломат, и юрист, и педагог, и священник озабочены одной и той же проблемой: как в рамках своей деятельности так овладеть профессиональным мастерством, чтобы быть риторически убедительными, чтобы люди подчинились их речи. Впрочем, невозможно указать профессию, которая не была бы так или иначе связанной с речью, потому что всякое дело требует словесной организации.

Какой же должна быть хорошая и эффективная речь? В чем конкретные трудности сегодняшнего общения (от речи в семье до политической речи)? Можно ли научиться владеть словом, говорить убедительно и уместно? Ответы на эти вопросы призвана дать риторика — наука о целесообразном построении речевого общения, искусство убедительной речи.

§ 2. Определения риторики в русских классических учебниках

Множество споров относительно сущности риторики разрешаются обращением к классическим определениям риторики, тем

более что любое такое определение остается актуальным и сопоставимо с современной речевой практикой.

«Определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета», — пишет Аристотель, греческий философ IV в. до н.э. [Аристотель 1978: 19]. Всякий человек старается развить эту способность, чему и служит искусство риторики, наше стремление обобщить как опыт науки, так и личный опыт для того, чтобы знать способы и приемы убеждения. Обратим внимание на всеобщность риторики, распространяющуюся на множество предметов.

Риторика рождается как искусство управления и решения государственных и судебных дел. Хотя на риторику распространяется требование украшать речь, главное в риторике — не украшение само по себе, а искусство хорошо и достойно говорить. Поэтому в основание риторики всегда закладывались этико-нравственные и философские постулаты. Как только искусство риторики выходило за рамки этики и подлинно глубокого содержания речи, риторика, как и сам ритор (участник речи), бывали критикованы.

Этические основания риторики выражены в классической формуле: «для того, чтобы быть хорошим оратором, надо прежде всего быть хорошим человеком», — утверждал Марк Фабий Квинтилиан, римский теоретик риторики и публицист в «Двенадцати книгах риторических наставлений», ставших одним из первых трудов по речевой педагогике [Квинтилиан 1833: I, V].

В первой русской «Риторике» 1620 года, построенной в виде вопросов и ответов учителя и ученика, на вопрос «Что есть риторика?» следует ответ: «Риторика есть яже научает пути правого и жития полезного добрословием», т.е. эта наука наставляет на правый путь и полезную жизнь добрыми словами [Аннушкин 1999: 21]. В первой русской «Риторике», явившейся переводом латинского учебника «Риторики» Филиппа Меланхтона, «великого учителя» Германии, автор-переводчик не просто дословно перевел латинский текст, но делал собственные добавления для того, чтобы текст стал более понятным ученикам. В результате

уже толкование слова *eloquentia* (в первом переводе «добрословие») обогатилось богатым синонимическим рядом: «сию же науку *сладкогласием* или *краснословием* нарицают, понеже красовито и удобно глаголати и писати научает... Гречестии же мудрецы риторию сииречь *течение* слов глаголют быти, паки же латинстии мудрецы риторику сию науку нарекли, и сего ради проименовашеся от тоя ритор, сииречь учитель *благословия* наречен есть. Та же наука от Димонтена греческаго ратора, сииречь хитроречиваго, и от Маркуса Талиуша Кикерона, латынского *хитрословия* начальника, чудесным разумом украшена есть. И того ради сию науку никто от философ не преминовал для приснотекущаго и неисчетнаго от нея происходящаго разума» [Аннушкин 1999: 21].

Весь XVII век состав светских («внешних») наук определялся «тривиумом свободных мудростей» (наук, художеств), который составляли «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, вышеуказанная «Риторика» (автор ее неизвестен, так как ранее сделанная атрибуция новгородскому и великолукскому митрополиту Макарию оказалась неверной) и «Диалектика» Иоанна Дамаскина в древнерусском переводе.

Позднее Николай Спафарий, переводчик Посольского приказа, в «Книге о девяти мусах и о седми свободных художествах» (1672) давал риторике следующее определение: «Риторика есть художество, яже учит слово украшати и увещевати» [Николай Спафарий 1978: 33]. Оно восходит к классическому древнеримскому пониманию риторики, записанному у основателей европейской риторики Цицерона и Квинтилиана: *Rhetorica est ars recte et ornate dicendi* — риторика есть искусство хорошо и украшенно говорить. Отсюда и разовьется будущий термин «красноречие». Вопрос о том, что такое «украшенная речь», что такое подлинная красота речи и всякая ли красивая речь убедительна, всегда решался неоднозначно.

Петровские преобразования рождали необходимость в новых учебниках, которые показывали бы правила новой общественной речи. В периоды социально-идеологических преобразований все-

гда рождается особый интерес к руководствам по риторике и словесности. Именно ранним периодом петровских реформ (1698—1710) датируются учебники Софрония Лихуда, Михаила Усачева, Стефана Яворского, Андрея Белобоцкого, Козмы Афоноверского и «Старообрядческая риторика».

Михаил Усачев дает риторике следующее определение в «Риторике» 1699 г.: «Риторика есть наука добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати» [Аннушкин 2002: 81]. У Стефана Яворского, ставшего во главе Московской Славяно-Греко-Латинской академии, риторика определялась как «художество добре глаголати» [Там же: 103]. Аккуратно читавшие все риторики старообрядцы, организовавшие Выговское общежитие на севере России, также записали в своем учебнике «Риторика в пяти беседах»: «Риторика есть хитрость добре глаголати» [Там же: 129].

Козма Афоноверский, грек-монах Чудова монастыря, настолько овладел русским языком, что не только перевел греческую «Риторику» Софрония Лихуда в 1698 году, но и написал собственное сочинение «Книгу всекраснаго златословия» (1710), где определение риторики дал в разделе о том, как оратору учиться строить само определение исходя из «рода и разнства». Ритор, определив род, указывает на видовое различие предмета («разнство»). Например, «риторика есть художество благо глаголати», то есть (поясняем в переводе): «здесь род — художество, все науки свободные и несвободные объемлющее, например, врачебную, военную и прочее. Различие же риторики — в том, чтобы благо глаголати, и этим она отличается от прочих искусств, ибо только в риторике имеется благое, полезное и потребное к тому, чтобы говорить. Художеством же именовалась потому, что имеется предание, будто присночудным явится глаголющий: словно не речи, но бисеры испускающий драгие» [Там же: 117].

Первое научное определение риторики дал великий русский ученый-филолог М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» 1747 года. Этому событию предшествовал напряженный поиск точного определения, которое необходимо было дать науке и искусству речи. Любопытно, что в первом рукописном

неопубликованном варианте 1744 года даже учебник назван по иному «Краткое руководство к риторике».

Выбор слова для обозначения науки риторики из бесконечного ряда существовавших синонимов «благоречие», «добрословие», «хитроязычие», «сладкоречие» и т.д. происходит именно здесь. Ломоносов останавливается на слове «красноречие» и несомненно сознательно редактирует во втором варианте определения § 1 — ср.: 1744 г. — «*Риторика есть наука о всякой предложенной материи красно говорить и писать...*»; 1747 г. — «*Красноречие есть искусство о всякой данной материи красно говорить и тем других преклонять к своему об оной мнению*» [Там же: 23, 91].

Факт ясного отделения *риторики* от *красноречия* доказывается в повторном именовании 1-й книги: «Краткого руководства к *красноречию* Книга 1, содержащая *риторику*. § 1. Имя сея науки происходит...». Таким образом, *риторика* — это «наука», «учение», «правила»; *красноречие* — «искусство», способность, умение «говорить и писать», но также и состав текстов словесности, если употребить взятый впоследствии термин. Говоря о «правилах обоего *красноречия: оратории и поэзии*», Ломоносов понимает под красноречием также совокупность текстов или словесных произведений — аналог будущей словесности. Это значение термина «красноречие» сохраняется и поныне, когда говорят о разных видах красноречия: судебном, политическом, духовном, академическом и т.д.

Вполне в соответствии с ломоносовскими традициями разделяется понимание риторики и красноречия в учебниках первой половины XIX века. Так, учебник профессора Московского университета А.Ф. Мерзлякова (1804–1828) фиксирует следующее различие: «*Риторика* заключает в себе полную теорию красноречия. *Красноречие...* есть способность выражать свои мысли и чувствования на письме или на словах правильно, ясно и сообразно с целию говорящего или пишущего. Древние под именем *красноречия* разумели единственно *искусство* оратора, а под именем *риторики* — *правила*, служащие к образованию оратора» [Мерзляков 1828: 6].

Другое значение слова риторика — «теория прозаических сочинений», не ограничивающаяся «убеждением и доказательством»; наконец, риторика — «наука научать наш разум и занимать воображение, или трогать сердце и действовать на волю» [Мерзляков 1828: 6].

И все-таки взгляды А.Ф. Мерзлякова не вполне последовательны. Эта непоследовательность выразилась в том, что риторика «не простирает своих исследований до мыслей и до слов, предоставляя это логике и грамматике» (вспоминаются слова Цицерона: «красноречие состоит в мыслях и словах»). Отношения же с логикой и грамматикой проясняются далее: риторика «более смотрит на *красоту* и *стройность* сочинения, т.е. она учит мысли, правильно обдуманые и по правилам грамматики выраженные, представлять в виде изящном и соответственном каждому роду красноречия» [Мерзляков 1828: 7].

Из определений XIX века имеет смысл остановиться на наиболее популярном учебнике Николая Федоровича Кошанского, учителя российской и римской словесности в Царскосельском лицее. Две его книги «Общая риторика» и «Частная риторика» выдержали соответственно 10 и 7 изданий с 1829 по 1849 годы (слово «риторика» Н.Ф. Кошанский пишет через «е», возводя данный термин к латинскому *rhetorica*).

Словесность названа «способностью выражать мысли и чувствования» и подразделяется на *прозу* (ее изучает частная риторика) и *поэзию* (изучается пиитикой). При этом каждая из *словесных наук* имеет свою теорию и практику. «Риторика вообще» (общая риторика) определена как «наука изобретать, располагать и выражать мысли, и в особенности руководство к познанию всех прозаических сочинений» (частная риторика) [Кошанский 1829: 2].

В отличие от А.Ф. Мерзлякова Н.Ф. Кошанский возвратил в риторику учение об изобретении, назвав предметом риторики «мысли», точнее способность их «изобретать, располагать и выражать». При этом нет никакого противоречия в споре предметов логики и риторики: логика предстает как наука об умствен-

ных операциях безотносительно к слову, риторика — как наука о выражении мысли через слово.

Термин *красноречие* прокомментирован у Н.Ф. Кошанского в примечаниях. Если каждая из словесных наук (грамматика, риторика, поэзия) имеет, «как наука, свою теорию, и как искусство, свою практику», то очевидно, что практика риторики ближе всего к традиционному значению слова *красноречие*. В «Частной риторике», пользуясь терминами «гражданское красноречие», «политическое красноречие», «духовное красноречие» при описании конкретных родов речей, Н.Ф. Кошанский предпочел названию вида словесности термин «ораторство». Не исключено, что это произошло вследствие влияния латыни на терминологию автора (ведь все термины у него имеют в скобках латинское слово как источник своего происхождения, а латынь не давала источников для русских слов *красноречие* и *витийство* — см. об этом сведения об истории слов риторика — витийство — красноречие в главе 3).

Последним учебником русской классической риторики, предшествовавшим критике риторики, стал «Курс русской словесности» 1849 г. профессора Ришельевского лицея в Одессе К.П. Зеленецкого, состоявший из четырех книг: «Общая риторика»; «Частная риторика»; «Пиитика»; «История русской литературы для учащихся».

Учебник начинался словами: «Предмет риторики есть речь. Речь есть устное или письменное выражение наших мыслей на словах или на письме...» [Зеленецкий 1849: 1].

Содержание риторики в XX веке не изменилось по существу, но обогатилось новыми концепциями и идеями, нередко представляя хорошо забытое старое в рамках новых дисциплин: культуры речи, практической стилистики, психологии общения и других. Но риторика после критики ее во второй половине XIX века переживает период возрождения. Однако справедливо встает вопрос: почему же риторика вышла из состава преподавания, почему ее критиковали и забыли?

§ 3. Риторика в составе наук о речи

Поскольку мы не имеем какого-либо цельного очерка истории не только европейских, но и отечественных наук о речи, попробуем наметить хотя бы общие контуры развития речевых учений.

Классическими науками о речи являлись *грамматика*, *риторика*, *диалектика (логика)* и *поэтика*. Первоначально грамматика — это учение о правильности речи. Правильность речи проявлялась прежде всего в нормализации употребления слов (это была этимология), звуков (просодия), соположения слов (синтаксис). Обращенность к правильности употребления слов приводила к классической формуле Н.Ф. Кошанского, объяснявшего в «Общей риторике» специфику каждой словесной науки: «грамматика занимается словами» [Кошанский 1829: 2]. Именно грамматика ближе к понятию нормы, чем риторика, поскольку грамматика требовала осуществления принципов общей правильности речи, без чего принципиально невозможна речевая коммуникация.

Риторика основывается на принципах грамматической правильности, но требует индивидуального творчества и мыслестилевого новаторства, чему более всего соответствовал термин «изобретение». Изобретение в риторике предполагает новизну и оригинальность высказывания, без чего невозможно сформировать индивидуальный характер речевого общения, поиском которого всегда заняты участники речи. Вот почему риторико-стилистическая привлекательность эффективно воздействующего текста может быть выражена парадоксальным суждением Пушкина: «без грамматической ошибки я русской речи не люблю...».

Что касается убедительности и эффективности воздействия как главных целей риторических поступков, то имеется множество примеров отторжения от чрезмерной правильности в пользу риторического своеобразия мыслей, слов и характера произношения, которые именно стилевым своеобразием заставляют «склонять» аудиторию на свою сторону. В то же время и ритори-

ка, и стилистика несомненно основываются на грамматических понятиях правильности и нормы, отрицаясь от них лишь частично. Мету ориентации на норму, ее новаторского нарушения и предложения нового стиля мыслей и словесного оформления каждый ритор выбирает самостоятельно. Успех зависит от гармоничного соотношения нормированности и новаторства, ибо, если речь неправильна, создателя текста могут обвинить в невладеении литературным языком и вообще в безграмотности, но если в речи отсутствуют новые мысли и стилистическая оригинальность суждений, слов и голосоведения, оратор в совокупности его образа вообще не будет воспринят.

Новые примеры стилистического творчества постоянно предлагает реклама средств массовой информации — требуются вкус и стиль, чтобы их создавать и оценивать. Так, рождается слово «продвинутый» (от глагола «двинуть», получающего разные значения при наличии приставок *за-*, *вы-*, *с-*, *про-* и т.д.). Слово «продвинутый» при наличии семы «прогрессивное движение вперед» начинает распространяться на продукты (*продвинутое пиво*), на оценку людей (приходилось слышать, что выражение *продвинутая женщина* вошло в литературный язык). Очевидно, что стилевое новаторство должно не просто навязываться через авторитетные средства массовой информации, но основываться на знании культуры языка, чувстве вкуса и соответственно оцениваться.

Классическое отличие риторики от поэтики состояло в том, что риторика рассматривалась как общее учение о прозе, включающее в себя все виды реалистической словесности (более всего деловой прозы). Реальной речи противопоставлялись «вымыслы» — ими занималась поэтика. Целью поэтического художественного творчества является не действительность и ее изменение, а мимесис — подражание действительности, переживание чувства прекрасного в языке. Так в поэтике через художественный идеал происходит воздействие на действительность, риторический идеал так же сложен и возвышен, но к нему необходимо прийти от реальных обстоятельств и форм общественной речи. Поэтика занимается эстетическими «удовольствованиями»

(Н.Ф. Кошанский), поэтому более всего обращена к поискам индивидуально-выразительных средств в языке. Отсюда классическое деление в русской словесности на виды речи, изучаемые в частной риторике (философская, догматическая, историческая проза, ораторское красноречие) и поэтике (эпос, лирика, драма, виды художественной литературы) (см. труды К.П. Зеленецкого — [Зеленецкий 1849]).

Соотносительной с риторикой наукой являлась также логика, обучающая правильно мыслить, честно искать истину. Логика предполагает объективность построения доказательства независимо к характеру оратора и аудитории. Разница между логикой и риторикой выразительно демонстрируется тем, что в риторике в целях убеждения действует не только логическое доказательство (по М.В. Ломоносову, иного человека нельзя убедить, «когда другое мнение в его уме вкоренилось» [Ломоносов 1951: 166]), но весь комплекс обстоятельств, сопутствующих речи (образ оратора и аудитории, отношения между ними, эмоция, композиция, стиль речи и т.д.). С этим связана возможность доказательства правдоподобных положений или манипуляции сознанием аудитории, которая всегда осознавалась теоретиками риторики. Реальность «искривления» истины заставляет вводить этические и нравственные категории в теорию и практику речевого общения, формируя особый раздел риторики — этику речи.

Итак, в составе классических наук и искусств **риторика** как учение об убедительной и эффективной речи коррелирует **грамматикой** (учение о правильности речи), **логикой** (учение об истинности суждений и непротиворечивости высказываний), **поэтикой** (учением о художественной речи и «вымыслах»). В середине XIX века из риторического учения об украшении речи и теории слога (стиля) начинает выделяться **стилистика** как учение о средствах речевого воздействия, а в середине XIX века объединяющей филологические дисциплины наукой в русской филологии становится **словесность** как учение о развитии дара слова и всей совокупности словесных произведений речевой культуры. Филология XX века выбрала из всех сфер общения и видов

словесности художественную литературу как наиболее приоритетный вид речи, провозгласив главным творцом языка поэта и стоящего над ним критика, отсюда сложившийся облик современной филологии и концепция современных школьных предметов, включающих русский язык и литературу. На месте изгнанных или посчитанных неприоритетными видов словесности образовалась лакуна, однако жизнь заставляла обращаться к проблемам ораторской прозы, деловой, научной, публицистической прозы. Была создана теория функциональной стилистики, отражавшая в своей классификации облик классических видов и жанров словесности. На месте классической риторики и словесности был создан новый предмет **культура речи** — учение о нормах литературного языка, а в школе — разработан аспект **развитие речи**.

Новые теории, рожденные в XX веке вследствие развития речевых технологий, исторически восходят к риторике, часто затрагивают аналогичные проблемы и пользуются ее терминологией. Причем каждая национальная филология предлагает свой набор речевых дисциплин. Так, диктующие стиль современного общения американские научные технологии предлагают **теорию коммуникации** (подчас с ложной идеей развития в человеке «коммуникабельности»), **связи с общественностью** (авторитетные украинские авторы беззастенчиво пишут по-русски «паблик рилейшнз» [Почепцов]), **менеджмент** и **администрирование**, представляющие собой аналог деловой риторики и т.д. Опыт XX столетия показывает, что эффективное движение вперед испытали те страны, которые занимались риторическим просвещением и развитием коммуникативных технологий (ср. японскую теорию языкового существования, американскую теорию речевой коммуникации). Русская и американская филологии во многом не сходятся. Русские термины *словесность*, *культура речи*, *красноречие* отсутствуют в западных теориях, а термины *ритор*, *оратор* имеют свой необычный смысл (ср. *rhetor* и *rhetorician*). Показывая свою классическую эффективность, русская риторическая культура нуждается в творческом развитии, основанном на зна-

нии традиции и учете новых условий развитого информационного общества.

Современная риторика рассматривается в парадигме речеведческих дисциплин. Как справедливо пишет М.Н. Кожина, современная риторика «опирается на достижения целого ряда научных дисциплин: психолингвистики, теории коммуникации, теории информации, прагматики, социолингвистики, теории и практики этикета и др.» [Кожина 2000: 10–11]. Необходимо внимательно посмотреть историю русской филологии, вчитавшись в систему «словесных наук», существовавших, например, в конце XVIII или середине XIX века. Мы увидим, что в «словесные науки» входят грамматика, риторика (витийство), поэтика и логика. Этот первичный состав наук был определен М.В. Ломоносовым и утверждён в Словаре Академии Российской 1789–94 годов (см. более подробно главу 3).

Риторика сопоставляется с множеством не-речевых наук: **философией, этикой, психологией**. Философия и образованность были и остаются интеллектуальной основой риторического общения — вне этих дисциплин риторика превращается в празднословие. Вне этики риторика становится искусством манипулирования общественным мнением. Психология всегда соединялась с риторикой: Платон требовал от риторики знания «видов человеческих душ», а психология общения не может не затрагивать вопросов речевого воздействия. Рассматривая же множество сегодняшних книг по этике бизнеса, культуре делового общения, видим, что их содержание и практические советы прямо взяты из современных риторических или стилистических идей, потому что обычно касаются правил ведения делового диалога, совещания, переговоров, т.е. построения речи в тех или иных ситуациях делового общения [Кузин 2000].

Служа инструментом выражения мысли, орудием организации деятельности, риторика является «общей» наукой для всех интеллектуальных профессий. Идея «общности» риторики и логики для всех областей деятельности высказана ещё в античности, в средневековье риторика определяется как «царица наук и

художеств», в настоящее время необходимо говорить о **риторике деловой прозы и профессиональной риторике**, выстраивающей теории общения для разных специальностей. Основные профессии в обществе всегда были «речевыми», и именно по ним строились виды частных профессиональных риторик: деловая, политическая, военная, дипломатическая, юридическая, церковная, педагогическая, медицинская, торговая и т.д.

Современная риторика, вбирая опыт тысячелетий, является прежде всего учением о правилах построения общественной речи. Общество всегда отбирало, какие виды и жанры речи являются приоритетными и достойными изучения. Так, в античности риторика рождается из ораторского искусства и ограничивается ораторскими «родами речей»: совещательной (политической), судебной и эпидейктической (так называлась торжественная, поздравительная речь).

В современных словарях и учебниках нередко встречается ограниченное понимание предмета риторики. Так, определение риторики как «теории ораторского искусства» в Словаре С.И. Ожегова [Ожегов 1987: 591]) неточно, поскольку риторическое знание не исчерпывается ораторским искусством. Эта ошибка повторена в большинстве новых современных учебников риторики — ср. в учебнике Д.Н. Александрова: «Риторика — теория ораторского искусства, теория красноречия, наука об умении говорить красно, хорошо, так, как нужно в данном случае» [Александров 1999: 7]. Подобным образом «главным героем» своего учебного пособия Е.В. Ключев «назначает» «говорящего» [Ключев 1999: 3]. Учебник Е.В. Ключева, как пишет автор в предисловии, «не имеет отношения к **красноречию**» (выделено автором. — *А.В.*), а обращен к «обыденной речевой практике», но разве обыденная речевая практика касается только *говорения*, а не всей совокупности родов, видов и жанров словесности? Ведь нам приходится не только говорить, но и писать, мы включены в речь массовой информации, а говорение и письмо касаются не только «обыденных жанров речи», но и торжественно-официальных.

Как убедительно показано Ю.В. Рождественским, учения о речи могут появиться в культуре только тогда, когда появляется письменная речь. В условиях дописьменного общества регуляция правил общения дана в фольклоре, причем следует признать, что дописьменное общество характеризуется отсутствием школы как института письменной речи. Грамматика, риторика и поэтика возможны только тогда, когда есть необходимость в обучении писать и говорить. Другое дело, что именно европейская античная цивилизация создала такие формы государственной жизни (сенат и ареопаг), в которых решение вопросов было связано с ораторским искусством. Однако существуют и другие цивилизации (китайская, индийская, мусульмано-арабская), где речевые искусства вовсе не ориентированы на публичную речь, хотя имеют свои правила и нормы речевого поведения.

Кстати, риторика в античности требовала формирования ратора как человека не просто «говорящего», но образованного, прописывающего и готовящего свои речи, поэтому, несмотря на превалирующую устную публичную речь, единство говорения и письма подразумевалось естественным образом в педагогической традиции античности. Скажем более, несмотря на исторический первичный для риторики вид словесности — ораторское искусство, риторика начинается только там, где имеется письменная речь.

§ 4. Двойственность отношения к языку и риторике

Народная мудрость и критикует «язык», и хвалит его: «язык до добра не доведет», «язык мой — враг мой: прежде ума рыщет, беды ищет», «от одного слова да навек ссора»; но есть и другой «язык» — язык-«помощник», «язык-стяг, дружину водит, язык царствами ворочает», «мал язык — горами качает», «языком — что рычагом».

Некоторые пословицы прямо отмечают полярность нашего отношения к практическому языку: «язык поит и кормит, и спину порет», «язык хлебом кормит и дело портит». Конечно, гово-

рится здесь не о языке в лингвистическом понимании (как системе знаков), а о языке как орудии общения, его практическом пользовании, то есть о речи. Поскольку речь есть выражение языковых знаков в устной, письменной или других формах, то обсуждаемый здесь предмет — именно РЕЧЬ. Фольклор в своей пословичной мудрости и представляет правила **речи** — **языка** — **слова** (для него эти слова синонимичны в значении орудия общения) с предупреждением о том, что язык может быть и благом, и злом.

Риторика, предметом которой также является практический язык или речь, испытала на себе подобное двойственное отношение. Нередко приходится слышать или читать выражения типа «газетная риторика», «фальшивая риторика», «риторика пропаганды», или «риторика господина N.» — во всех этих случаях под риторикой понимается ложное ораторство, фразерство, «многословие не без пустословия», стремление скрыть за внешне красивыми словами обман или попытку манипулировать мнением аудитории.

И все-таки такое понимание риторики является вульгарным и ненаучным, обыденным для среднего интеллигентского сознания в XX веке и несоответствующим классическому и неустаревающему значению риторики как науки или искусства убедительной речи. Поскольку потребность в такой науке существовала и существует всегда, то можно предположить: ее идеи были только переоформлены и по-другому названы, продолжая иметь огромное практическое значение для общества.

Почему же все-таки нет риторики и такой предмет не преподавался в российских школах в XX веке? Дело в том, что в истории русской науки победила критика риторики: хотя университетские профессора на пороге второй половины XIX века пытались объяснить, что существует «истинное и ложное красноречие» (К.К. Фогт), что предубеждение против красноречия основано на его «злоупотреблении» (А.Ф. Мерзляков), возобладали, обобщенно выражаясь, базаровская точка зрения: «Аркадий, друг, не говори красиво...» Этому были известные причины: во-первых,

школьная риторика была осуждена (например, в критике «неистовым» Виссарионом Белинским «Общей ретирики» Н.Ф. Кошанского возобладали взгляд на риторикy как на ложное ораторство, умение строить тропы и фигуры, находить красивые слова безотносительно к содержанию речи). Во-вторых, риторика, описывая классические формы речи (изящная словесность, письма, ораторство, ученые и учебные сочинения), никак не касалась обыкновенной быденной речи и не успевала отражать общественные проблемы, чем занимались художественные литераторы и прежде всего представители натуральной школы (Н.В. Гоголь, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев и др.). Революционно-демократическая критика во главе с В.Г. Белинским и Н.А. Добролюбовым, а также ряд выдающихся филологов (А.А. Потебня, А.Н. Веселовский) выдвинули тезис о том, что главным видом речи является художественная литература, основными фигурами в филологии являются писатель-художник слова и критик, риторика же не нужна. Конечно, «роды сочинений» ещё продолжали изучаться в теории словесности, но крен всё больше делался в сторону художественной речи. Результатом такого изменения филологического предмета стало в XX веке изменение предмета филологии, который стал пониматься как конгломерат языкознания и литературоведения. Именно эти две дисциплины изучаются сегодня в школе: русский язык и литература. Таким образом, центр практического использования языка — риторика как учение о реальной прозе — был исключен из состава преподавания. В сущности, это положение для массовой российской школы сохраняется и поныне.

Современная риторика конца XX—начала XXI веков должна восстановить в переработанном виде всё «хорошо забытое старое» с учетом того, что мы живем в речевом обществе информационных технологий. Прежде всего, это изучение специфики речевого общения: как организуются правила всякой речи и каковы отдельные составляющие компоненты речевой коммуникации, какова специфика отдельных форм речи: бытового и семейного диалога, ораторского красноречия, деловой и научной прозы, но-

вых видов речи — массовой информации (радио, телевидения, газет, кино, рекламы). Эти и другие виды речей (плюс традиционно изучаемая художественная литература) составят предмет новой риторики как целостного учения о построении речи.

§ 5. Разделы классической общей и частной риторики

Деление на общую и частную риторику существует в русской традиции по крайней мере с конца XVII века. Во всяком случае, уже в латинских риториках Киевской Духовной академии XVIII века записано, что существуют как общие правила ведения и построения речи (предмет общей риторики), так и описание и рекомендации к ведению речи в разных видах словесности (предмет частной риторики).

Общая риторика в традиции, восходящей к Цицерону и Квинтилиану, включает пять разделов, каждый из которых показывает отдельные моменты в подготовке и реализации речи: 1) изобретение (лат. *inventio* — *что* сказать?), 2) расположение (лат. *dispositio* — *где* сказать?), 3) выражение (лат. *elocutio* — *как* сказать?), 4) память (лат. *memoria*), 5) произношение и телодвижение (лат. *pronuntiatio*).

Общая риторика в традиции, восходящей к Аристотелю, насчитывает следующие разделы: 1) образ оратора; 2) изобретение — содержание речи; 3) композиция — расположение; 4) речевые эмоции; 5) стиль речи (слововыражение и произношение).

Каждый из этих разделов, как сказано выше, показывает последовательность подготовки и разворачивания речи. Квинтилиановская схема позволяет сделать следующее начальное описание, находящее отражение в большинстве современных риторик, решающих проблему построения монологической речи.

1. **И з о б р е т е н и е** (*inventio*) — рождение замысла, создание идей, содержания речи. Содержание и доказательство предстоящей речи необходимо именно *изобрести*. Риторическое учение может предложить ритору определённую технику в со-

здании идей и распространении речи. Эта техническая сторона воплощена в учении об *общих местах* (топике) — способах построения доказательств или развёртывания речи (с помощью определения того, о чём мы будем говорить, соотнесения с целым или частью, родом или видом, говоря о причине, условиях, месте, времени, сравнении, подобии, противоположном и т.д.). Содержание речи может быть развёрнуто и с помощью разного рода примеров. Техника изобретения не может применяться формально, но соотносится с *уместностью* отбора материала речи для данной ситуации. Как правило, содержание речи не может не требовать новизны, оригинальности, индивидуальности творческих усилий говорящего. Довольно сложным моментом, вызывающим споры учёных, является вопрос о *вдохновении* (приходящем «свыше» или вызываемом технически), индивидуальных способностях к изобретению каждого из говорящих. Речевая эмоция рождается уже в содержании речи, поэтому само изобретение невозможно вне эмоциональных усилий создателя речи. Раздел речевых эмоций всегда входил в первую часть риторики — в современной риторике он разработан явно недостаточно.

2. **Р а с п о л о ж е н и е** (*dispositio*) — раздел о правилах композиционного построения речи. Изобретённый материал необходимо разумно, в определённой последовательности расположить. Классические риторики предлагали от 4 до 8 частей композиции речи, выделяя главные (например, вступление, доказательство, опровержение, заключение) и опуская второстепенные. Вот их полный перечень: обращение, называние темы, повествование, описание, доказательство, опровержение, воззвание, заключение.

Термин «расположение» может пониматься и шире — «как сам процесс воплощения замысла речи в словесный ряд». В таком случае будут рассматриваться различные способы, характеры и стили воспроизводства речи, устно-письменного взаимодействия (например, как различные типы ораторов го-

товятся к устной речи, заранее готовя письменные тексты или импровизируя).

3. **В ы р а ж е н и е** (elocutio) — раздел о словесном оформлении речи. Риторическое украшение речи состоит именно в использовании нужных слов. Н.Ф. Кошанский называл задачами выражения: 1) «рассмотрение слога и его достоинств», 2) рассмотрение «всех видов украшений» [Кошанский 1829: 3].

Поиск необходимых слов для выражения мыслей, затем способов украшенного расположения этих слов в фигурах речи — один из сложных моментов работы создателя текста. Облечь мысль в словесную форму, наиболее убедительную и выразительную — без осуществления этой задачи невозможно добиться риторической цели.

Как сказать? — это вопрос прежде всего стиля речи. В этой части говорится о выборе слов. Словарь любого языка даёт нам максимальную палитру красок. Всякий ритор должен искать уместный индивидуальный стиль в том виде словесности, в котором он участвует волею житейских или профессиональных обстоятельств. При этом необходимо воспользоваться советом Аристотеля: «показать себя человеком известного склада», что означает умение пользоваться не нейтральными (блеклыми, срединными, серыми) словами, а максимально разнообразить и обогащать слововыражение, обращаясь в пределах уместности и к возвышенному стилю, и к словам простым, но, как писали раньше, без вульгарности.

4. **П а м я т ь** (memoria). Перед тем как произнести отобранный и записанный материал речи, необходимо его запомнить. «Память есть совершенное и крепкое в разум взятие вещей словесных», — записано в «Риторике» 1620 года [Аннушкин 2002: 24]. Но как осуществить это закрепление в памяти? Кроме индивидуальных способностей и индивидуальных приёмов существуют универсальные приёмы подготовки к произношению будущей речи. В сущности вопрос памяти — это вопрос домашней проработки материала речи. Чем больше ритор (любой говорящий) продумывает текст будущей речи, тем богаче

копилка его памяти. Он может делать это в разной форме: 1) заучивание наизусть с повторением про себя или вслух написанного текста («зубрёжку» как механическое запоминание необходимо отличать от осмыслённого, вдумчивого проговаривания текста); 2) неоднократное прописывание, редактирование текста, невольно проявляющееся затем и в устном воспроизведении; 3) прочитывание вслух приготовленного текста с проверкой запоминания; 4) произнесение речи без письменного текста — самостоятельно или перед кем-то; 5) прочитывание или проговаривание текста с записью на магнитофон и последующим анализом собственной речи. Запоминание текста происходит тогда, когда для оратора в его внутренней подготовке выстраивается композиция речи в ясной последовательности ее частей. При этом каждая часть соотносится либо с каким-либо образом, либо с цифрой, пронумерованной частью текста. Оратор должен ярко, ясно и сосредоточенно представлять себе то, о чем говорит, — тогда образы и слова начинают приходить как бы сами собой в нужной последовательности.

Память вытранировывается постоянным возвращением к предмету, размышлением, повторением, напряжённой умственной работой. Каждый человек должен понять, какой тип работы над текстом, воспроизведения речи наиболее свойствен ему.

5. **Произношение и телодвижение.** Оратор реализует свою речь в произношении, мимике и жестах. Это — последняя стадия в реализации речи, хотя восприятие речи слушателем начинается с внешнего вида оратора и оценки стиля его произношения.

«Смысл слов зависит от того, каким тоном они сказаны» (половица). Неслучайно великий древнегреческий оратор Демосфен называет главным в ораторском искусстве «произношение и телодвижение» (латинский термин *pronuntiatio*).

В произношении или голосоведении приходится обращать внимание на ряд вопросов: темп или ритм, паузация, интонация,

громкость, тембр голоса, логическое ударение, артикуляция, постановка дыхания. Поскольку стилю речи будет посвящена особая глава, скажем кратко лишь об одном качестве — *громкости*. Само по себе обладание громкостью не является достоинством — необходимо уметь распорядиться имеющимися у вас голосовыми возможностями. Недостатком может быть и слишком громкий, и слишком тихий голос: громкий голос отторгает слушателей, мешая воспринимать содержание речи, тихий голос нередко не доходит до слушателей, вызывая их раздражение. Значит, громкость должна быть оптимальной, как бы «заманивающей» к слушанию речи. При этом возможны, скажем, перепады громкости, которые становятся голосовой игрой, разнообразящей восприятие речи.

Именно пятый раздел общей риторики включал требования к телодвижению, или пластике тела, мимике и жестике. Воспитание ратора начинается с постановки тела, а восприятие речи оратора — с оценки его внешнего вида: облика, костюма, манеры держаться, походки, мимики, жестов. Внешнее выражение и контакт с аудиторией начинаются еще до речи, поэтому необходимо уделить самое большое внимание этой «внешней» стороне оценке говорящего человека. Когда же начинается звучащая речь, то вместе с человеком, образно выражаясь, говорит и все его тело: «говорят» руки, ноги, поворот фигуры, головы, выражение лица и т.д.

В некотором смысле человеческая речь начинается с телодвижения. Ребёнок начинает прежде двигать руками и ногами, ходить, а потом уже произносить осмысленные звуки. И как среди детей лучше развита речь того ребёнка, который быстрее начинает управлять своим телом, так и в речевом искусстве более умел тот, кто разумно управляет мимикой и пластикой телодвижений.

Предметом **частной риторики** является рассмотрение правил и рекомендаций к ведению речи в отдельных родах, видах и жанрах словесности. Под **словесностью** традиционно понималась «совокупность произведений человеческой мысли, получающих

своё окончательное выражение в слове» [Энциклопедический словарь «Гранат»: 518], «совокупность словесных произведений, или произведений слова, созданных человечеством» [Смирновский 1913: 7]. Однако обозрение всех произведений словесности (или всех речевых произведений), создаваемых даже одним человеком, невозможно — тогда мы потонули бы в океане текстов. Принципы культуры заставляют общество отобрать наиболее ценные тексты, систематизировать их и пытаться выработать рекомендации к их построению.

Систематизация текстов выстраивается в общей филологии, где «каждое высказывание, созданное кем-либо и так или иначе завершённое, принято называть произведением словесности или словесным произведением» [Рождественский 1996: 20]. Для создания словесного произведения требуется воплотить замысел речи в определенном целенаправленном труде, когда соединение *орудий речи с материалом речи* позволяет создать *текст словесного произведения*. Поскольку существует множество видов орудий речи (органы артикуляции, орудия письма, печатное оборудование), материалов речи (воздух, бумага, магнитофонная лента, печатающие устройства и пр.), можно говорить об определенной *фактуре речи*, которая представляет собой «обработанный определенными орудиями определенный материал речи» [Рождественский 1996: 21].

В современном развитом обществе постиндустриального типа историческое развитие техники речи позволяет выделить четыре основных фактуры речи, которые показывают в самом общем виде историческое движение человечества: устную речь, письменную речь, печатную речь, речь средств массовой коммуникации. Эта классификация родов словесности, развиваемая далее в деление на виды и жанры словесности, чрезвычайно важна, поскольку материальные возможности фактуры речи диктуют содержание и характер общения.

Традиционная риторика занималась преимущественно монологической речью, и первое деление на роды речей мы находим у Аристотеля: совещательная речь (политическая речь, имеющая

целью обсуждение общественного блага), эпидейктическая речь (поздравительная, целью которой является похвала или хула, а содержанием «прекрасное»), судебная речь (состояние тяжущихся сторон, целью при этом служит установление истины, содержанием — «справедливое или несправедливое») [Аристотель 1978: 24—25]. Впоследствии объём видов словесности, подвергавшихся описанию, разрастался, например, «Риторика» Феофана Прокоповича 1705 года, профессора Киево-Могилянской академии, включала описание поздравительных речей, церковного, свадебного красноречия, правила написания писем к различным особам и способы писания истории [Петров 1865: 488]. Русские риторики XIX века значительно расширили состав рассматриваемых видов словесности. А.Ф. Мерзляков указывает на следующие «роды»: «а) письма, б) разговоры, в) рассуждения или учебные книги, д) история истинная и вымышленная, е) речи (последние по «содержанию и намерению» делились на «духовные, политические, судебные, похвальные и академические» [Мерзляков 1828: 15, 96]. Значительно расширенной выглядит эта схема у Н.Ф. Кошанского, подробно разбирающего предмет частной риторики в 6 разделах: «1) словесность, 2) письмо, 3) разговоры (философские, драматические и др., но не бытовой диалог), 4) повествование, 5) ораторство, 6) учёность» [Кошанский 1832: форзац учебника]. Во второй половине XIX века с заменой риторики на теорию и историю словесности в состав изучаемых видов словесности добавилось устное народное творчество, но изучение текстов всё более ограничивалось лишь произведениями изящной или художественной литературы.

Современная риторика должна включить в сферу своего изучения максимальный состав форм и видов словесности. Так, Ю.В. Рождественский предлагает рассматривать следующие роды и виды словесности:

1. Устная словесность:

- а) до письменная, не имеющая письменной основы (разговорно-бытовая речь, молва, фольклор);

- б) *литературная*, то есть устная речь, могущая иметь письменный прототип и подразделяемая на ораторику (судебная, совещательная, показательная речи), гомилетiku (учебная, пропагандистская, проповедническая речи) и сценическую речь.
2. *Письменная словесность*, где в зависимости от писчих / неписчих орудий и материалов письма выделяются: *сфрагистика, эпиграфика, нумизматика* и *палеография*, а в *палеографии* — основные виды или классы письменной речи: *письма, документы, сочинения*.
3. *Печатная словесность, литература*: *художественная, научная, журнальная*.
4. *Массовая коммуникация*, подразделяемая на *массовую информацию* (*радио, телевидение, газета, кино, реклама*) и *информатику* [Рождественский 1996: 23].

Эта схема соответствует картине исторического развития языка в человеческом обществе на базе технического прогресса, то есть в начале появляется: 1) *устная речь*, которая объединяет людей в семейно-родовом и патриархальном обществе, затем 2) *письменной речью* и соответствующими видами возникают искусства и науки, религиозные и философские учения; печатный станок рождает 3) *печатную литературу* и её развивающиеся виды: научную, художественную, журнальную литературу. Каждый последующий род и вид словесности не только не ликвидирует, но обогащает и усложняет уже существовавшие виды. XX век посредством развития электронной техники позволил создать новую фактуру речи, в рамках которой развилась 4) *массовая коммуникация* (*радио, телевидение, прессу, рекламу, кино*) с максимально широкой аудиторией и, конечно, своими законами и нормами регуляции речи.

Современная развитая языковая личность должна быть знакома со всеми существующими в современной цивилизации видами словесности, знать и понимать законы речевого воздействия в различных формах речи (например, роль телевидения как коллективного органа речи в управлении общественным сознанием),

а если необходимо, то и самому становиться исполнителем речи. Конечно, каждый человек специализируется лишь в определённой сфере деятельности, а потом в определённых формах речи (например, пишет художественные произведения, или занят деловым общением, или читает лекции), но каждому члену общества необходимо знать основные законы управления речью как законы управления обществом.

§ 6. Культура речи как исторический и современный феномен

В XX веке в советской России получил развитие предмет **культура речи**. **Культура речи** — чисто русский феномен, национальный термин, введенный в русскую науку в 20—30-е годы Г.О. Винокуром, В.В. Виноградовым, С.И. Ожеговым. **Культура речи** разрабатывалась усилиями замечательных лингвистов Д.Н. Ушакова, Л.В. Щербы, О.С. Ахмановой, В.Г. Костомарова, А.А. Леонтьева и мн. др.

Этот термин отсутствует в иностранных филологиях в силу специфичности самих проблем, которые предлагались к рассмотрению в культуре речи. В советское время культура речи понималась только как учение о литературной норме — и именно этой ограниченностью грешат современные программы по преподаванию данной дисциплины, введенной ныне во всех вузах России. Между тем для большинства педагогов и учащихся смысл данной дисциплины, конечно, состоит в развитии языковой личности в целом, формировании образа ратора как высококвалифицированного специалиста-речевика. Большинство учебников и учебных программ не в силах выйти за это устаревшее понимание культуры речи.

Чтобы осуществить переход к культуре речи как учению об эффективной речи общества и личности, необходимо уяснить, что такое **культура** в отношении к речи и что такое **общественная речь**. Понятия **риторика** и **культура** сопоставляются неслучайно. Главная идея филологии — устройство жизни и совершенство-

вание человека через язык. Язык никогда не был средством механических умственных операций, анализ любой проблемы для филолога превращается в перспективное видение приложения языка к его практическому применению. Ю.В. Рождественский приводит две главные разновидности многочисленных толкований слова «культура»: «а) форма коммуникаций, принятая в данном обществе или данной общественной группе, и б) совокупность достижений людей» [Рождественский 1999: 3]. Культура представляет собой «отбор, систематизацию, хранение, изучение и организацию использования правил и прецедентов деятельности» [Рождественский 2002: 58] — и эта деятельность может быть изучена применительно к русской речи. Развитие культуры можно представить и как развитие форм общественной речи — того, что называется формами словесности (устная, письменная, печатная, новая словесность массовой коммуникации), и как творческое развитие достижений словесной культуры в данное историческое время.

На проблемы культуры речи распространяются принципы культуроведения, в частности: фактом культуры является «не любой факт, а факт, представляющий либо правило, либо прецедент» [Рождественский 1999: 13]. Филологическая культура представляет собой как раз деятельность по такому отбору фактов, которые либо рекомендуются к включению в преподавание (ср. тексты, отбираемые в процессе обучения каждым создателем программ), либо включаются в пользование обществом (какие книги рекомендуются к прочтению и популяризируются через СМИ, какая музыка, живопись, рекомендуются к пользованию, какие факты рекомендуют к отбору и обсуждению сами СМИ и т.д.).

Культура общества и личности основывается на традиции, знании прошлого. В то же время культура — это творческий процесс, устремленный в будущее и предполагающий создание нового. Процесс новообразования связан с риторическим изобретением. Изобретение в риторике предполагает создание новых, неожиданных решений, оригинальных мыслей и слов, позволяющих качественно и эффективно поменять содержание и стиль

деятельности. Но изобретение качественно только тогда, когда оно входит в определенную культурную традицию и проверено критериями вкуса и стиля.

Новая культура СМИ страдает желанием новообразований вне связи с культурой как достижениями прошлого. Например, предлагается новый стиль речи — демократически опрошенный, соответствующий, по мысли создателей (теле- и радиоведущих, журналистов и всех, кто помогает создавать эту речь), новому стилю жизни и — без сомнения — новой идеологии. Идеология массовой информации исходит из фактуры этого вида словесности. Массовая информация является коллективным видом речи, в создании которого участвует множество людей. По содержанию массовая информация фактографична, и сама событийность оценивается нередко как бы вне идеалов и определенного взгляда на мир, однако сам отбор фактов, их оценочный комментарий уже говорят об определенной позиции органа массовой информации. Поскольку текст массовой информации не храним, он находится вне связи с культурой; в то же время эта речь распространяется на массовую аудиторию, которая благоговейно «внимает», не будучи в состоянии ответить, в результате массовая информация становится распространительницей определенных вкусов, идеалов, образцов или стереотипов поведения. Однако сегодня мы видим, что идеология без идеалов, осуществленная в речи СМИ, самоубийственна, поскольку сеет смертные грехи и греховные помыслы, предлагая нередко «образцы» безблагодатных страстей и пороков. Но классическое риторическое воздействие на страсти (здесь в основном как недолжные установления человеческого духа) продолжает быть основой этого теле-«красноречия».

Риторическо-культурный идеал не является простым соответствием требованиям и вкусам большинства людей. Это сложное мыслительное построение, которое обычно не соответствует общевульгарному представлению и заявляется как философско-этическая или интеллектуальная новация, меняющая общие взгляды. Риторический идеал предполагает совершенство чело-

века в языке. О принципиальной недостижимости риторического идеала в отдельном ораторе писал Цицерон — и это предтеча христианской идеи о греховности каждого человека, которая проявлена прежде всего в слове. Тем не менее человек есть образ Божий и стремление человека к Богу требует совершенства словесного. Словом *«уподобляется человек Богу, имеющему свое Слово. Слово человеческое подобно Слову Божию»* [Брянчанинов 1999: 7].

Цель риторики — совершенствоваться через стиль речи стиль жизни. Стиль жизни формируется стилем речи. В стиле речи — богатство или бедность мысли, вкус или безвкусица слова, изящество или убожество звукоизвлечения. Вслушайтесь в речь, проанализируйте сказанное или написанное — вы почувствуете стиль человека. Дело учителя риторики и словесности — научить анализировать. Многие беды современного нашего Отечества в XX веке — от того, что слушать и различать смысл прозаических слов никто не научил. Так, в частности, рождался сладостный обман перестройки. Причина экономических неудач — в словесной необразованности и риторической неорганизованности.

Стиль речи создает общественный настрой. Основания такого настроения — в скрытых помыслах и страстях, в той словесной ауре, которая предлагается обществом через образцы речевой культуры деятельности в СМИ, системе образования, семье и других социальных институтах. Современный человек распоясан свободой слова. Модные телеведущие искренне обсуждают проблему сквернословия, спрашивая авторитетных филологов: «не все ли равно, как сказать?..». Последние спорят о том, «равны» ли все слова, мол, все слова имеют право на существование. Слова существуют действительно, но культура состоит в том, чтобы себя ограничивать и устанавливать запреты. Некоторые представители современной либерально-демократической культуры не осознают, что культура начинается с запретов, в том числе на отбор средств выражения. В результате запретов, многообразия слов и ситуаций, которые могут быть обслужены различными словами, человек расцветает, потому что работает над культивацией в себе человеческого начала.

Современная цивилизация трудна обилием информации, обрушившейся на нас. Предшествующие формы речевой культуры не исчезают, а обогащают последующие. Поэтому современные речевые технологии могут существовать только потому, что существовали и продолжают существовать устная речь и литература. Однако одинаково ущербен и человек, не желающий читать литературу, и человек, отрицающий новые речевые технологии.

Новые речевые технологии создают почву для стилевых нововлений. Типы общения в Интернете, по электронной почте, мобильной телефонной связи предлагают существенно новый стиль русской речи. Эта речь не может не основываться на культурной традиции, но сколь бы ни был новаторски и креативно настроен пользователь, он не может не опираться на факты предшествующей культуры. Что касается оценок этой «текущей деятельности» (фильмов, песен, книг), пока не вошедшей в культуру, то они должны быть организованы с опорой на культурную традицию, понятия вкуса, элементарной этики и нравственности. Дурны не сами по себе компьютеры и телевидение, а то, как их использует человек.

Ответственностью филолога в обществе создается обстановка нравственной оценки речевых поступков. Человек должен нести ответственность за произносимые слова. Именно этот особый раздел риторической науки — риторическая этика — нуждается в том, чтобы быть распространенным среди школьников и студентов. Новое поколение всегда желало жить по-новому — и надо уметь радостно принимать новое. Но дело учителей — быть в состоянии направить вкусы молодежи. Поэтизация и романтизация пороков, блатной и уголовной жизни — все это семиотический фон, на котором иные авторы пытаются сформировать стиль мысли, стиль слова, стиль жизни.

Современное речевое воспитание в школе и вузе часто не имеет риторико-философских основ. Мы учим формальным правилам языка, не умея показать, как **через слово организуется вся человеческая жизнь**. Внешнего успеха в XX веке достигли те нации, жизнь которых благоустроена через слово, говоря по-совре-

менному, — эффективные коммуникативные технологии (таковы Япония, Франция, США). Наше отношение к слову особенное: лучше красно жить, чем красно говорить. Но пока не научимся украшать и удобрять свою жизнь прекрасным и благим словом, хорошей жизни не будет.

Ответственность за произносимые слова предполагает правильное **именование**, которое не только толкует назначение и применение всех вещей, но и определяет их понимание, играет первенствующую роль в процессе воспитания людей и управления общественными процессами. Здесь сосредоточен этический центр философии языка (Ю.В. Рождественский). Так, в деловой этике или риторике мы не находим русских слов с точным толкованием для правильного именования понятий «дело», «деловой человек», избирая иностранные, ныне престижные слова «бизнес», «бизнесмен». Пока в России не научатся и не осмелятся вместо «имидж» говорить «образ», вместо «бизнес» — «дело», «предпринимательство», вместо «менеджмент» — «управление», придав этим словам их исконный положительный смысл и поверив в их будущность, невозможно говорить об уверенности в своих силах и благополучном существовании общества.

Анализ трудов по культуре речи, риторике, стилистике показывает, как при всем разнообразии и кажущемся противоречии идей отдельных ученых происходит процесс взаимообогащения идеями (подобным образом «мудрость риторика» в XVII веке провозглашала «союз» с грамматикой и диалектикой: «яко та со мною и аз с нею...»). Мы видим, как определения и описания требований к культуре речи обогащаются понятиями «речевого мастерства» (Л.И. Скворцов, 1-е изд. энциклопедии «Русский язык» — [Скворцов 1979: 119], «этики общения» и «эффективности в достижении целей коммуникации» (Е.Н. Ширяев, 2-е изд. той же энциклопедии — [Ширяев 1997: 204]). Эта же терминология, самостоятельно возникшая в трудах по культуре речи, присутствует в большинстве определений риторики у А.К. Михальской, Ю.В. Рождественского, А.А. Волкова и мн. др. авторов.

Теоретики современной риторики обращаются к понятию «культура» как основополагающему. Задачи риторики в современном информационном обществе «должны опираться на культуру речи данного общества» (предисловие ко 2-му изд. «Теории риторики» Ю.В. Рождественского [Рождественский 1999: 3]). Далее у того же автора: «Под культурой речи общества понимаем знание всех видов слова, их смысловых возможностей, их отношение к другим видам семиозиса и систематизацию через речь культуры как целого» [там же].

По-новому начинает восприниматься понятие стиля и задач общественной стилистики. Стиль как характер соединения мысли с поступком несет в себе широкие возможности толкования. Вот почему имеет смысл говорить не только о стилях литературного языка и стилях речи, но и о возможностях влиять через все виды словесной деятельности на существующий стиль жизни (ср.: «информационное общество несет новый стиль жизни и требует новой риторики»).

Понятие культуры стало чрезвычайно модным в последнее время. Оно требует точного определения и правильного оперирования с фактами культуры. Культура — это правильный выбор и поступок: нельзя наложить слишком много запретов на новое, но и новизна не должна разрушать предшествующих достижений. Поэтому культура действительно есть первое требование к речи. Вспомним, как основоположник культуры речи Г.О. Винокур предварял «культурностью говорящего» все остальные требования к его речи, в том числе к воспитанию «лингвистического вкуса и лингвистической дисциплины».

В настоящее время невозможно перечислить все дисциплины (причем не только филологического цикла), которые имеют отношение к речи либо же претендуют на возможное влияние на культуру речи. Во всяком случае к проблемам речевой культуры имеют отношение: стилистика (практическая, функциональная), лингвистика текста, прагматика, теория речевых актов, теория речевого воздействия, речеведение, лингвоэкология и нек. др. Каждое из этих направлений по-своему решает проблемы нор-

мализации общественно-языковой практики — в некотором смысле это говорит о богатстве и разнообразии идей современной филологической науки, которыми необходимо воспользоваться и правильно распорядиться.

И все-таки наиболее целесообразным с позиций культуры является обращение к опыту классических учений о речи, в частности словесности и риторики, пытающихся включить в сферу своего рассмотрения максимум вопросов, имеющих отношение к изучению речи современного общества. Современная теория словесности в соответствии с традициями русской словесности включает в рассмотрение правила и нормы создания словесных произведений (включая не только внутренние правила словесности, но и внешне-технические стороны организации речи). Классическая словесность всегда стремилась к максимальному охвату родов, видов и жанров речи — развитая языковая личность и должна владеть навыками в разных видах словесности.

Риторика является современной теорией речи. Основываясь на классических идеях европейской и отечественной культуры, риторика рассматривает общие вопросы речевой коммуникации (разделы общей риторики по-прежнему сохраняют свою актуальность), именно риторический анализ позволяет строить правила и нормы речевого поведения в разных видах словесности. Современная частная риторика касается всех видов речевого взаимодействия: от обыденной риторики (риторики бытовой речи) до политической, педагогической, юридической и многих других видов частной риторики. Завершать этот перечень, конечно, должна риторика СМИ.

Для филолога очевидно, что мыслеречевые новации нового времени должны быть основаны на культуре как знании предшествующих образцов словесности, на образованности, на организации педагогической работы по распространению риторических, культурноречевых знаний. Риторика ставит перед речедееателем инновационные задачи творческого изобретения, создания предусмотрительной мысли, ответственной речи, выразительного и уместного слова. В некотором смысле риторическое задание со-

стоит в том, чтобы преодолеть норму, вполне опираясь на нее. Риторическое изобретение ставит задачи создания нового стиля. Сформировать стиль возможно только через речь — и только таким может быть способ формирования новой общественной стилистики.

Таким образом, значение комплекса речевых дисциплин, касающихся речевой культуры, становится решающим для формирования стиля жизни, который формируется через стиль мысли, стиль речи и воплощается в разных видах культурносозидательной деятельности. Отсутствие речестилевого и культурноречевого образования означает общественную стагнацию. В формировании образа нового ратора должны принять участие все перечисленные в настоящей статье дисциплины, вбирая весь национальный культурно-исторический опыт и развивая его по законам творческого изобретения.

Сказанное позволяет сделать несколько обобщений:

1. Каков язык, такова и жизнь. Язык — практическое средство благоустройства общества и благополучия человека.
2. Язык — как выражение «силы ума и дара слова» (Н.Ф. Кошанский) — главное отличие человека. Каков язык, таков и человек. В языке — весь человек: и мысли, и слова, и дела, поскольку и слово есть поступок.
3. Речь может основываться только на культуре. Культура обобщает положительный опыт речевого творчества, указывает способы оптимального пользования речью.
4. Стиль жизни формируется стилем речи. В стиле речи — богатство или бедность мысли, вкус или безвкусица слова, изящество или убожество звукоизвлечения.
5. Через стиль речи создается общественный настрой. Основания такого настроения — в наших скрытых помыслах и страстях, а основания красноречия — страсти...
6. Поэтому опять: какова речь, таков и человек. «Скажи мне слово — и я скажу, кто ты». От «плодов уст» общество или человек вкушают либо добро, либо зло.

Дефинитивные толкования риторики предполагают следующие идеи:

1. Риторика — фундаментальная теория и искусство речи (последнее понимается как определенное умение, техническая «выучка»), практическая «ловкость» владеть мыслями и словами в разных ситуациях общения.
2. Риторика — искусство «мыслить». Обучение речи (языку, слову) невозможно без одновременного обучения мыслить (и мыслить **нравственно**), формировать мировоззрение, получать знания и выражать свою жизненную позицию в слове. Отсюда особая серьезность риторики как реального мыслеречевого творчества, выражающего позицию каждого человека в жизни. Основой риторики всегда были философия и этика, вне этой духовно-нравственной основы невозможно представить и современные методики преподавания риторики или иных многочисленных речевых технологий.
3. Риторика — теория и практика совершенной речи: убедительной, украшенной, уместной, эффективной, целесообразной и т.д. Все перечисленные качества могут быть взяты под сомнение, т.к. всякая речь может быть обращена, что называется, «во зло»... Поэтому ограничены определения риторики как теории «красноречия» (к красивой речи люди относятся с недоверием), или «убеждения» (спрашивают: как оно соединяется с нравственностью?), или «эффективности» речи (эффект — это хорошо, но для чего?). Поэтому в соответствии со стремлением человека к совершенному Слову предпочитаем назвать риторику учением о совершенной речи.
4. Риторика — учение о речевом воспитании личности. Поскольку в речи выражен весь человек, риторика способствует формированию всей личности человека, прежде всего его идеологии, знаний, жизненной позиции, способности выражать и защищать свою позицию словом. Соответствие этому требованию позволит воспитать такого человека, для которого язык (слово, уста) станут подлинной «стеной» и «защитой».

5. Риторика — теория и практика речи развитого и информационного общества, предполагающая изучение большого разнообразия текстов, включенных в культуру: от бытовой речи до речи средств массовой информации. Развитая языковая личность должна хорошо ориентироваться в разных видах словесности, понимая их природу и владея навыками эффективного общения. Задача филологической науки — описание и отбор текстов культуры, т.е. таких текстов, которые являются образцовыми, могут быть включены в обучение и через образование обеспечивать связь поколений и возможность продуктивной деятельности общества.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. В чём состоит положительное и отрицательное воздействие «практического» языка-речи? Язык «друг» или «враг», «лечит» или «калечит», «мешает или помогает»?
2. Какие суждения классиков науки или литературы вы можете привести, говоря о значении языка в нашей практической жизни?
3. Ответьте или напишите кратко: что такое хорошая речь? Кого можно назвать человеком, владеющим искусством речи? Есть ли таковые среди ваших родственников, друзей, знакомых? Сделайте несколько речевых портретов.
4. Как связано искусство говорить с нравственным обликом человека?
5. Как связаны понятия «мысль — слово — дело» или «думать — говорить — делать»?
6. В приведённых определениях риторики выделите элементы старого или книжного стиля. Как эти определения связаны с сегодняшней речевой практикой?
7. Почему в середине XIX века возобладала критика риторики? Какие положительные и отрицательные результаты мы имеем в результате критики и отмены риторики в конце XIX века?

8. Какие виды речи не были охвачены «старинной» риторикой? Какой вид речи (словесности) возобладал в русской традиции при преподавании языка и литературы?
9. В чём смысл деления риторики на общую и частную?
10. Каковы части общей риторики? Как можно представить процесс реализации речи по разделам общей риторики?
11. Какие советы можно дать говорящему или пишущему при подготовке речи?
12. Каковы традиционные части композиции речи?
13. Какие требования к словесному выражению вы можете предложить?
14. Как вы работаете над памятью — запоминанием письменного текста?
15. Какие недостатки произношения вы можете назвать или описать? Каковы вследствие этого правила произношения?
16. Какие виды словесности охватывались классической риторикой?
17. Какова современная классификация родов и видов словесности?

Глава II

СПОСОБЫ ОБУЧЕНИЯ РИТОРИКЕ

§ 1. Обучение риторике в античности

Как учиться речевому мастерству? Да и можно ли научиться говорить убедительно, выразительно, результативно? Есть ли методы обучения риторике? Какие советы можно дать человеку, приступающему к изучению риторики и работе над совершенствованием своей речи? История риторики накопила богатый опыт ответов на эти вопросы. Раздел риторики, относящийся к обучению речевому мастерству, называется **риторической педагогикой**. Классическая риторическая педагогика имеет неустаревающие приемы, которые переходят в современный опыт общения, и этой культурной базой необходимо воспользоваться, чтобы не изобретать велосипед.

Педагоги Древней Греции и Древнего Рима ясно понимали, что всякое воспитание начинается с речи. Поскольку обучение начинается с подражания языку тех людей, с которыми ребенок общается, то прежде всего рекомендовали искать хороших воспитателей. Понятно, что ребенок перенимает достоинства и недостатки тех людей, с которыми он говорит.

Воспитание оратора (говорящего человека) шло параллельно с воспитанием нравственности. Основатель европейской педагогики, учитель риторики Марк Фабий Квинтилиан писал в I веке н.э.: «Современным оратором никто, по моему мнению, быть не может, не будучи добрым человеком: и потому не одной превосходной способности к красноречию, но всех душевных доблестей требую. Никак не могу согласиться с теми, кои полагают, что научать, как честно и справедливо жить, исключительно принадлежит философам: ибо того истинного гражданина, способного управлять общественными и частными делами, умеющего советами своими поддержать спокойствие между сожителем»

щими, ограждать их законами, назидать суждениями, можно ли не почесть оратором?» [Квинтилиан 1834: V].

Обучение риторике считалось невозможным без воспитания тела и обучения философии. Телесное воспитание важно, потому что вместе с совершенствованием тела совершенствуется речь: если человек неуклюж, скован, плохо двигается, так же скована будет его речь и неповоротлив язык. Философия как общее учение о мире была образовательным фундаментом для риторики, ритор был обязан стать знающим и образованным человеком. Таким образом, риторика предполагала физическое и духовное совершенствование человека.

Обучение риторике предполагало индивидуальные занятия с учителем риторики в составлении и произнесении речей. Учитель должен был корректировать речь, учить писать и произносить, воспитывать ораторские манеры говорящего. Обучали монологическим речам, основные виды которых (речь совещательная, судебная, показательная) характеризовали речевую практику античного общества. В то же время в риторических школах античности велись и диалоги с учениками по образцам тех диалогов, которые вел со своими учениками Сократ.

Современная речь развитого информационного общества значительно богаче и разнообразнее, но нам остались образцы лучших речей античности, как и примеры их споров и диалогов. Ориентация на образцы речи всегда была культурным основанием в риторическом обучении. Считалось необходимым разбирать и анализировать образцовые речи, читать вслух для отработки произношения. Эти классические формы чтения и разбора чужих текстов остались в наших школах.

Философия как идеологическая платформа политика, судьи или любого другого профессионала-речевого соединяется с требованием владения убедительной речью. Истинный гражданин — управляющий, советующий, назидатель — не может не быть оратором. Подлинный оратор должен быть прежде всего человеком знающим: «да будет оратор таков, чтоб его по справедливости можно было назвать и мудрецом; не только совершенен в нравах,

но совершенен и во всех знаниях, во всех качествах, потребных для красноречия» [Квинтилиан 1834: VIII].

Оценивая важность занятий риторикой для государственного человека, М.В. Ломоносов замечал: «Даже римские консулы не гнушались заниматься с учителями риторики». Ученик должен был составить речь, выучить наизусть, а затем продекламировать в классе перед учителем. Учитель корректировал речь, показывал образцы чтения и произнесения. Наизусть выучивались целые страницы, память тренировалась, а мозг упражнялся.

Произнесение речей было способом решения государственных вопросов на форуме или в сенате, спорные речи произносились в судах, а торжественные на всеобщих праздниках, поэтому занятия риторикой становились подготовкой к государственной карьере. Организация публичной речи (на площади, в сенате, в суде) определялась обычаями и законами античного полиса и являлась основой его благоустройства.

§ 2. Обучение риторике в Древней Руси

Если для античного государства огромное значение имела устная публичная речь, то развитие письменности, распространение христианства привели к принципиально иному строению государства. Большую роль начинает играть книжная и письменная ученость, где фиксировался не только образ благого поведения, но и правила речи, по которым должен жить человек.

Древним русичам были хорошо известны слова «**риторика**, **ритория** (или **ритория**), **ветийство** (писалось через «ять»), **ритор**, **ветий** (или **ветия**)». Русским словом «**ветийство**» как раз было переведено греческое слово **rhethorica**. Как видим, оно имеет корень **вет-**, означающий говорение (ср. современные слова *привет, совет, ответ, завет, навет* и т.д.). Риторика рассматривалась как «высшая» наука, к изучению которой переходили после «**грамотикии**» (грамматики). Ученые греки восхвалялись за знание не только грамматического, но и «риторического искусства».

До XVII века на Руси отсутствовали учебники риторики, однако существовали понятия добрословия и благоречия (в противовес злоречию), которые и были основными принципами речевого поведения.

Древнерусский книжник обучался на религиозных текстах христианской культуры, изучая образцы литературной и ораторской практики. В Священном Писании были приведены основные принципы благоповедения, например, заповеди блаженства ясно говорили о том, что человек должен быть кротким, милостивым, миротворным, стремящимся к правде — и именно эти качества позволяют жить благополучно долгие годы. Нравственные же качества показывали образ благой речи: «приветствуй с приятностию, отвечай со светлым лицом, ко всем будь благосклонен, доступен, не пускайся в похвалы самому себе, не вынуждай и других говорить о тебе, прикрывай, сколько можно, свои преимущества, а в грехах сам себя обвиняй и не жди обличения от других». Так беседовал со своими учениками один из великих ораторов христианства Василий Великий (IV век н.э.), чьи произведения были высокочтимы в Древней Руси.

Имея ясную веру, знание и потребность высказаться, ораторы совершенствовались непосредственно в речи. Так, Кирилл Туровский, проповедник второй половины XII века, говорит радостное «Слово в новую неделю по Пасце» (в первое воскресенье после Пасхи), где сравнивает пробуждающуюся весеннюю природу с «церковью Христовой», которая подобным образом обновляет и преображает мир. А при нашествии на Русскую землю татаро-монголов известный проповедник середины XIII века Серапион Владимирский печалует о наших грехах («делах неподобных»), за которые Господь поразил Русь погибелью и разорением.

Замечательный образец учения дан в описании учителей-старообрядцев Выговской школы, организованной на севере Руси в 90-е годы XVII века. Именно в этот период бежавшие на север старообрядцы организовали на озере Выг свою общину, где стали обучать всем словесным наукам и особенно риторике, собрав

все известные на Руси риторические сочинения. Основателей общины Андрея и Семена Денисовых называли «златоустами», и память учеников сохранила не только их «сладкословесный образ», но и зафиксировала способы обучения «словесной мудрости».

Эти образцы можно прокомментировать с позиций современной методики, которая, продолжая культурную традицию, несомненно многое заимствует из этого опыта учения:

1. О Семене Денисове сказано, что он не только имел «одаренную от превысочайшего Создателя естественную память», но еще и «изрядно видим был в художественных сих, спомошествующих памяти правилах», т.е. обладая природной памятью, пользовался определенными правилами и приемами.
2. Прежде всего учился постоянно и упрямо: «с младых лет всегда непременно пребывал он в частом обучении Божественного Писания и внешнего любомудрия» (а внешними науками назывались светские науки: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, астрономия и нек. др.) — у человека XVIII века была прочная философская основа для риторства (Священное Писание), а обучение рекомендуется постоянное и без перерывов («непеременное») — ср. современного человека, живущего нередко в постоянно изменяющихся ценностях массовой культуры.
3. «Прочитывал писание с прилежным вниманием не только телесными, но и душевными очами» — это способ чтения, которое было не «скорочтением», к которому нередко вынуждены прибегать мы, чтобы освоить большие объемы информации, а внимательное и осмысленное прочтение «душевными очами». Подспудно здесь присутствует проблема речевой нагрузки человека.
4. Память тренировал «вытверживанием к сказанию изустно на память грамматические и прочих наук правила» — произнесение вслух заучиваемого текста способствует его запоминанию. И это не зубрежка, а прием сознательного запоминания текста через «внутреннее видение» произносимого текста.

5. Можно говорить и о своеобразной методике в освоении изучаемых текстов, в «тверждении» которых «поступал умеренно: не на все купно скоро захватить простирался, но по частям и периодам» — актуальное замечание, касающееся постепенности обучения.
6. Многое зависело и от того, с кем общается человек, желающий учиться словесным наукам, поэтому сказано: «частые о всем оном всегда с учеными людьми разговоры имел».
7. Характерно употребление неких мнемонических приемов для запоминания текстов: «употреблял в письмах некие для памяти значки, числа и азбучные писмена (буквы)».

Глубоким и важным является заключительное замечание, касающееся единства идеологии ратора, его мировоззренческих взглядов и установок, ибо сказано: «книги, по ним же учился, написанные властною его рукою, никогда не изменял, но хранил их всю жизнь неизменно, в рассуждении таком, что весьма сие памяти спомошествоует. Премение же книг оную несколько помрачает и воспоминания остроту притупляет» [цит. по кн.: Аннушкин 2002: 139].

Мы видим, как описание Семена Денисова связано, естественно, с образом ратора, который создавал этот человек, потому что образ ратора выражает определенную позицию данного человека в жизни. Образ же духовного ратора отличен от образа ратора светского. Для современного человека важно сопоставлять эти образцы и примечать, чем может быть полезно то или иное описание. Например, сказано, что «любил повсегда пребывать в умней тихости», или «хранил во всем ...целость чистоты, как в теле деятельно (практически. — *А.В.*), так и в тончайших мыслех зрительно (теоретически. — *А.В.*), и от онаго имел спасительную чистоту всегда в своей совести, кая немалый успех может к памятованию вещей придати». Так чистота мысленная и телесная, по мысли раторов XVIII в., приводит к чистоте совести и крепкой памяти.

Нельзя пройти мимо чисто практических советов в «произношении гласа», которые и ныне звучат вполне актуально:

1. (к чистоте произношения) «дабы последние слоги в речениях чисто произносились»;
2. (к темпу речи) «чтобы говорить не вельми косо и не вельми бодро, но посредственно»;
3. (к громкости речи) «не зело бы кричливо, напротив же и не есма б тихо, и не по подобию секиры, секущей лес...» и т.д. [цит. по кн.: Аннушкин 2002: 139].

§ 3. Как учились риторике Ломоносов, Пушкин, Лермонтов

В «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. Ломоносов ясно описал «средства приобретения красноречия» — искусства украшенно и убедительно говорить и писать. Его способы обучения риторике соотносятся с предшествующей риторической традицией, демонстрируя, как «благородная упряжка» и желание овладевать знаниями позволяют создавать на культурной основе новое продуктивное знание. Ломоносов использует не только риторическое учение своего учителя Порфирия Крайского, но и те рукописные книги, по которым учился ранее. Так, в его библиотеке хранился экземпляр «Риторики» Михаила Усачева, к которой будут восходить у Ломоносова и определения самой риторики, и способы обучения красноречию, только терминология выглядит синонимической и стилистически обновленной (подробное сопоставление см. в кн.: [Аннушкин 2003: глава 2].

М.В. Ломоносов называет пять «средствий приобретения красноречия: первое — природные дарования, второе — наука, третье — подражание авторов, четвертое — упражнение в сочинении, пятое — знание других наук» [Ломоносов 1952: 92]. Покажем, как эти ломоносовские советы могут проявиться в современном осмыслении способов обучения риторике.

1. Под «природным дарованием» понимаются «душевные и телесные» способности, которыми наделила природа всякого из людей. Среди «душевных дарований» Ломоносов называет «остроумие и память», необходимые как «добрая земля к по-

сеянию чистого семени». Понятие «остроумие» связывается с исходным значением «острого ума», который является основой для проявления риторических способностей, состоящих в способности быстро и живо находить способы аргументации. Память же необходима для ориентировки в знании, которое ритор может применить в заданных обстоятельствах. Очевидно, что оба качества требуют развития в современном риторе, а способность к живой изобретательности (живости ума и чувства), нахождение нужных аргументов и содержания речи — основное требование к ритору.

«Телесными дарованиями» М.В. Ломоносов называет «громкий и приятный голос, долгий дух и крепкую грудь», «дородство и осанковатый вид». К каждому из этих понятий современная риторическая педагогика должна дать ряд пояснений: пластическое развитие личности (умение двигаться, владеть телом, оптимально жестикулировать) непосредственно связано с умением говорить. Человек, раскрепощенный пластически, как правило, имеет и более свободную речь. Поэтому целесообразно техническое обучение оратора начинать с обучения внешнепластическим приемам: как стоять, держать корпус, голову, как жестикулировать, как артикулировать, интонировать, посылать звук и т.д. Современный оратор должен владеть голосом, поскольку по тембральным и интонационным качествам оценивают личность говорящего: однообразный и тусклый тембр, невыразительность интонаций характерны для эмоционально и интеллектуально бедных людей. Причем современная риторика менее всего настаивает на внешних эффектах — громогласие и напыщенность только отторгают от оратора, но благозвучие и приятность речи никто не отменял. Что касается архаично звучащих сегодня требований «дородства и осанковатого вида», то речь идет не о принятии вида самодовольной важности, а о требованиях пластической эстетики, соответствии требованиям вкуса, состоящих в определенном каноне телодвижения (более подробно — см. главу 8 «Стиль произношения и язык телодвижения»).

2. Ко всякой деятельности, в том числе речевой, могут быть предпосланы определенные правила, советы и рекомендации. Поэтому следующий ломоносовский пункт касается «науки»: «Наука состоит в познании нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию». Правила выводятся из наблюдений над речевой практикой, обобщений удачной и неудачной деятельности раторов. М.В. Ломоносов показывает, какими должны быть способы «научения»: «Они должны быть, первое, *кратки*, чтобы не отяготить память многим изучением, а особливо тем, чему легче можно с примеров научиться, нежели по правилам; второе, *порядочны*, для того чтобы они были вразумительны и тем к научению способственны; третье, удовлетворены *примерами*, которые бы показывали самую оных силу для яснейшего их понятия...» [Ломоносов 1952: 93].
3. «Изучению правил следует подражание авторов, в красноречии славных, которое учащимся едва ли не больше нужно, нежели самые лучшие правила». Классическая риторическая педагогика неоднократно отмечает подражание (*imitatio*) как один из способов обучения. При этом имитация не есть слепое копирование, но творческое осмысление образцов, освоение образцовой деятельности применительно к собственной личности, учет или вхождение в данную культурную традицию. Тот факт, что всякое обучение основывается на подражании, имитации (подчас бессознательной) каждый знает по себе, ибо обучение и вхождение в социум для всех связано с подражанием, заимствованием и воплощением черт определенного *стиля*. В детстве подражают учителям, преподавателям, старшим наставникам, затем, во взрослой жизни, приходится перенимать определенный стиль работы, воплощаемый нередко в стиле общения всякого производственного коллектива. При этом поддержка определенного стиля должна сопровождаться собственной инициативой и мыслестилевыми новациями. Если же чужой стиль не принимается ритором (учащимся или работающим), то происходит «расставание».

4. «Подражание требует, чтобы часто упражняться в сочинении разных слов». Имеет ли Ломоносов в виду реальное сочинение и произношение ораторских слов-речей или же «школьные» упражнения в ораторских речах с учителями риторики, неясно. Очевидно, что требуется и то и другое, но настоящего оратора создает прежде всего ораторская практика. Хотя Ломоносов замечает: «даже генералы, сенаторы и сами консулы... у Цицерона приватно в красноречии обучались». Такие частные индивидуальные занятия, упражнения, консультации в риторике известны из опыта многих знаменитых ораторов XIX и XX веков (ср. хотя бы постановку произношения у английских ораторов, например, Маргарет Тетчер). Занятия могут именоваться разными предметами, но суть их одна — развитие риторических (речевых) способностей клиента (об этом более подробно будет сказано в разделе «Риторическое обучение»).
5. Ломоносов заключает свои требования «знанием других наук», поскольку «материя риторическая есть все сущее в свете». Современная общественно-речевая практика также показывает, что блестящими риториками (учеными, писателями, политиками, адвокатами, педагогами, военными) становятся люди, овладевшие профессиональными знаниями. Но профессиональные знания требуют умения выразить их словами, поэтому мысль незримо соединена с речью, и одно без другого не существует — «кто ясно мыслит, тот ясно излагает» (Цицерон).

О трудностях обучения красноречию и даже принципиальной невозможности им овладеть, если нет природных дарований, предупредительно писали не только Цицерон, рекомендовавший отправлять бесталанного ученика домой, но и ряд русских авторов. Так, «Правила высшего красноречия» М.М. Сперанского начинаются следующим рассуждением: «Красноречие есть дар потрясать души, переливать в них свои страсти и сообщать им образ своих понятий. Первое последствие сего определения есть то, что, собственно говоря, *обучать красноречию не можно, ибо не можно*

обучать иметь блистательное воображение и сильный ум. Но можно обучать, как пользоваться сим божественным даром; можно обучать — позвольте мне сие выражение — каким образом сии драгоценные камни, чистое порождение природы, очищать их от коры, умножать отделкою их сияние и вставлять их в таком месте, которое умножало бы их блеск. И вот то, что собственно называется *риторикою*.

Я разделяю риторiku, или средство усилить красноречие, на три рода: на чтение правил, чтение образцов и собственное в сочинении упражнение» [Сперанский 1844: 5]

Обратим внимание на то, что пессимистические замечания относительно невозможности выучиться риторике (красноречию) имеют скорее превентивный характер, ибо всякий человек обладает определенными дарованиями (как всякий человек — образ Божий), и во всяком человеке можно обнаружить скрытые возможности. Хотя риторский талант, конечно, вполне определен, видимо, прав в своем рассуждении А.Ф. Кони, разделяющий «дарование» (известный юрист-оратор берет старинное слово!) и возможности ораторского обучения:

«Если под красноречием разуметь дар слова, волнующий и увлекающий слушателя красотою формы, яркостью образов и силою метких выражений, то для этого нужно иметь особую способность, частью прирожденную, частью же являющуюся результатом воспитательных влияний среды, примеров, чтения и собственных переживаний... Поэтому невозможно преподавать никаких советов, исполнение которых может сделать человека красноречивым. Иное дело уметь говорить публично, то есть быть оратором. Это умение достигается выполнением ряда требований, лишь при наличии которых можно его достигнуть» [цит. по кн.: Граудина 1996: 322].

Первым учителем словесности в Царскосельском лицее, куда поступил учиться Пушкин в 1811 году, был *Николай Федорович Кошанский*. Именно ему юные лицеисты обязаны первыми уроками словесности, риторики и поэтического творчества.

Н.Ф. Кошанский преподавал в Лицее до 1828 года, а затем написал знаменитые учебники риторики («Общая риторика» 1829 г.

и «Частная риторика» 1832 г.), где назвал три средства для достижения целей изучения риторики: «1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения. Чтение требуется, чтобы замечать лучшие слова, идеи, выражения, прекрасные мысли, размышление образует способность рассуждать, а собственные упражнения необходимы потому, что тот, кто не упражнялся в составлении учебных сочинений, всегда будет не тверд в слоге и не сможет написать десять строк связно» [Кошанский 1829: 3].

Применительно к современному опыту преподавания риторики и других коммуникативных курсов речевого общения из этого суждения следует здравое требование чтения как образования оратора, а не просто «натаскивания» ловкого говоруна, раскрепощенного несколькими приемами удачливого учителя. Чтение не только «лучшее учение», но и один из приемов внутренней подготовки будущей эффективной речи.

Учитель Лермонтова и Тютчева в Московском университете, профессор стихотворства и красноречия Алексей Федорович Мерзляков рассуждал об овладении искусством речи так: «Сия, частью от природы получаемая, частью в воспитании, обращении и чтении образованная способность приобретает посредством правил новый блеск, силу и совершенство» [Мерзляков 1828: 8] Обращаем внимание на слово «обращение», которое означало опыт, приобретаемый общением и разговорами (вращением) среди образованных и порядочных людей, знающих правильное употребление языка.

Сказанным не исчерпывается классический опыт русской риторической педагогики, однако его довольно для того, чтобы перейти к нынешней ситуации риторического обучения.

§ 4. Современные советы к овладению речевым мастерством

Данные ниже советы к обучению риторике исходят из опыта современного обучения риторике, который накоплен в российской и зарубежной педагогической практике.

Совет 1-й: «Ищите собственный образ оратора, утверждайте свою позицию, индивидуальный стиль личности». Действуя в речи, необходимо стремиться ясно зафиксировать свои взгляды и убеждения, стремиться повлиять на людей. Однако нельзя навязывать свою речь или свои взгляды, необходимо «быть уместным» и убеждать только ту аудиторию, которая готова выслушать. В иных ситуациях необходимо «взять паузу» и промолчать — не исключено, что доказать свою точку зрения удастся позднее. В речи выявляются личность, воля и своеобразие говорящего. Аристотель определяет это так: «Чтобы убедить кого-то в чем-то, необходимо показать себя человеком известного склада» [Аристотель 1978: 20], то есть найти свой уместный образ оратора, маску говорящего.

Образ оратора — центральное понятие риторики, совокупное выражение характеристик человека в речи. Образ, или «маска», — то, каким предстает говорящий для слушающих в содержании речи, словах, произношении, телодвижении. Формирование образа, или «маски», говорящего должно осуществляться применительно к собственным возможностям, особенностям аудитории, места и времени речи.

Совет 2-й: «Учитесь говорить практически, приобретайте опыт речевых «сражений». Практика будет постепенно оттачивать ваше искусство. В тепличных условиях оратор не может сформироваться, поэтому если хочешь научиться говорить, — говори!» Оратором становятся только в реальной практике, живых столкновениях, речевой борьбе.

А.В. Миртов, классик теории ораторского искусства XX века пишет так: «Смелость, решимость, настойчивость в выступлениях, обдумывание этих выступлений, подготовка к ним, наблюдения чужих выступлений — вот лучшая школа ораторства. Школой красноречия может быть лишь жизнь, практика. А книга — только пособие, освещающее эту жизнь и практику» [Миртов 1827: 4].

Совет 3-й: «Анализируйте собственные и чужие выступления, учитесь находить в них достоинства и недостатки, перени-

мая первые и отказываясь от последних». Даже если вы сетуете на свою «плохую» речь, это уже верный признак того, что вы над нею задумались. Это уже начало риторической учебы. Значит, завтра вы постараетесь не повторять вчерашних ошибок, а послезавтра забудете про них. Активное отношение к недостаткам собственной речи, самоанализ и стремление совершенствоваться, наблюдение над другими ораторами ведут нас к следующему совету:

Совет 4-й: «Найдите образец и у него учитесь!» Во всяком случае постарайтесь понять, какой стиль вы несете своей личностью. Наверняка каждый из нас тайно восхищался чьей-либо речью, значит, мы чувствуем, что имеются образцы речевого творчества, которым хочется подражать. В детстве такими образцами бывают родители или родственники (авторитетные в глазах ребенка), когда мы вырастем, такими образцами нередко становятся старшие товарищи, а в школе — понравившиеся учителя. Ответьте же сами себе честно: кому я слеую в жизни (при том, что каждый из нас, конечно, стремится к самостоятельности)?

Имея «образцы» перед глазами, необходимо анализировать, в чем причина их успеха, а затем формировать свой собственный облик, «образ», стиль как индивидуальную манеру поведения. Собственно, этим мы и заняты всю жизнь: ищем свой «облик», свое «лица необщее выраженье». Вот почему, кстати, не стоит в публичном обсуждении присоединяться к «мнению предыдущего оратора».

Совет 5-й: «Изучайте законы и правила риторики». **Законами** называются теоретические положения, выведенные из практики ораторского красноречия или речевого общения в целом. Эти законы показывают речевую реальность и распространяются на разные виды общественно-речевой практики. Из законов выводятся **правила** для практического пользования речью. Сами правила есть следствия удачного или неудачного применения речевых законов.

Так, одним из главных риторических законов является *закон создания государства средствами речи*. *Правилом* для этого за-

кона будет *эффективность организации речи*: если государство организовано таким образом, что право на речь имеет только один человек или ограниченный круг людей, а сами граждане не имеют юридического права или физической возможности высказывать свое мнение, государство не будет благополучным и эффективным.

Законом речи является отношение содержания речи к действительности и времени. Это закон *смыслового ограничения речи*. Так, в совещательной государственной речи рекомендуется разбирать вопросы пользы или вреда будущих предлагаемых действий. Если же оратор начнет заниматься разбором прошлых поступков, то он будет похож на судью. И напротив, судья как оратор не должен рассуждать о возможностях будущего, его речь будет неудачна, если он не ограничит свои слова разбором совершенных поступков и их оценкой. Таковы некоторые правила, от которых зависит успех речи.

Совет 6-й: «Знакомьтесь с творчеством писателей и ораторов разных эпох и стилей». Невозможно стать хорошим оратором (говорящим), не зная образцовых сочинений как той культуры, в которой вы родились и формируетесь как личность, так и культур иноязычных. Всякий человек, входящий в культуру, стремится овладеть результатами деятельности, познакомиться с классическими примерами. Так, для русской художественной культуры образцами литературного творчества являются сочинения Ломоносова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя. В зависимости от идеологических установок эпохи состав образцовых авторов может смещаться или меняться: в конце XX—начале XXI вв. мы отмечаем, что вместо сочинений Горького, Маяковского, Шолохова (авторитетных советских авторов) за образцы литературного стиля теперь берутся сочинения Пастернака, Булгакова, Ахматовой, Зощенко и др.

Кто является образцом русской ораторской классики? Ответить на этот вопрос непросто, потому что ораторика (ораторское искусство) в русской традиции не являлась предметом специального школьного образования. Тем не менее в каждом виде ора-

торского красноречия можно найти культуuroобразующие образцы: для *судебного* красноречия — известные судебные деятели второй половины XIX—начала XX веков Ф.Н. Плевако, А.Ф. Кони, П.С. Пороховщиков); для *академического* красноречия — профессора университетов историки Т.П. Грановский, В.О. Ключевский, филологи И.И. Давыдов, Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский в XIX веке, Н.И. Конрад, В.В. Виноградов в XX веке. Образцами *духовного* красноречия были многие церковные ораторы: митрополит Платон Левшин, митрополит Филарет (Дроздов), Иоанн Кронштадтский, патриарх Тихон, в настоящее время образцами церковного ораторства несомненно являются речи и послания Патриарха Алексия Второго.

Возможно, наиболее сложный вопрос — образцы *политической* риторики, поскольку многие авторитетные для своего времени политики были критикованы впоследствии. Кроме того, в русской политической истории сравнительно невелик собственно парламентский период, где зафиксированы открытые политические споры и столкновения. Между тем образцы политического красноречия мы находим и у киевских князей, и у сподвижников Петра Великого (Феофан Прокопович), и в воззваниях Александра I, написанных академиком А.С. Шишковым во дни нашествия Наполеона, и в Государственных думах начала XX века (речи П.А. Столыпина, Витте и многих других). Несомненно и то, что лидеры советского коммунистического государства считались не только главными идеологами, но и прекрасными ораторами, чьи идеи и слова раскололи нацию и по-разному оценивались противоположными сторонами. Если мы обратимся к ораторской практике Ленина, Сталина, Кирова, Калинина, то увидим, что именно речевая пропаганда во многом обеспечила им политический успех.

Три последующих совета объединяются главной рекомендацией, которую обычно ждут обучающиеся риторике: «развивайте практические способности». Кроме того, что сама жизнь, речевая действительность развивают наши способности, сознательное обучение и тренировка могут многое сделать для того, чтобы ускорить этот процесс.

Совет 7-й: «Упражняйтесь и практикуйтесь в написании и произнесении речей». Примеры произнесения речей для развития речевых способностей предлагают как классические риторические школы античности и России (впрочем, и других стран), так и современные способы организации риторической подготовки. Действительно, человечество ничего другого не выдумало, как, представляя себя в ситуации будущей речи, вытренировывать свою речь, ожидая наставлений от преподавателя. Впрочем, такие занятия всегда более эффективны, когда произнесение речей имеет характер серьезной, не театрально-игровой защиты своей точки зрения, своей позиции. Тогда в общение может вступать аудитория, которая задает вопросы, высказывает критические замечания, одним словом, также участвует в дискуссии.

Исторические и современные примеры таковы. При обучении в Киевской, Московской и других духовных академиях студентам риторического класса назначались темы, и учащиеся писали, а затем произносили «орации» (речи) на классных занятиях, учитель же не только проверял письменный тест, где делал свои заметки, но и оценивал устно произнесенную речь. Многочисленные рукописные сборники до сих пор неопубликованных студенческих речей-сочинений показывают, сколь разнообразны были темы, касавшиеся нравственно-философских, воспитательных и научных проблем: «О приятности учения», «В похвалу философии», «О добродетели», «О разуме и чувствах», «О производящей причине мира», «Надо ли проявлять снисхождение к порокам человеческим или суровость?», «Речь о том, что изучение философии надо соединять с обучением красноречию» и т.д. К последней речи учитель сделал приписку по-латыни: «Мог бы лучше, если б захотел», после чего студент получил фамилию «Михаил Нехотенов», которая и записана в названии речи (ее текст опубликован: [Аннушкин 2002: 209–211]).

Пример риторического обучения в XX веке: преподаватель ораторского искусства в Институте живого слова, организованном в 1918 году, Александр Карлович Шнейдер на занятиях со слушателями предлагал произносить без подготовки 3-минутные

речи, а затем здесь же, в аудитории, подвергал их анализу, разбирая достоинства и недостатки.

Очевидно, что эта педагогическая схема повторяется в наше время, скажем более, ученические монологи, напоминающие ораторское выступление (при ответе у доски), повторяют все тот же риторический опыт человечества. Учителя становятся невольными риториками, поскольку они оценивают именно речь, не будучи при этом профессионально подготовленными специалистами. Так не следует ли обеспечить именно риторическую подготовку учителей для того, чтобы улучшить учебный процесс?

В сегодняшнем риторическом обучении придумываются новые «современные» темы, и мы видим, как соревнования в ораторском искусстве организуются в американском обществе «Toastmaster international», насчитывающем тысячи членов, как организуются конкурсы ораторского искусства в России, например, на студенческих или школьных олимпиадах и конференциях (ср. конкурсы «Юный златоуст» на Всероссийских олимпиадах по русскому языку, «Юный оратор» на Международных олимпиадах по русскому языку для стран СНГ и Балтии, региональные конкурсы «Юный ритор» в Перми и мн. др., опыт российских педагогов, преподающих риторику в вузах, школах, на курсах риторики и культуры общения).

Эти речи-упражнения необходимы, чтобы представить себя в будущих ситуациях речевой борьбы. Если солдат не участвовал в учениях и не прошел боевой подготовки, не отточил навыки поведения в боевом строю, он не сможет участвовать в сражении. Футболист, прежде чем выйти на поле в составе известной команды, тренируется ежедневно. Ежедневной муки тренировок и репетиций требуют искусство балета, музыки, театра, цирка, любой вид спорта... Не странно ли, что искусство речи не удостоивается чести и внимания со стороны тех, кто реально, каждодневно пользуется языком?

Ответ на этот вопрос интересно поискать. Во-первых, языком пользуются все люди, причем пользуются даже не ежедневно, а ежечасно и ежеминутно. Большинство людей усыплены облада-

нием «словесного дара» — им кажется, что они умеют говорить — и этого достаточно... И множество обстоятельств отвлекает нас от этих насущных вопросов, решение которых сделало бы человеческую жизнь счастливее и благополучнее.

Риторические упражнения не должны превращаться в праздноговорение и краснобайство — всякая речь, произносимая на занятиях, должна готовить будущее реальное речевое событие, требующее эффективного воздействия на аудиторию.

Совет 8-й: «Разбирайте и декламируйте вслух образцовые тексты». Следует выбрать понравившийся вам текст (он может быть и прозаический и поэтический), разобрать его с точки зрения содержания и стиля, а затем читать вслух, постепенно выучивая наизусть. Это могут быть и занятия с учителем, режиссером (вот почему полезен театр), но не менее полезно и самостоятельное чтение — в таком случае вы будете сами себе судьей, сами будете отмечать и корректировать свои ошибки. Полезно записать себя на магнитофон или на видеокамеру — тогда вы сами увидите недостатки своего образа оратора (например, неумение стоять или двигаться), услышите убыстренный темп речи, отсутствие пауз, словесные повторы, однообразие интонаций и т.д. А затем все будет зависеть от того, сколько спросить с себя: ни один оратор или просто хороший профессионал в своем деле не складывался без самостоятельной работы над собой.

Результатом же работы над декламацией чужих текстов или чтением собственных ораторских речей (будущих докладов, выступлений) будут разработанное дыхание, уверенный голос, отсутствие боязни говорить и ненужной сосредоточенности на себе. В результате вы забудете о себе и сосредоточитесь на слушателях и материале своей речи. А это то, что ведет к успеху.

Совет 9-й: «Занимайтесь техникой речи». Эти занятия предполагают комплекс упражнений на постановку дыхания, развитие ясного и четкого произношения, темпа речи, интонации, «полетного» голоса. Занятия техникой речи в некотором смысле напоминают спортивную тренировку — если вести их энергично, серьезно проделывать упражнения на отработку звуков, скороговорок,

которые лишь кажутся «несерьезными», постепенно вырабатываются навыки правильного дыхания, интонирования, голосоведения, ритма, темпа, паузации, совершенствуется тембр речи.

Конечно, при этом необходимо ясно понимать, что риторика — это не «красивоговорение». И одной техники речи недостаточно, чтобы стать удачным ритором. Но согласитесь, что грустно наблюдать молодых людей, умеющих мыслить и имеющих слова, однако не способных выразить свои намерения в звуках, жестах, мимике, тембре голоса, интонации, голосоведении.

Как показывает опыт работы и в школьной, и во взрослой аудитории, развитие речевых способностей следует вести в трех направлениях сразу: необходимо, чтобы совершенствовалась собственная изобретательность в создаваемых речах, предлагались образцы речей, тренировался речевой аппарат в технических упражнениях.

Таким образом, мы записали девять советов, руководствуясь которыми можно организовывать риторическое обучение:

1. Ищите и формируйте уместный образ ратора.
2. Учитесь практически в реальной речевой борьбе.
3. Анализируйте критически свою и чужую речь.
4. Найдите образец и у него учитесь.
5. Изучите законы и правила риторики.
6. Знакомьтесь с творчеством писателей и ораторов разных эпох и стилей.
7. Упражняйтесь и практикуйтесь в написании и произнесении разных текстов.
8. Читайте и декламируйте образцовые тексты.
9. Занимайтесь техникой речи.

Конечно, эти советы далеко не исчерпывают возможные пути риторического воспитания. Скажем более: реальная речевая действительность постоянно будет ставить новые вопросы, но воспитание и образование ратора продолжаются всю жизнь. И ритор не просто совершенствует свои речевые навыки — риторическая учеба развивает всю духовную сферу человека и через языковое совершенство преобразует окружающий мир.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие из способов обучения риторике представляются вам наиболее эффективными и полезными?
2. В каких формах велось обучение риторике в античности? Находят ли эти формы отражение в современном обучении?
3. Как происходит обучение риторике (речевое воспитание) вне учебников риторики (по примеру Древней Руси)?
4. Как, на ваш взгляд, происходит обучение риторике (речи) в современном обществе? Что в этом опыте положительного и что является негативным?
5. Каким образом, на ваш взгляд, оратор добивается авторитетности и убедительности своих суждений?
6. Обычное желание учащихся — учиться «практически». Какую роль выполняет в риторическом обучении знание теории риторики?
7. Кто для вас является образцом речевого поведения (образцом ратора)? Напишите и расскажите речевой портрет этого человека, выделив его нравственные, профессиональные и речевые качества.
8. Какие недостатки в речи наших современников кажутся вам наиболее зримыми и видите ли вы возможность их исправления?
9. Оцените качества вашей риторической эрудиции через: а) состав прочитанной вами литературы (риторической, профессиональной, художественной); б) наиболее авторитетных, ценных, «любимых» вами авторов.
10. Какие темы ораторских речей были бы для вас наиболее актуальными? Сформулируйте несколько из них.
11. В чем, на ваш взгляд, польза занятий техникой речи? Какие опасности подстерегают в этих занятиях?
12. Согласны ли вы с классическими советами, которые даны М.В. Ломоносовым, Н.Ф. Кошанским, А.Ф. Мерзляковым? Насколько эти советы «современны» и актуальны для нашей речевой действительности? Можно ли сказать, что культур-

ная традиция требует ориентации на них и в чем эта традиция должна быть продолжена?

13. Насколько вы согласны с утверждением Квинтилиана: «главное — выбрать для ребенка хорошего воспитателя»? Или воспитание — скорее самостоятельный процесс?
14. Какие природные дарования (или какие способности) вы называли бы главными для хорошей речи? Почему?
15. Вы согласны с классическим выражением: «поэтами рождаются — ораторами становятся»?

Глава III

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ СЛОВЕСНЫХ НАУК

§ 1. Термин «язык» в Словаре Академии Российской

Данная глава показывает опыт нормирования русской речи, организации филологических речевых дисциплин в русской традиции для того, чтобы осмыслить современные проблемы русского языка и русской речи. Анализ частной деятельности русских ученых-филологов XVIII—XIX веков позволяет выявить образцы культурно-творческой деятельности прошлого для понимания настоящего и грядущего, ибо всякое рождение нового стиля (а именно таким поиском занято современное российское общество) предполагает прежде всего учет культурных прецедентов.

Создание Словаря Академии Российской предстает сегодня как образец оптимальной реформы языка, эффективных преобразований, предпринятых в отношении русского слова и имевших глубокое и разностороннее влияние на деятельность последующих поколений филологов, писателей, ученых. Научные позиции создателей Словаря основываются на замечательном понимании роли и значения языка для народной жизни. Один из первых историков Академии Российской А. Красовский, оценивая действия императрицы Екатерины Великой, пишет о том, что «славная своим царствованием самодержица... признавала отечественное слово его (народа. — *А.В.*) необходимым условием, ближайшим и вернейшим орудием распространения нужных и благодетельных для россиян познаний» [Красовский 1848: 14]. Язык рассматривается как условие существования народа, а отечественное слово ставится в центр внимания общества и ученого сословия, будучи инструментом познания и источником общественного благоденствия.

К участию в создании Словаря были привлечены лучшие научные и писательские силы России. Во главе Академии стояла княгиня Екатерина Романовна Дашкова, которая своей энергией, любовью к России и русской науке объединила всех, кто был готов служить на пользу русскому слову.

Составление Словаря основывалось на определенном взгляде на язык, который «ныне употребляется». Основная филологическая терминология, лежащая в основании Словаря и кажущаяся сегодня прозрачной по смыслу, на самом деле вовсе не столь ясна вследствие поздних смысловых напластований. Термины *язык*, *слово*, *речь*, тем более *словесные науки* и их *состав*, значительно отличаются от современных толкований, имея, кроме того, ярко выраженный национальный характер.

В Записке Е.Р. Дашковой относительно плана деятельности Российской Академии намечены: «сочинение Грамматики, Российского Словаря, Риторики и правил Стихотворения». Если «главнейший долг», как сказано в Предисловии, «сочинение словаря», то три другие цели как раз и составляют «словесные науки»: грамматику, риторику и стихотворение (последнее слово надо прочитывать этимологически: наука о «творении» или правилах сочинения стихов). Словарь, конечно, не входил в словесные науки, но являлся основой для описания языка и выявления его качеств, которые будут неоднократно проговорены в различных контекстах: «обилия, красоты, важности и силы» [Словарь 1789: Предисловие: V].

Прежде описания словесных наук необходимо обратиться к толкованию самого понятия *язык*, каким оно представлено в Словаре Академии Российской. Ведь «полное собрание слов и речей», которым требуется определить «точное знаменование», необходимо для того, чтобы показать вышеперечисленные свойства языка и позволить «пользоваться оными» так, чтобы они могли «послужить примером» [VI].

Конечно, в определениях Словарем слова *язык* невозможно искать современного значения «системы языка» или чего-либо подобного. Слово *язык*, кроме первого значения «совершенно

мясистая, во рте у животного лежащая и от других отделенная часть», имеет второе терминологическое значение: «наречие, слова и образ речи, употребительные каким-либо народом» (VI, 1037). В словах этого гнезда отмечаются положительные и отрицательные возможности в употреблении «языка»: «*языковредие* — злоречие во вред себе и другим; *благоязычие* — красноречие; *злоязычие* — злословие, злоречие; *косноязычие* — гугнивость, заикливость; *медленноязычный* — то же, что *косноязычный*» (там же).

Несомненно то, что основные перечисленные качества («свойства») языка — *обилие, красота, важность, сила* и, конечно, *чистота* (словесные науки касаются прежде всего «до свойств и чистоты языка») — восходили к известной характеристике, данной российскому языку М.В. Ломоносовым. М.В. Ломоносов видел в российском языке «*великолепие* (здесь «красоту») испанского, *живость* французского, *крепость* (аналог «силы») немецкого, *нежность* итальянского, сверх того, *богатство* и *сильную* в изображении *краткость* греческого и латинского языков». Эти качества будут неоднократно проговариваться в Предисловии к Словарю, например, богатство языка осмысляется как «обилие» текстов, написанных на этом языке: «*рассеянное обилие* нашего языка во множестве книг как древних, так и новейших писателей было главною доселе причиною трудности в прямом нашего языка употреблении» [VI]. «Обилие» означает прежде всего богатство текстов и смыслов, выражаемых в них, но само это обилие должно требовать познания точного смысла и «употребления языка».

Свойства и употребление языка проясняются через называние самого языка. Обратим внимание на то, что он назван «Славенороссийским»: «*Большею частию наш язык состоит из Славенского, или, яснее сказать, основу свою на нем имеет; хотя, впрочем, великое множество содержит слов собственно Русских*» [VI]. Название и свойства языка ведут к использованию его в текстах и оценке смыслов: «Славенский язык от времен просвещения славян словом евангельския истины, совсем иной получил вид и образование. Ибо греки, принешие к славянским племенам христианский закон, тщилися о распространении книг священных и

церковных на язык Славенский; они явили неподражаемых творцов во всех родах красноречия, они витийствовали и в творениях церковных. Великие из них Христианския церкви учителя возвышали древнее свое красноречие богословскими учениями и парением усердного к Богу пения. От преложения оных на Славенский язык, приобрел сей обилие, важность, силу и краткость в изображении мыслей, удобность к сложению слов и другие красоты языка греческого» [VI].

Кроме вновь обыгрываемой ломоносовской цитаты со свойствами языка ясно видятся словесные источники языка и примеров, которые войдут в Словарь. В основном это и будет «красноречие Священного Писания» (так назовет свою книгу в будущем академик А.С. Шишков), «Евангельских истин», творений церковных и «усердного к Богу пения» [VII].

Каков же здесь язык Российский? Российский язык имеет «незыблемым основанием язык Славенский» (VIII), но именно Российский язык «более изменился и изменяется», потому что в него вводят новые речения «науки, художества, ремесла, рукоделия, торговля, промыслы, обновленное военное и гражданское состояние» [VIII]. Органическое единство двух языков, выраженное в едином слове «славенороссийский», заставляет Академию «вникать в тот и другой язык с возможною точностию». И вновь сказано о свойствах, зависящих от этого единства двух языков: «от соединения их зависит обилие, важность, сила и красота языка ныне употребительного» [VIII].

«Ныне употребительными» источниками Словаря названы «все известные (1) книги церковные, и (2) лучшие светские сочинения, (3) летописи разные, (4) законодательства как древние, так и новейшие, (5) записки путешественников, (6) речения в науках, художествах, ремеслах и проч. употребительные» [VIII–IX].

§ 2. Объяснение понятия «словесные науки»

Само понятие «словесные науки», видимо, первым ввел М.В. Ломоносов в названии к «Краткому руководству к красно-

речию» (1747), сочиненному, как сказано в названии, «в пользу любящих словесные науки» [Ломоносов 1952: 89].

До М.В. Ломоносова терминологическое сочетание «словесные науки» не встречается, хотя небезынтересен не только состав «наук», но и история слова «наука». Первое русское сочинение, обобщающее состав наук вообще и филологических в частности — «Сказание о семи свободных мудростех» — написано в период после Смутного времени до 1620 года и включает тривиум филологических «мудростей»: грамматику, диалектику и риторику. Основным именованием науки здесь служит слово «мудрость», но уже «первая мудрость Грамматика» называет себя в самопредставлении (по образцу представления Мудрости из Притчей Соломоновых) «честной наукой» [Николай Спафарий 1978: 141]. В расширенной переделке «Сказания» Николаем Спафарием основное слово для обозначения науки уже другое — «художество», и само сочинение называется «Сказание о девяти мусах и о семи свободных художествах» (1672). О риторике же сказано: «Риторика есть *художество*, яже учит слово украшати и увещевати» [Николай Спафарий 1978: 31].

Очевидно, что речь идет о «свободных науках» (*ars liberalis*), но нигде эти науки не называются «словесными». В отношении самого понятия *наука* происходит борьба слов *мудрость*, *художество*, *учение*, *наука*. Ср. у Мелетия Смотрицкого: «Что есть грамматика? Есть известное *художество* благоглаголати и писати учащее» [Смотрицкий 1974: л. 4].

В первой русской «Риторике» 1620 г. как раз отсутствуют два первых слова, но неизвестный автор-переводчик постоянно пользуется и в переводе и в собственных добавлениях словом «наука»: «сию же *науку* сладкогласием или краснословием нарицает, понеже красовито и удобно глаголати и писати научает... паки же латинстии мудрецы риторику сию *науку* нарекли... Та же *наука* от Димоньтена, сииречь хитроречиваго, и от Маркуса Талиуша Кикерона... И того ради сию *науку* никто от философ не преминовал...» [Аннушкин 1999: 21].

Как показали исследования риторических источников творчества М.В. Ломоносова, основатель русской науки знал именно первую «Риторику» 1620 года, а из риторик петровского времени — прежде всего «Риторику» Михаила Усачева, к тексту которого восходят основные определения риторики и способов приобретения красноречия М.В. Ломоносова. Именно у Усачева «риторика есть наука добре, красно и о всяких вещех прилично глаголати» — ср. у других авторов: «риторика есть *художество* добре глаголати» (Стефан Яворский); «*хитрость* добре глаголати» (старообрядческая «Риторика в 5 беседах») [Аннушкин 2002: 81, 103, 129].

Состав словесных наук до М.В. Ломоносова в сущности не определен — в него могут входить и грамматика, и риторика, и логика, и пиитика (стихотворство). Кроме того, существует богатая синонимика в назывании этих наук, свидетельствующая о борьбе за утверждение своего смысла, — ср. многочисленные синонимы термина риторика: ветийство (через «ять»), элоквенция, красноречие, доброречие, благоглаголание и мн. др.

Словесные науки в Академии Российской представлены как в самом Словаре, так и названы в ряде сопутствующих текстов. В Словаре они определены как «науки, касающиеся до свойства и чистоты языка какого, в коих заключаются грамматика, ветийство и стихотворство» (V, 536). Те же науки изображены и описаны на серебрянном жетоне-«дарике», который раздавался каждому члену Академии по окончании еженедельного заседания: «...На обороте жетона изображен также в круге, земной шар; на нем представлены: *Неусыпность* в трудах и бдящая под оными мудрость Афины греков, или Минервы в виде ночной птицы; в середине шара — *Грамматика*, открывающая разумение языка и общих познаний, под видом ключа; с одной стороны шара — *Ветийство* под знаком Меркуриева жезла, с другой — *Стихотворство* в изображении Аполлоновой лиры. Сии три Словесные Науки, составляющие главные предметы занятий Академии, имеют целью и основанием своим просвещение ума, изображенное книгою, положенною под шаром на заветном четырехугольном

ковчеге, с начертанием дня основания Академии: *Октября 21, 1783 г.*» [Красовский 1848: 23–24].

Каждое из обсуждаемых понятий заслуживает своего внимательного рассмотрения в контекстах наиболее авторитетных суждений, высказанных как виднейшими филологами-словесниками XVIII века, так и зафиксированными в Словаре Академии Российской. Если очевидно, что словесные науки — это науки филологические, то следует отметить, что слово *филология* вообще не встречается у М.В. Ломоносова, но оригинально обсуждается у В.К. Тредиаковского. После того как академиком Миллером была критикована рукопись «Краткого руководства к риторике» М.В. Ломоносова 1744 года с рекомендацией написать такое же руководство по-латыни, 12 августа 1745 года в Петербургской академии наук В.К. Тредиаковским было произнесено «Слово о витийстве». В.К. Тредиаковский не только выполнил рекомендацию Миллера о толковании риторики как на латинском, так и на российском языке, но и дал истолкование филологии: «...полуденного солнца яснее, что вся вообще филология... самую вещь есть токмо что *элоквенция*» [Цит. по кн.: Аннушкин 2002: 171].

У В.К. Тредиаковского, создающего свое «Слово о витийстве» в параллельном переводе, основное слово — *элоквенция*: «Элоквенция общества управляет, умножает, утверждает». «Царица Элоквенция» повсюду сияет и объединяет все науки и знания, ибо все они «токмо чрез элоквенцию говорят». Слово «витийство» встречается у В.К. Тредиаковского скорее лишь как синоним слову *элоквенция*, служа средством синонимического разнообразия текста: «Толь изобильно вещами, или, лучше, неистопаемо есть *витийство*, что куда зрение мое ни обращу, везде оно токмо царствующее вижу. Да представятся в мысль самые человеческие общества, которых человеческому роду нет ничего полезнее, какой крепче другой союз найдется обществ, кроме той же самой *элоквенции*?»

Именно к этому времени относится утверждение в русской науке и литературном языке слова *красноречие*. До В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова оно употребляется достаточно ред-

ко — гораздо чаще встречаются *краснословие* и *красноглаголение* (по нашим данным, впервые слово *красноречие*, критически осмысленное, встречается у протопопа Аввакума в начале «Жития»: «не обык речь красити, понеже не словес красных Бог слушает... того ради и я не брегу о красноречии»). Если у В.К. Тредиаковского может встретиться лишь «премудрость красноречия», то именно М.В. Ломоносов дает этому слову ясное терминологическое значение, вводя его в состав филологического знания.

Настойчивое размышление М.В. Ломоносова над сущностью новой терминологии словесных наук проявилось уже в названиях курсов: 1744 г. — «Краткое руководство к *риторике* на пользу любителей *сладкоречия*» (выделяем термины. — *А.В.*): 1747 г. — «Краткое руководство к *красноречию*. Книга первая, в которой содержится риторика, показывающая общие правила *обоего красноречия*, то есть *оратории* и *поэзии*, сочиненная в пользу любящих *словесные науки*» [Ломоносов 1952: 19, 89].

Выше на с. 14 при анализе определений риторики показано, что именно как М.В. Ломоносов ясно отделил *риторику* как науку, учение, правила от *красноречия*, понимаемого как искусство, совокупность текстов оратории и поэзии — аналог будущей словесности. Разберемся же в том, какие науки основатель русской филологии причисляет к «словесным». Им, как известно, были описаны две «науки»: «Российская грамматика» и риторика в «Кратком руководстве к красноречию». Входила ли логика, по мысли М.В. Ломоносова, в словесные науки — вопрос, самим М.В. Ломоносовым не проясненный. Терминология логики частично входит в риторику, например, приступая к «правилам о изобретении доводов», он считает должным «истолковать части и сложение оных из логики» [Ломоносов 1952: 154]. Хотя логика и отсутствует в наследии Ломоносова (при частом обращении к ней в риторике), она безусловно входит в словесные науки, о чем говорит частое обращение к ней в «Кратком руководстве к красноречию». На протяжении последующей истории риторики весь вопрос будет в том, в каких частях и размерах «логические основания мышления и речи» проникают в риторику.

Более точного выяснения требует и вопрос о месте «поэзии» (еще не поэтики!) или «стихотворства» в ломоносовской классификации. Предлагая проект Московского университета, М.В. Ломоносов просит о должностях двух профессоров: оратории и поэзии. Граф И.И. Шувалов оставляет должность одного — профессора красноречия (элоквенции). Именно эту должность и будут отправлять в дальнейшем Н.Н. Поповский и А.А. Барсов, а сама кафедра будет называться кафедрой красноречия.

Уточним же терминологию ломоносовских «словесных наук». Термин «красноречие» имел отношение к трем запланированным книгам и соответственно «наукам»: *Риторике* («учению о красноречии вообще»), *Оратории* (учению о прозе) и *Поэзии* (учению о стихотворстве). *Красноречие* в самом общем смысле, если такое сравнение корректно, составит в будущем науку и искусство *словесности* (вот почему «труды в словесных науках», как верно замечено в Приложении к ПСС, т. 7, включают также литературную практику [Ломоносов 1952: 890]); *риторика* — «учение о красноречии вообще» — будет соответствовать общей риторике (где будут рассмотрены «правила» и для прозы, и для поэзии — ср. ломоносовские стихотворные примеры в руководстве); *оратория* — составит в будущем раздел частной риторики как учения о разных видах прозы; *поэзия* — будет соответствовать поэтике.

М.В. Ломоносов осуществил лишь первую часть своего замысла — он создал Риторику, но Оратория и Поэзия остались ненаписанными. Очевидно, что замысел написать Ораторию как учение о прозе осуществил Амвросий Серебренников, член Российской Академии, который опубликовал «Краткое руководство к Оратории Российской» в 1778 году. В нем автор прямо ссылается на Ломоносова как на своего предшественника, и это, кстати, был первый учебник на русском языке, написанный после М.В. Ломоносова.

М.В. Ломоносов первым в русской науке ясно определил различие прозы и поэзии, которое в будущем станет основанием для различения частной риторики и поэтики (впрочем, не исключе-

но, что сами термины «общая», «частная», «прикладная» имелись еще в латинских руководствах Киевской Духовной академии). Ломоносовский критерий деления «слова» на прозу и поэзию — внешнее ритмическое строение текста: «проза есть слово, которого части не имеют точно определенной меры и порядка складов, ни согласия, в произношении точно назначенного, но все речения располагаются в нем таким порядком, какого обыкновенный чистый разговор требует. Поэма состоит из частей, известною мерою определенных и при этом имеет точный порядок складов по их ударению или произношению». Впоследствии русская риторика и теория словесности предложат дополнительные основания для отделения прозы от поэзии: проза относится к миру действительности, поэзия — к миру вымышленному, существующему в фантазии художника слова.

М.В. Ломоносов называет и виды словесности, которые в обогащенном составе войдут в частные риторики и поэтики XIX века: «первым образом (т.е. «прозою». — *А.В.*) сочиняются проповеди, истории, учебные книги, другим (т.е. «поэмою». — *А.В.*) составляются имны, оды, комедии, сатиры и других родов стихи» [Ломоносов 1952: 96—97].

§ 3. Словесные науки в Словаре Академии Российской

Рассмотрим последовательно словесные науки, о которых говорится в Словаре Академии Российской. При этом будем иметь в виду, что каждая эпоха создает несколько свой состав смыслов. Так, положительные оценки первого исследователя Словаря А. Красовского, адресуемые просветительской деятельности императрицы Екатерины, создаются в филологической терминологии его времени. Например, он пишет о «ее любви к нашей Словесности», «ее пример одушевлял к трудам любителей Отечественного слова», «к пользе Отечественной словесности... возвышено Церковное красноречие языком Платона, Леванды, Георгия (Кониского), Анастасия (Братановского) и других ви-

тий» [Красовский 1848: 16]. Далее А. Красовский перечисляет виды отечественного слова, заканчивая «изящной словесностью» [Красовский 1848: 17]. Термин «словесность» является основным в филологической науке 40-х годов XIX века, однако он полностью отсутствует в текстах, которые создают и Е.Р. Дашкова и ее коллеги, приступая к написанию Словаря Академии Российской. Иначе говоря, как раз слова *словесность* ни Екатерина Великая, ни княгиня Е.Р. Дашкова не употребляли.

И все-таки именно «словесность» находит толкование в Словаре Академии Российской в гнезде «слово»: — «1) Знание, касающееся до словесных наук. *Силен в словесности*; 2) Способность говорить, выражать» (САР, V, 536). Обратим внимание на то, что здесь это еще не «наука», а только «знание» или «способность». Но смеем предположить, что именно эти определения Словаря создали предпосылки для рождения и утверждения «словесности» как термина русской науки. Появление этого слова в Академическом Словаре имело важнейшее значение для последующего осмысления и употребления термина «словесность» множеством авторов первой половины XIX века.

Создателем и утвердителем «словесности» стал, скорее всего, А.С. Никольский, первые сочинения которого относятся к 1790 году (анонимное издание «Логики и риторики» [Логика и риторика 1790]), а его «Основания российской словесности», выдержавшие семь изданий, датированы 1807—1830 годами ([Никольский 1807]).

Концепция А.С. Никольского заслужила влияние благодаря предельной простоте его схемы: «Словесность (дар слова) есть способность выражать мысли словами» [Никольский 1807: I, 8]. Обратим внимание на то, что сама словесность здесь еще не наука, а только «способность».

Показывая правила, по которым употребляют сию способность, *словесность* образует две науки: *грамматику*, научающую «правильному употреблению слов», и *риторику*, показывающую «способ, как располагать и изъяснять мысли». Характерно, что в начале своего руководства, прежде чем дать определения двух

этих наук, А.С. Никольский излагает, как «действует или должен действовать наш разум в познании вещей или предметов, о коих свои понятия выражаем словами» [Никольский 1807: 1—2, 10]. Эти действия разума человеческого объясняются в логических терминах *понятие, рассуждение, умозаключение*. Таким образом, вступление в «основания словесности» явилось краткой логикой с изложением законов мысли или разума.

1-я часть «грамматика» оказалась у А.С. Никольского достаточно традиционной, включающей объяснения букв, слогов, восьми частей речи, законов правописания, произношения слов и стихосложения. 2-я часть «риторика» сосредоточена на периодах, тропах, фигурах, хрии, учении о слоге; из прозаических видов словесности (они еще так не названы) проанализированы письма и «расположение больших слов»: «риторическое слово (*oratio*) и философское рассуждение». Виды поэзии (глава 9) также включены в риторику.

Характерно, что А.С. Никольский не употребляет термина «красноречие», но риторика определяется как «*искусство* располагать и приятно изъяснять свои мысли» [Никольский 1807: II, 1]. Таким образом, ломоносовское разведение риторики и красноречия оказалось нивелированным у А.С. Никольского. «Грамматика, риторика и поэзия» помещаются автором «совокупно, дабы все относящееся к словесности, преподаваемо было по одинаковой системе» [Никольский 1807: I, 9—10]. Эта совокупность «словесных наук», повторяющая «Словарь Академии Российской», тем не менее начинает существенно расходиться с ломоносовской. Схематически эту разницу можно представить следующим образом (см. схему на с. 80).

Предмет риторики ограничен у А.С. Никольского учениями о стиле-слоге, периоде, тропах и фигурах, хрии, течении речи; изымаются учение об общих местах, возбуждение страстей (у А.С. Никольского говорится лишь о стилевых особенностях выражения гнева, радости, скуки). Связь риторики с философией и этикой — эту «нравственную» основу риторического обучения — продолжают выполнять этические примеры, сочиняемые самим

СЛОВЕСНЫЕ НАУКИ И СЛОВЕСНОСТЬ

М.В. Ломоносов

Словесные науки	
Грамматика	Красноречие, понимаемое как <i>искусство</i>
	Риторика — учение о красноречии
	Оратория — учение о прозе

Словарь Академии Российской

Словесные науки		
грамматика	витийство	стихотворение

А.С. Никольский

Словесность		
грамматика	риторика	поэзия

автором. Очевидно, что в ломоносовской традиции выполнен А.С. Никольским разбор примера «Науки просвещают разум...» (II, 12–14). Поэзия вошла в риторику у А.С. Никольского лишь как одна из глав (9-я) с разбором видов поэтических произведений.

Итак, лишь во времена писавшего свой исторический очерк А. Красовского «словесность» стала основным термином, обобщающим все филологические науки (примерно так же, как «эловенция» у В.К. Третьяковского), но во времена написания Словаря Академии Российской «словесность» как термин только была предложена научной общественности. Симптоматична характеристика Академии, которая «своим бытием и первым цве-

тущим возрастом» обязана тому попечению, которое оказывала Екатерина к «языку и словесности его». Сочетание «словесность языка» не могло появиться во времена создания Академического словаря, но оно вполне реально во времена создания исторического очерка А. Красовского.

В 40-е годы XIX века термин *словесность* действительно станет основным в русской филологической науке. Так, в «Чтениях о словесности» 1837—1843 гг. профессора Московского университета И.И. Давыдова к «науке» относится *объективная словесность*, которая включает три больших раздела: 1. *теория языка*; 2. *теория изящной речи*; 3. *теория слога*. К области *объективной словесности* принадлежат *грамматика* и *риторика*, рассматриваемые применительно к конкретному языку или народу. К «творчеству человеческого духа» относится *субъективная словесность* — ее воплощением являются тексты словесности (это уже не «наука»!): *поэзия* и *красноречие*. Разделение последних базируется на дихотомии «словесные произведения мира действительного» и «мира идеально-возможного, гармонии и идеалов с чувственными образами, духовного подражания природе в слове». Родами красноречия являются история, философия, ораторская речь, родами поэзии — эпос, лирика, драма [Давыдов 1837: 15, 19].

Однако такова перспектива развития словесных наук в России, которой в 50-е годы XIX века грозит в некотором смысле распад и крушение. Ученым, поставившим под сомнение ценность прежних «словесных наук» и декларировавшим в России рождение нового понимания предмета — теперь уже под названием «науки о Слове» — стал профессор Ришельевского лицея в Одессе К.П. Зеленецкий. Начав свое основное теоретическое сочинение с похвалы теоретикам риторики древности и критики ее достижений со стороны нынешних «самостоятельных обработчиков», К.П. Зеленецкий совершенно определенно заявил о начале нового века в науке: «Только в последнее время, когда здание словесных наук распадается само собой, когда его заменяет Наука о слове, знамя которой, на развалинах теории словесности первый у нас водрузил профессор Давыдов, когда труды свои посвяща-

ют этому предмету мужи, каковы В. Гумбольдт и Ф. Бопп, реторика как часть науки о слове может надеяться получить полное право гражданства в сфере наук точных, положительных; может сбросить свою схоластическую одежду и принять вид более естественный, более согласный с духом и с направлением нашего времени» [Зеленецкий 1846: 9]. Рассуждения о «точности и положительности» нового понимания науки слишком напоминают декларированные и не всегда оправдавшие себя заявления позднейших «самостоятельных обработывателей» науки.

Показав историческую перспективу развития словесных наук от их создания до распада, имеет смысл вернуться к ясной и основополагающей терминологии Академического Словаря, как и содержательной стилистике его создателей, т.е. тем идеям и стилю, с помощью которых ими описываются язык и отечественное слово.

«Сочинение **грамматики и словаря** — да будет первым нашим упражнением» — так сказано в программной речи Е.Р. Дашковой 1783 года. Грамматика определяется в Словаре как «наука, подающая правила говорить и писать правильно» (САР, II, 316). Характерен пример: *Грамматика есть основание словесных наук*. В 1786 году Академии были представлены сочинения Иоанна Сидоровского — две части сочиняемой им Российской грамматики, а именно: «О производстве и сочинении слов» и «Правила Российского правописания» Василия Григорьева. По просьбе Е.Р. Дашковой свою Грамматику послал в Академию А.А. Барсов — и Российская академия воспользовалась ею для подготовки своего издания. Написанная П.И. и Д.М. Соколовыми «Грамматика Российская, сочиненная Императорскою Российскою Академиею») вышла первым изданием в 1802 году и многократно переиздавалась: 2-е изд., вновь исправленное и дополненное, СПб., 1809; изд. 3-е, СПб, 1819; изд. 4-е, СПб., 1827) [Барсов 1981: 5].

Характерно, что следующая словесная наука чаще называется *ветийством*, нежели *риторикой*, хотя в самом Словаре обнаружится толкование не только этим словам, но и *красноречию*, и *оратории*. Академия отказалась от специальной научной терми-

нологии в своем Словаре, т.е. решила «не вмещать в Словарь Российской Академии... слова и речения Наук и Художеств, единственно ученым и художникам известные». Но это не значило, что вся терминология не берется в Словарь: «Однако же из сего правила изъемяются естественные в России произведения, кои имеют особливые названия прямо Российские, или по свойству языка нашего вновь составленные и ясно вещь изображающие» [Красовский 1848: 28]. В Предисловии к Словарю о таких привлекаемых словах сказано: «большою частию суть народные» (САР, I, IX). Если сравним определения интересующих нас слов, то увидим, что *красноречие*, *витийство* — как раз «особливые слова прямо российские», а *грамматика*, *риторика*, *элоквенция*, хотя и заимствованные — «по свойству языка нашего вновь составленные и ясно вещь изображающие».

Создатели Словаря склоняются к словам славянорусским вследствие их общих патриотических убеждений к употреблению славянских слов там, где возможно ими заменить иностранные, западные. В противоборстве слов *ветийство* / *риторика* уместно вспомнить и раннюю историю взаимоотношений этих слов, когда первым переводом греческого слова *rhetorike* в XI веке было именно слово *ветийство*, а *rhetog* переводился чаще как *вития*, а не *риторь*. Очевидно, что составители Словаря сознательно выбирают славянское слово там, где это возможно (при описании жетона-дарика, при назывании словесных наук везде *ветийство*, а не *риторика*).

Обратим внимание на то, что словарному гнезду «**ветую**» посвящено более двадцати столбцов (САР, I, 1032—1054). Вот основные значения:

«**Ветую**. — Убедительно вещаю, проповедую.

Ветия и **Вития**. — Ритор, красноречивый, искусный в красноречии, сильный в слове.

Витиеватый. **Витиеват**. — Замысловатый, красноречивый, хитрословесный.

Витиеватость. — Красноречивость, хитрословесность, замысловатость.

Ветийство и **Витийство**. — Красноречие, хитрословесие; искусство сладкоречиво, замысловато говорить и писать» (I, 1032—1033).

Далее следуют многочисленные однокоренные слова, образованные приставками с корнем **вет-**, обозначающим само говорение и речевую способность.

«Риторика и Реторика — наука, преподающая правила к красноречию. *Учиться риторике*.

Ритор, или Ретор — упражняющийся в красноречии или преподающий правила красноречия. Древние риторы. *Сниде Архидерей Анания со старцы и с ритором неким. Деян. XXIV.1*» (V, 147).

Слово «красноречие» находится в гнезде «речь». Оно определено в двух значениях:

«1) Витийство, способность красно, ясно, убедительно, приятно говорить и писать; 2) Витийственное изображение мыслей.

Красноречивый — витиеватый, красноглаголивый, искусный в красноречии» (V, 123).

Есть еще *оратория*, которая определена как «витийство, наука красноречия. *Правила оратории*», а оратор — это «вития. *Красноречивый, искусный оратор*».

Обратим внимание на то, как ясно разведены в своих значениях анализируемые слова: *риторика* названа «наукой», *витийство* определено как «искусство», *красноречие* — как «способность». *Оратория*, являющаяся и у Ломоносова частью риторики, также названа «наукой». *Элоквенция* в Словарь не вошла, видимо, как не «соответствующая свойствам нашего языка».

Стоит обратить здесь внимание на уже увядающую к концу XVIII века синонимичку слова *красноречие*. В Академическом Словаре она еще представлена однозначными словами *доброречие*, *многоречие*, *сладкоречие*, *краснословие*; многочисленны и антонимы: *зоречие*, *празднословие*, *пустословие*, *сквернословие*, *срамсловие*, *суесловие*, *тщесловие* и нек. др. В древнерусском языке их количество было значительно большим, если судить по данным наших словарей древнерусского языка (более 30 синонимов

слов типа «добрословие» и «благоречие» и более 45 — их антонимов типа «злословие», «злоречие»). Основным качеством (это очевидно по количеству словоупотреблений) были слова с корнями *благ-* и *добр-* (типа *благоречие* и *добрословие*). Создание научной терминологии ликвидировало эту многоголосицу через выбор единственного термина *красноречие*. Именно М.В. Ломоносову мы обязаны утверждением слова *красноречие* с последующим, видимо, тяготением к изящной словесности, а не к этическим понятиям *блага* и *добра*, которыми пронизаны древнерусские сентенции о слове, языке, речи. См. подробный анализ этого материала в кн.: [Аннушкин 2003: 14–63]

Третья «словесная наука» *стихотворство* определена как: «1) наука изображать стихами мысли свои, описывать предметы чувствам нашим подлежащие, или отвлеченные; 2) сочинение, стихами писанное». Стихотворство может быть «лирическое, драматическое, эпическое, издевочное». Характерно, что вновь найдено именно «славенорусское» слово. Термин «поэзия» имеется в словаре, но только со ссылкой на слово «стихотворство» (IV, 1023). Производное «поэт» отсутствует вовсе.

§ 4. Толкование словесных наук в последующей традиции

Очевидно, что заявленная в Словаре концепция «словесных наук» имела огромное влияние на толкования у последующих авторов, в частности, создателей риторик, теорий красноречия и поэзии в первой половине XIX века. Читая определения «словесным наукам», данные Я.В. Толмачевым, Н.Ф. Кошанским, А.И. Галичем, становится ясно, что уж они-то «заглядывали, как встарь, в академический словарь». При этом очевидно, что указанные классики русской филологии, воспитавшие не одно поколение русских ученых и писателей, не слепо копировали «академические» определения, а уточняли и творчески развивали мысли своих предшественников.

Так, Я.В. Толмачев разделяет понятия *словесность*, *красноречие* и *витийство*: *словесность* — «природная, обыкновенная способность изъяснять свои мысли и чувствования голосом», — не имеет «отличительных качеств»; *красноречие* — «способность, показывающая отличное искусство выражать оное ясно и красиво»; *витийство* — «способность... выражать сильно и убедительно». Именно эти свойства были намечены Академическим Словарем. Способность получается человеком от природы, а «искусство... приобретается наукою: сию науку называют *риторикою*. Итак, риторика есть та наука, которая содержит правила, руководствующие к красноречию и витийству». Я.В. Толмачев дает самое краткое определение риторики: «наука красноречия», или: «предметом риторики можно почесть систему правил, касающихся до красноречия» [Толмачев 1825: 1–3].

Подобно В.К. Тредиаковскому, преувеличенно утверждавшему приоритет «элоквенции» над всеми науками, Я.В. Толмачев проводит мысль о пользе «всех наук, обогащающих ум познаниями, особливо наук умозрительных» — для лиц, «занимающихся словесностью». Для этих лиц существенно необходима «наука слова» — и Я.В. Толмачев предлагает не путать ее со «словесностью». Предметами «науки слова» являются «мысли, слова и соглашения одних с другими: правильному действию мыслей учит *логика*; правильному употреблению слов *грамматика*; правильному соглашению мыслей со словами, показывающему известную степень искусства в употреблении речи, научает *риторика*». Логика и грамматика считаются «предварительными науками» в отношении к риторике. При этом необходимою основою для занимающихся словесностию (уже, видимо, в значении «науки» или «искусства». — А.В.) будут как *всеобщая, философская грамматика* («наблюдения над языком всего рода человеческого»), так и *частная грамматика* (изучение языка «какого-либо народа» [Толмачев 1825: 4–5].

Совершенно очевидно, что царскосельский учитель А.С. Пушкина Николай Федорович Кошанский самостоятельно развил теорию «словесных наук», имеющую множество совпадений со

Словарем Академии Российской. Схема словесных наук у Н.Ф. Кошанского расширяется до разбора всех наук, имеющих отношение к человеку, обладающему по воле Творца «силой ума и даром слова». Схематически совокупность словесных наук в интерпретации Н.Ф. Кошанского записывается следующим образом:

Словесные науки (по Н.Ф. Кошанскому)

человек					
«сила ума»			«дар слова» = «язык»		
логика			словесные науки		
предмет логики	1. понятия	теория	1. грамматика «слова»	предмет словесности	границат с эстетикой
	2. суждения		2. риторика «мысли»		
	3. умозаключения		3. поэзия «чувствования»		
		практика	красноречие (ораторство)		
			роды поэзии		

Словесность, названная «способностью выражать мысли и чувствования», подразделяется на *прозу* (ее изучает частная риторика) и *поэзию* (изучается пиитикой). При этом каждая из словесных наук имеет свою теорию и практику. «Риторика вообще» (общая риторика) определена как «наука изобретать, располагать и выражать мысли, и в особенности руководство к познанию всех прозаических сочинений» (частная риторика)» [Кошанский 1829: 2].

Н.Ф. Кошанский возвратил в риторику учение об изобретении, назвав предметом риторики «мысли», точнее, способность

их «изобретать, располагать и выражать». При этом нет никакого противоречия в споре предметов логики и риторики: логика предстает как наука об умственных операциях безотносительно к слову, риторика — как наука о выражении мысли через слово.

Термин *красноречие* прокомментирован у Н.Ф. Кошанского в примечаниях. Если каждая из словесных наук (грамматика, риторика, поэзия) имеет, «как наука, свою теорию, и как искусство, свою практику», то очевидно, что практика риторики ближе всего к традиционному значению слова *красноречие*. В «Частной риторике», пользуясь терминами «гражданское красноречие», «политическое красноречие», «духовное красноречие» при описании конкретных родов речей, Н.Ф. Кошанский предпочел названию вида словесности термин «ораторство». Не исключено, что это произошло вследствие влияния латыни на терминологию автора (ведь все термины у него имеют в скобках латинское слово как источник своего происхождения, а латынь не давала источников для слов *красноречие* и *витийство*).

Вот определение Н.Ф. Кошанским «ораторства»: «Ораторство, витийство (*ars oratoria*) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других». В описании действий оратора Н.Ф. Кошанский использует слово «красноречие» скорее метафорически: «Оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений — движет страсти красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души» [Кошанский 1832: 76].

Одним из первых Н.Ф. Кошанский пытается разделить значения словесности и литературы. В начальном определении они даны как синонимы: «словесность или литература вообще наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей». Однако литература — понятие более узкое, относящееся к области письменно-печатной словесности, поэтому существуют понятия *истории литературы* как «истории писателей» и «литературы какой-либо науки или искусства — собрания сочинений или писателей по той части». Толкование основных терминов базируется на филологической культурной традиции, рассматривающей развитие общества в связи с

развитием языка или форм словесности. Поэтому «народы дикие имеют *язык*, но не имеют *литературы*; а просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа» [Кошанский 1829: 1].

Сказанное свидетельствует об огромной влиятельности Слова Академии Российской, воздействовавшей своими авторитетными определениями на все последующее развитие филологической мысли в России. Важнейшее значение при этом имело осмысление особых свойств славянорусского языка и правил его применения, которые требовали и продолжают требовать от его носителей чистоты, красоты, важности и силы в употреблении слов и пользовании речью.

§ 5. *Язык — речь — слово* в филологических науках пушкинского времени

Внимательное прочтение учебников словесности, грамматик и риторик и особенно словарей заставляет видеть необычность употребления основной терминологии филологических наук, называвшихся в то время «словесными науками» (понятно, что о «языковедческих науках» речи быть еще не могло).

Основным термином следует назвать **слово**. Как и ныне, слово «**слово**» многозначно, но акценты расставлены по-иному — в соответствии с письменной культурой того времени. **Слово** воспринимается прежде всего как **логос** — движущая, творящая сила, воплощаемая в самой способности, даре человека мыслить и оформлять мысль в сознательных речениях и звуках. В XVIII веке слову как отрезку текста соответствует слово «речение», а собственно **слово** воспринимается в соответствии с его библейским смыслом. Общим местом (знанием) для носителя языка является идея о том, что «в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», человек есть образ Божий, имеющий главное отличие от других Его творений — «слово».

Термин **язык** в весь рассматриваемый нами период до середины XIX века будет толковаться как орудие создания устной

речи. Вчитаемся в определение А.Ф. Мерзлякова 1804 года (первое издание его «Краткой риторики»): «Под словом *речи* вообще разумеется всякое словесное выражение наших мыслей и чувствований, расположенное в некотором определенном *порядке* и *связи*. Порядок и связь отличают **искусственную речь** от **языка**» [Мерзляков 1828: 2]

Значит, речь «искусна», а язык еще не требует искусства. Далее следует рассуждение о правилах речи, которые изучаются тремя науками: грамматикой, риторикой и поэзией.

Посмотрим, как отчасти смешивается синонимическое употребление слов *язык* и *слово* у учителя Пушкина Н.Ф. Кошанского в его «Общей реторике» 1829 г. Начало учебника:

«Ничто столько не отличает человека от прочих животных, как *сила ума* и *дар слова*. Сии две способности неразлучны; они образуются вместе, взаимно и общими силами ведут человека к совершенству, к великой Небом ему указанной цели» [Кошанский 1829: 1].

О «даре слова» как первой способности человека вообще толкуют все учебники словесности начала XIX столетия. Но вот тот же Н.Ф. Кошанский начинает «Частную реторику», изданную посмертно в 1832 г.:

«Язык или дар слова (*vox articulata*) есть дар *свыше*, которым Творец отличил любимое сознание свое от всех бессловесных и благоволил, чтобы человек сам образовал сию способность, руководствуясь нуждами, разумом, природой.

Примеч. Язык, сей чудесный дар Неба, соединяясь и никогда не разлучаясь с другим божественным *даром разума*, созвал людей в общества, основал грады, составил науки и служит орудием чистейших, благороднейших, высших наслаждений ума и сердца. «Словесность есть главный орган гения и чувствительности». *Карамз.*» [Кошанский 1832 — цит. по: Аннушкин 2002: 307].

Однако эта синонимика разводится в последующем рассуждении, где четко разделяются **язык** и **литература**. Разделение это произойдет не на современных основаниях (одна наука — о системе языка, другая — о художественной литературе), а на основа-

нии отнесения к разным родам словесности. Н.Ф. Кошанский пишет:

«В наше время, язык и литература, заключают два разныя понятия. *Язык* — значит ныне изустное употребление дара слова или хотя и письменное, но писанное для удовлетворения *первой нужды* человека, сообщать мысли и чувствования другому.

Область языка ограничивают ныне знанием *граммоты* и, может быть, *грамматики* и употреблением *безыскусственной прозы* — первым, необходимым образованием человека.

Литература — значит *ныне* произведения языка, утвержденные *письменами* и, может быть *печатанием*, как для современников, так и для потомства; и притом произведения, удовлетворяющие *второй потребности* человека — просвещению ума, наслаждению вкуса.

Литература обнимает все словесные науки с их произведением и писателей с отличительными их достоинствами» [Кошанский 1832 — цит. по: Аннушкин 2002: 307—308].

Итак, *язык* — первичный дар свыше, который должен развиться в *литературу*. С помощью языка создается первичный вид словесности — устная речь («изустное употребление дара слова»), а литература начинается там, где вступает в дело письменная речь — литеры, или письмена. Обратим внимание на то, что литературой охватываются все словесные науки (т.е. и догматика, и наука, и документальная проза, и ораторская проза), а не только художественная литература, как это стало после реформы середины XIX века, осуществленной А.А. Потебней и беллетристической критикой. Термин *литература* у Н.Ф. Кошанского ближе всего и к понятию *филология*, поскольку «обнимает все словесные науки» и говорит об отборе культурных текстов, имеющих значение для «просвещения ума», для «потомства».

Отголоском подобного понимания термина *язык* представляется и употребление его у другого учителя А.С. Пушкина — Александра Ивановича Галича, который пишет об «ораторском языке» в учебнике «Теория красноречия» [Галич 1830]. «Общие свойства ораторского языка» возможны только вследствие того, что

оратор пользуется «изустной речью», которая создается с помощью орудия устной речи — «языка». Выражение «литературный язык» бессмысленно с точки зрения филологии пушкинского времени. Поэтому когда тот же А.И. Галич будет писать о литературе, о слоге и стиле, словосочетание «литературное произведение» понимается им буквально — как написанное с помощью «литер», как и термин *стиль*, имевший ясную этимологию для всех образованных людей («палочка», «перо» как орудие письма) [цит. по: Аннушкин 2002:].

Пожалуй, наиболее понятен термин «речь». Вот что об этом пишет К.П. Зеленецкий, сочинения которого могут быть признаны вершиной развития этого логосического периода русской филологической науки.

«Предмет риторики составляет вообще речь. Речь есть полное, устное или письменное, прозаическое или стихотворное, выражение наших мыслей» [(Общая риторика. Одесса. 1849) — цит. по: Аннушкин 2002: 378].

В составе каждой речи К.П. Зеленецкий находит три стороны.

«Первую, внутреннюю сторону речи составляют законы мышления, которые утверждают **логическую** основу каждой речи. Они будут изложены нами в первом отделении общей риторики, в учении о логических основаниях мышления. Здесь рассмотрим мы главнейшие законы, формы и действия мысли нашей и укажем на формы ее словесного выражения. Заметим, что полное учение о законах, формах и действиях мышления излагается в науке, называемой логикой.

Вторую, внешнюю сторону каждой речи составляют состав и построение сей последней, во многом зависящие, как легко понять, от внутренних, логических ее условий. Это собственно **риторическая** сторона нашего предмета. Ее изложим мы в учении о риторическом образовании речи. Здесь покажем мы, во-первых, условия, по которым речь строится и которые прямо зависят от законов мышления, рассматриваемых в первой части, а во-вторых, различный состав речи.

В-третьих, в каждой речи находим мы **условия языка**, на котором она излагается. Условия эти могут быть названы лингвистическими и предполагают ближайшее ознакомление со словарем языка и духом его грамматики. Мы изложим их в приложение к языку русскому. Потому третье отделение нашей Общей Риторики составят лингвистические условия речи в приложении к языку русскому. Здесь сперва будем мы говорить об отношении языка русского к церковно-славянскому, затем рассмотрим лексическую сторону языка нашего и его главнейшие особенности и, наконец, в главе о грамматической его чистоте покажем погрешности, которые от небрежности или незнания вкрадываются в него и вредят этой чистоте» [цит. по: Аннушкин 2002: 378—379].

Наиболее интересна система наук, которую выстраивает К.П. Зеленецкий. Она отличается от словесных наук переходным характером к новому языкознанию второй половины XIX века. Покажем ее:

Риторика — часть науки о Слове. Характерно, что К.П. Зеленецкий исключает из риторики учение о изобретении как способах создания мыслительного содержания речи.

«Риторика всегда предметом своим имела расположение и выражение мыслей, именно с целью их письменного изложения. Следовательно, речь, как полное выражение мысли со всех ее сторон, составляла постоянный, исконный предмет нашей науки...

Сколько же форм представляет нам собою слово человеческое? представляя другому случаю логический вывод числа и построения сих форм, мы удовольствуемся теперь простым их исчислением, тем более, что, по своей общеизвестности, число это несомненно. Необходимые формы слова суть: *реченье*, *предложение*, *период* и *речь*, сия последняя — в смысле полного, устного или письменного изложения. Само собою разумеется, что сии формы находятся в органической зависимости между собою и составляют одно здание науки о слове. Таким образом из частей сей последней *лексикология* объем-

лет собою значение, образование и свойства речений; *грамматика* — значение, состав и изменения предложений; *синтаксис* — периоды, в их значении, составе, разделении и проч.; наконец *риторика* имеет предметом своим речь в ее грамматическом построении предложений, в логическом расположении ее частей, словом в ее образовании и составе и, наконец, в ее особых чисто-реторических условиях и свойствах» [цит. по: Аннушкин 2002: 375—376].

Необычность этих построений должна быть в светлой точке сознания нашего современника. Особенно ценно в этих рассуждениях благоговейное отношение к языку, сознание роли «отечественного слова для благосостояния государства».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как объясняется понятие «язык» в Словаре Академии Российской?
2. Почему язык назван «славенороссийским»? Насколько, на ваш взгляд, оправдано такое именование?
3. Какие основные свойства или качества языка утверждаются создателями Словаря?
4. На какой состав видов словесности ориентируются создатели Словаря? Какие виды речи (текстов) считают они важнейшими для того, чтобы использовать в качестве примеров для Словаря?
5. Какой была основная (начальная) цель деятельности Академии? Какие науки входят в состав «словесных наук» во второй половине XVIII века?
6. Какими словами называются науки в допетровское время?
7. Как определяются Ломоносовым термины *риторика*, *оратория*, *поэзия*, *красноречие*?
8. Каков динамика развития термина *словесность* от середины XVIII до середины XIX века?
9. Как объясняется *словесность* в трудах ведущих филологов 40-х годов XIX века?

10. Как объясняются *грамматика* и *риторика* в Словаре Академии Российской?
11. Какова разница в словах *ветийство* / *риторика* (по Словарю Академии Российской)? Какие изменения произошли в словарном гнезде слова «*ветую*», если бы мы стали сравнивать это слово с современным употреблением?
12. Какие сложные слова (типа *срамословие*, *злоречие*) отмечает Словарь и как можно объяснить их развитие с современных лексических позиций?
13. Какие изменения претерпевают словесные науки в первой половине XIX века в творчестве Я.В. Толмачева, А.Ф. Мерзлякова, Н.Ф. Кошанского?
14. Как поясняются Н.Ф. Кошанским слова *красноречие*, *ораторство*, *литература*, *словесность*?
15. Как объясняются термины *язык* — *речь* — *слово* в филологических науках первой половины XIX века?

Глава IV

СЛОВЕСНОСТЬ КАК НАУЧНЫЙ ТЕРМИН И УЧЕБНЫЙ ПРЕДМЕТ

§ 1. Словарные определения словесности

В современной речи слово *словесность* употребляется то вышненно, когда серьезно говорят об «уроках словесности», «учителях словесности» (не чеховского типа), «значении словесности» и т.д., то иронически снижено, когда требуется критика успехов нашей литературы. При сохранении в этом слове старинной красоты, к сожалению, мало кто вкладывает в него точный смысл, не ограниченный значением слова *литература*. Скажем более: когда термин *словесность* употребляется лишь применительно к художественной литературе, то это существенное ограничение одного из главных понятий филологической науки.

Впрочем, вполне уместно поставить вопрос: термин ли *словесность*? Употребителен ли он в современной науке и педагогике? Можем ли мы довольствоваться введением курсов словесности в ряде новых лицеев и гимназий вне определения самого предмета словесности? Да и стоит ли восстанавливать предмет «словесность», когда есть «литература»? Не мудрствуя лукаво, откроем один из последних по времени учебников истории русской словесности и прочитаем гимназическое определение: «Словесность в обширном смысле есть все, что выражено словами (...) Понятия *словесность* и *литература* не должно смешивать. *Литература* происходит от слова *littera*, и к ней относится только то, что выражено буквами, то есть написано или напечатано. Понятие «словесность» шире: к словесности принадлежат не только письменные произведения, но и устные — песни, сказки и т.д.» [Незеленов 1910: 1].

Возможно, внимательный читатель заметит: «песни, сказки», как и другие фольклорные произведения — далеко не все, что

может принадлежать к устной словесности (русской словесности традиционно не везло с рассмотрением устной бытовой речи и правил ее ведения). К литературе же в цитированном учебнике относится только «изящная» словесность без учета научной и публицистической литературы, писем и документов.

Заглянем в другой старый учебник:

«Литература (или письменность) и словесность имеют много общего между собой и обозначают всю *совокупность словесных произведений*, или произведений слова, созданных человечеством. Произведения эти создаются с древнейших времен, частью записываются, частью сохраняются в устной передаче от одного поколения к другому» [Смирновский 1913: 7]. При таком обширном понимании все-таки ясно просматривается одна из главных задач филолога и педагога-словесника: какие словесные произведения из «всей совокупности» отобрать, признав культурно значимыми, и ввести в преподавание?

Если обратиться к авторитетным старинным словарям, то и там увидим ту же недостаточность при отдельных ценных для понимания сущности предмета идеях. В.И. Даль определяет «словесные науки» как «ведущие к изучению слова, речи, правильного и изящного выраженья. *Словесность*, словесные науки — все что относится к изучению здравого сужденья, правильного и изящного выраженья; // общность словесных произведений народа, письменность, литература» [Даль 1882: IV, 222].

В первом определении В.И. Даля имеется то, что не случайно будет отсутствовать в последующих определениях — нормативно-риторическое понимание словесности, предполагающее выведение правил и законов действия со словом, требование логической правильности и эстетического совершенства. Второе же определение позволяет понять, что такое «русская словесность»: это «общность словесных произведений» русского народа, его письменность и литература.

Вспомним здесь и Общество любителей российской словесности при Московском университете, основанное в 1811 г. с целью «распространения сведений о правилах и образцах здоровой словесности» [Энциклопедический словарь 1897: 619].

Характерна подчеркнутая неопределенность термина *словесность*, даже не относимого к разряду научных, в Словаре Брокгауза и Эфрона: «*словесность* — обиходный термин, в общем соответствующий более принятому в науке термину *литература* и столь же малоопределенный, как и последний» [Брокгауз 1900: 397], это — и 1) «совокупность всех произведений какого-либо языка», и 2) художественная, «изящная литература» (отсюда «учитель словесности»); и 3) народная словесность (фольклор).

Советские словари не дали научного определения термина, везде сопровождая его пометой «устаревшее». При сравнении определений «словесности» мы видим тенденцию к упрощению и постепенному вытеснению термина из употребления. Так, мы не найдем определения «словесности» в 3-м издании Большой советской энциклопедии, хотя во 2-м издании оно есть; нет определения «словесности» в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990) [Лингвистический энциклопедический словарь 1990], хотя составители обещали включить сведения из истории наук о языке.

Имеющиеся определения восходят к статье в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «**словесность**» — 1. Творчество, выражающееся в слове, как устном, так и письменном, словесное творчество. (...) // Совокупность произведений такого творчества какого-н. народа. (...) 2. Филологические науки (лингвистика, стилистика, литературоведение и пр.; устар.). 3. Слова, разговоры вместо дела (разг., шутол., пренебр.). (...) 4. Занятия с солдатами для изучения воинских уставов (дореволюц.)» [Толковый словарь 1940: 4, 269].

Надо отдать должное Д.Н. Ушакову, восстанавливающему значение словесности как совокупности «филологических наук» — именно такое понимание словесности было характерно для И.И. Давыдова (см. наш разбор в разделе «Словесные науки»). Конечно, изменился состав наук, но симптоматична сама ссылка. Правда, когда раскрывается этот состав наук (лингвистика, стилистика, литературоведение), то ясно, что ни одной из этих наук в этом «устаревшем» виде не существовало — и лингвистика, и

стилистика, и литературоведение являются «новыми» науками, сформировавшимися, по крайней мере, лишь к началу XX века и не входившими в состав «старой» словесности.

Последующие академические словари почти повторяли формулировку Д.Н. Ушакова: «1. *Устар.* Художественная литература и устное народное творчество, а также совокупность литературных и фольклорных произведений какого-н. народа. (...). 2. *Устар.* Филологические науки (лингвистика, стилистика, литературоведение и т.п.). (...) // Название учебного предмета в дореволюционной средней школе, дававшего систематические знания по литературе. (...) 3. *Перен.* Разг. *устар.* Пустые слова, разговоры; слова, разговор вместо дела, (...) 4. Устные занятия с солдатами по изучению воинских уставов в дореволюционной русской армии» [Словарь русского языка 1984: 4, 139].

Ср. определения в новейшем словаре: 1. Художественное литературное творчество и словесный фольклор (книжн.). *Изыщная с.* (устарелое название художественной литературы). *Устная народная с.* 2. слова, разговоры, подменяющие дело (неодобр.). (...)

Прил. *словесный*, *-ая*, *-ое* (к 1 знач.). *Словесные науки* (филологические)» [Шведова, Ожегов 1993: 755].

Толкование «словесности» как творчества с помощью слова не вызывает никаких возражений. Но объяснение словесности как науки грешит приблизительностью в отношении к историческому предмету. В филологических сочинениях начала XIX в. можно увидеть синонимичность терминов *словесные науки*, *словесность* и *филология*, однако предмет «словесности» не включал, например, грамматических знаний. Предмет словесности, как ее теории, так и истории, охватывал (особенно во второй половине XIX в.) стилистику, но не равнялся ей, и уж, конечно, расходился с литературоведением. Учебный предмет теории и истории словесности в дореволюционной средней школе давал систематические знания не по литературе, а именно по словесности, поскольку последняя имела свой предмет исследования и обучения.

§ 2. Периодизация курсов теории словесности

Наиболее последовательная периодизация курсов теории словесности предложена И.А. Зарифьян:

1. 1800—1820 гг. — становление курсов теории словесности на базе классической риторики. Новый термин *словесность* получает два основных значения:

«1) способность или искусство выражения мысли в слове с применением правил искусств речи (прежде всего риторики как «искусства сочинять») и 2) совокупность произведений словесности, в которых применяются правила искусств речи» [Зарифьян 1990: 8].

Риторика, наряду с грамматикой, — главная наука словесности, но ее содержание значительно отличается от классических образцов. Так, А.Ф. Мерзляков отказывается от ломоносовского учения об изобретении (касающегося содержания речи) и учения о страстях, разрабатывает правила общей стилистики (учение о слоге, его достоинствах и недостатках, фигурах, периодах, благозвучии, произношении) [Мерзляков 1828:].

Строго различались два рода произведений словесности: проза и поэзия. Под поэзией понималась вся художественная словесность (не только стихи), риторика определялась как «теория прозаических сочинений», к которым в труде А.Ф. Мерзлякова относились: 1) письма; 2) разговоры (драматический, философский); 3) догматические, или учебные сочинения (рассуждения, учебные книги); 4) история; 5) речи (духовные, политические, судебные, похвальные, академические).

2. Во второй четверти XIX в. окончательно формируется состав курса теории словесности через разделение риторики на «общую» и «частную». В общей риторике даются общие правила создания литературно-письменных текстов, в частной эти правила применяются к описанию разных родов и видов словесности.

Н.И. Греч рассматривает риторику и пиитику (поэтику) как самостоятельные области науки о словесности [Греч 1820]. К видам прозы, названным А.Ф. Мерзляковым, он добавляет деловые

бумаги. Н.Ф. Кошанский, суммировавший развитие риторики XVIII и первой четверти XIX в., излагает классическую теорию риторики по трехчастной схеме (изобретение, расположение, выражение) [Кошанский 1834].

3. В 30–40-е годы XIX в. теория словесности включает основные проблемы языка и речи, например, в учебнике В.Т. Плаксина разбираются отношения мысли и речи, психологические основы мышления и речи и т.п. [Плаксин 1843–1844].

И.И. Давыдов в университетском курсе рассматривает словесность как науку и искусство. Цель науки — «постижение законов... творческого произведения духа в слове», цель искусства — «творчество в изящном слове». Словесность как наука имеет свою философию и историю. В философии словесности выделяется объективная часть, где «заведуют» грамматика и риторика, и субъективная часть, предмет которой заключается в теории поэзии и красноречия [Давыдов 1837: XVII–XVIII, XXIII–XXIV].

Вершиной развития теории словесности на базе риторики явились труды К.П. Зеленецкого [Зеленецкий 1846; Зеленецкий 1849]. Его учебная теория словесности состоит из трех частей:

1) риторика, 2) теория прозы, 3) поэтика.

К.П. Зеленецким суммированы достижения общей риторики: в изобретении излагаются понятия логики и общие места, в расположении — основные формы композиции (описание, повествование, рассуждение), в выражении — описаны тропы, фигуры и общие свойства стиля. В частной риторике (или «теории прозы») предложена система видов словесности — это была попытка охватить все факты литературно-письменного языка и создать универсальную классификацию текстов.

4. В 1860–1870-х гг. назрел кризис теории словесности, обусловленный рядом причин. Во-первых, основное внимание в общественно-языковой практике стало уделяться художественной литературе, тексты которой стали рассматриваться как наиболее ценные произведения словесности. Во-вторых, нормативная система искусств речи начинает разрушаться под воздействием нарождающихся понятий фундаментального языкознания и

литературоведения. В-третьих, изменяется языковая дидактика вследствие сокращения преподавания классических и иностранных языков; «Если поставим историю и русский язык в независимости от древней филологии, реализм и беллетристика обуяют гимназию», — писал Ф.И. Буслаев [Буслаев 1941: 42].

В то же время некоторые филологи пытались отстоять и развивать традиционные взгляды, например, В.И. Классовский [Классовский 1876].

5. В 1870—1880-е гг. начинается раздельное преподавание истории и теории словесности. «Общая теория речи» понимается в основном как стилистика. Одновременно расширяется лингвистическая часть с толкованием природы языка, сведениями из общего и сравнительно-исторического языкознания. Учение о видах словесности заменяется учением о композиционных формах речи (повествование, описание, рассуждение) или комментарием к художественному тексту.

6. Последний этап в развитии курса теории словесности (1890—1923) характеризуется сокращением теории прозы и развитием теории художественной речи, особенно под воздействием теории словесности А.А. Потебни [Потебня 1894; Потебня 1905; Потебня 1913]. В поздних курсах теории словесности нет сведений о риторике, а правила искусств речи заменены понятиями художественной стилистики, поэтики и эстетики [Овсяннико-Куликовский 1923]. Как суммирует И.А. Зарифьян, «задачей курса стало формирование массового читателя художественной литературы. Эта задача стала одним из оснований дидактики родного языка» [Зарифьян 1990: 46].

В советское время отрицательные тенденции в отношении к курсам словесности усилились: курс родного языка (в его лингвистическом, а не риторико-прагматическом понимании) был непомерно расширен — в ущерб не только классическим языкам, но и историческим сведениям из родного языка. Изучение языка происходит в отрыве от истории и реального содержания текстов. В существующей ныне одноязычной дидактике отсутствует общее учение о текстах, т.е. наш ученик (как и учитель) не имеет

ясного представления о том, в окружении каких текстов происходит его языковая жизнь. Овладение наследием великой классической литературы не отменило необходимости обращаться к иным видам словесности, заслуживающим столь же пристального изучения. Так, для речевого воспитания основополагающими видами словесности являются бытовой диалог с общими правилами речевого этикета, бытовая и деловая письменность, этикет и правила деловой беседы, публичная речь в разных видах, речь средств массовой информации.

§ 3. Взгляды на словесность Н.В. Гоголя и В.Г. Белинского

Прежде чем обратиться к современной интерпретации словесности, нельзя не остановиться на анализе двух авторитетных мнений — Н.В. Гоголя и В.Г. Белинского.

Н.В. Гоголь написал проспект «Учебной книги словесности для русского юношества», планируя учебник в двух частях: «поэтической» и «прозаической». В каждой части — «правила, или теория», затем — «примеры» [Гоголь 1952: 468]. После вступительных замечаний «о науке» («ее сила будет в многозначительном краткословьи») и похвалы русскому научному уму Гоголь начинает собственно учебник с раздела «Что такое слово и словесность»: «Говорится все, записывается немного, и только то, что нужно. Отсюда значительность литературы. Все, что должно быть передано от отцов к сыновьям в научение, а не то, что болтает ежедневно глупый (?) человек, то должно быть предметом словесности» [Гоголь 1952: 470]. Идея отбора ценных или культурно значимых произведений слова — один из основных постулатов филологии. Но Гоголем-литератором незаметно нивелируется значение устной речи, а сама словесность приравнивается к письменности: «Письменностью или словесностью называют сумму всего духовного образования человека, которое передано было когда-либо словом или письмом». Гоголь понимает словесность как искусство, средство выражения мыслей и чувств: словесность

«есть только образ, которым передает человек человеку все им узнанное, найденное, почувствованное и открытое... Ее дело в том, чтобы передать это в виде яснейшем, живейшем, способным остаться навеки в памяти.

Открытием тайны такого живого передавания занимается *наука словесности*. Но научить этой тайне не может наука словесности никого, так же как никакой науке и никакому искусству нельзя научиться в такой степени, чтобы быть мастером, а не ремесленником, — если не даны к тому способности и орудия в нас самих» [Гоголь 1952: 470]. План гоголевского проспекта показывает, что в «Учебную книгу» должны были войти по преимуществу жанры «поэтического, высшего языка человеческого, языка богов». «Всем доступный» прозаический род сочинений низводился на положение второстепенного, единственному упомянутому виду прозы («ученые рассуждения и трактаты») Гоголь посвящает лишь маленький абзац [Гоголь 1952: 483]. Обратим внимание на то, что ни ораторской прозе, ни деловому языку нет места в классификации Н.В.Гоголя. Эта тенденция представления в словесности только ее «поэтической части» будет усилена во второй половине XIX в.

Апологетом подобной точки зрения является и В.Г. Белинский. Его критика «Общей реторики» Н.Ф. Кошанского, заканчивающаяся приговором «всем риторикам», которые «нелепы и пошлы» [Белинский 1955: 514], оставила, конечно, за пределами рассмотрения и вопросы серьезной науки. Несомненно и то, что Белинский тонко и глубоко разбирает специфику словесности, письменности и литературы, начиная свой анализ с ясного разведения этих понятий:

«*Письменность* и *литература* прежде всего относятся к *словесности* как виды к роду. Понятие, выражаемое *словесностью*, гораздо общее, нежели понятия, выражаемые *письменностью* и *литературою*, (...) *словесность* включает в себе и *письменность* и *литературу*, как ее же собственные произведения. Все, что находит свое выражение в слове, все это принадлежит к области *словесности*: и народная поговорка или пословица — и курс фи-

лософии (...) К области письменности принадлежат те словесные произведения, которые народ, не знавший еще книгопечатания, почел достойными сохранить от забвения посредством письменного искусства. Под литературою разумеется или словесность народа, исторически развившаяся и отражающая в себе народное сознание, или какая-нибудь отрасль словесности, обнимающая собою известную сторону искусства или науки. Так, в последнем случае говорится: литература эстетики, литература истории, литература математики, медицины, технологии и т.д.

Понятие о литературе тесно связано с понятием о книгопечатании» [Белинский 1954: 621].

Белинский положительно оценивал значение церковной и деловой письменности, значимость же фольклора им в сущности отрицается: «наши предки чувствовали бессознательно ничтожность и незначительность их народной поэзии» [Белинский 1954: 623–624].

Хотя Белинский и отмечает различные виды словесности, он, подобно Гоголю, является апологетом художественной литературы. Высшим мерилем «литературного» периода в развитии словесности, по мысли Белинского, является то, что «ее деятелем является уже не народ, а отдельные лица, выражающие свою умственную деятельность различными сторонами народного духа. В литературе личность вступает в полное право свое, и литературные эпохи всегда означаются именами лиц» [Белинский 1954: 625].

Несмотря на всю глубину и тонкость замечаний Белинского, его апологетика «изящной литературы» сослужила плохую службу словесности, поскольку целый ряд видов словесности был низведен до уровня второстепенных и не значимых для педагогики и общества в целом: это и народная словесность, и разные виды литературы (не художественной), и древнерусская письменность, и ораторское красноречие, и устная бытовая речь. Белинский не видит каких-либо критериев, которые могут быть использованы для отбора в историю словесности текстов устной речи, писем, деловой и научной прозы. Такие критерии, по мысли ли-

тературного критика, возможны только в отношении изящной литературы [Белинский 1954: 624].

§ 4. Словесность в современной филологии

В современной филологической литературе термин словесность употребляется и исследуется чрезвычайно редко. Наиболее обстоятельно и обоснованно использует его Ю.В. Рождественский, не только возрождая его из исторического небытия, но и придавая ему конкретный научно-терминологический смысл:

«Языковая деятельность состоит из высказываний. Отдельное высказывание в филологии называется *произведением словесности* (выделено автором. — В. А.), а вся совокупность произведений словесности — *словесностью*. Словесность, или языковые тексты, — *предмет филологии*. Задачей филологии является, прежде всего, отделение произведений словесности, имеющих культурное значение, от таких, которые его не имеют. Для решения этой задачи необходимо обозреть весь массив произведений словесности. Это можно сделать только путем классификации этих произведений» [Рождественский 1990: 112].

В соответствии с русской филологической традицией Ю.В. Рождественский пытается выстроить наиболее полную классификацию родов и видов словесности, приспособив ее к современному информационному обществу: 1) устная словесность: а) дописменная (диалог, молва, фольклор); б) литературная (ораторика, гомилетика, сценическая речь); 2) письменная словесность (сфрагистика, эпиграфика, нумизматика, палеография, включающая: письма, документы, сочинения); 3) печатная словесность, или литература (научная, художественная, журнальная); 4) массовая коммуникация (массовая информация в виде радио, телевидения, прессы, кино; реклама и информатика) [Рождественский 1996: 23].

Необходимо возвращение к правилам словесности, среди которых Ю.В. Рождественский выделяет **внешние правила**, регламентирующие порядок создания, передачи, приема и хранения

словесных произведений, и **внутренние правила**, регламентирующие лингвистическое строение текста с помощью искусства речи и наук о речи (логика, грамматика, поэтика, риторика, стилистика) [Рождественский 1996: 21].

Характерно и восстановление предмета словесности в современной школе. В учебнике «Русская словесность» Р.И. Альбетковой для 7 класса термину словесность приписаны три значения:

«Во-первых, это словесное творчество. Это искусство рисовать словом картины и изображать людей, рассказывать об их поступках и переживаниях, выражать словом мысли и чувства.

Кроме того, словесность — это все произведения искусства слова: устное народное творчество и книжность, письменная литература.

И наконец, словесность — обобщенное название всех наук о языке и литературе — это грамматика и лексикология, история и теория литературы, стилистика и риторика и другие науки.» [Альбеткова 2000: 9]. Последнее толкование замечательно приближает нас к тому толкованию словесности, которое было в университетском курсе И.И. Давыдова, где словесность включала весь цикл наук о языке (теорию языка, теорию речи и теорию слога). Современное объяснение выглядит несколько странно, потому что, строго говоря, мы не найдем именно такого определения у современных ученых-лингвистов. Тем не менее такое определение перспективно, поскольку оно показывает восстанавливаемую историческую связь классической русской филологии и современных наук о языке и слове.

Подведем некоторые итоги относительно содержания самого термина *словесность* и перспектив словесности как научной и педагогической дисциплины.

1. Словесность этимологически определяется как способность человека выражать свои мысли и чувства в слове. Поэтому словесность объяснялась в классических русских учебниках как природный дар, которым человек отличен от других оду-

- шевленных созданий. Владение словом показывает в человеке божественное начало, отражая в нем образ Божий.
2. Словесность — это совокупность словесных произведений. Можно говорить о словесности какого-либо народа, например, русской словесности. Рассмотрение всей совокупности произведений словесности невозможно, поэтому филологи ставят вопросы о классификации и отборе наиболее ценных и культурно значимых текстов.
 3. Словесность изучается и осмысливается как искусство создания словесных произведений. Словесность как искусство речи предполагает постижение законов словесного творчества и обучение правилам, приемам создания словесных произведений.
 4. Классический термин *словесность* был для русских ученых первой половины XIX века аналогом термина *филология*, поскольку само слово имело логосическую, мироустраивающую функцию. Поэтому словесность и определялась либо как совокупность «словесных наук», либо как «наука о Слове».
 5. Современная словесность как наука занимается прежде всего изучением существующих словесных произведений. Задача современной теории словесности — классификация и изучение специфики родов, видов и жанров словесности, отбор и изучение образцов словесного творчества. Теория словесности должна восстановить в правах такие незаслуженно забытые для изучения и обучения виды словесности, как ораторика (публичная речь), деловая проза, письма, показать современному учащемуся разницу между художественной и научной литературой, выяснить специфику и роль средств массовой информации, наконец, оптимально представить современную разговорно-бытовую речь и правила этикета.
 6. Подлежат изучению разные роды и виды словесности: 1) художественная, изящная словесность, приравненная ныне к «литературе» (хотя ни словесность, ни литература не ограничиваются художественными текстами); 2) устная словесность, включающая не только фольклорные произведения, но и бы-

товые и ораторские формы речи; 3) научная словесность, объемлющая произведения научной речи (кстати, почти нетронутая проблема — существование устной научной словесности в научных диалогах, построении научных докладов, конференций и т.д.); 4) деловая словесность, словесность средств массовой информации и т.д. — по родам и видам словесности (сколь бы необычно это ни звучало для современного пользователя); 5) возможно говорить и о видах профессиональной словесности (как мы говорим о церковной словесности, политической, юридической, дипломатической словесности и т.д. — каждый из этих «профессиональных» видов речи заслуживает изучения на стыке филологии и соответствующей науки).

7. Предмет «словесность» имеет большее право, чем «литература», на то, чтобы быть изучаемым в вузе и школе. Не отрицая значения художественной словесности, необходимо обратить учащихся ко всему богатству речевой действительности. Построение основ современной школьной теории словесности — задача искусного методиста и авторов будущих учебников теории словесности. При этом создатели профессиональных учебников словесности естественно должны давать вначале общие основы и правила словесности, а затем переходить к частным правилам и особенностям создания того вида профессиональной словесности, к которой имеют отношение данные учащиеся (политологи, предприниматели, юристы, педагоги, военные и т.д.).
8. При этом должен быть кардинально пересмотрен курс *истории русской словесности*, который необходимо восстанавливать и расширять, предусматривая изучение не только «понятной и занимательной» беллетристики, но и Священного Писания как главного культурообразующего текста, жанров письменности, в том числе деловой, учебной и научной литературы, ораторской прозы и т.д. Здесь встанут две проблемы: 1) корректность отбора культурно значимых текстов и 2) подготовка преподавателя-словесника (особенно школьно-

го), знающего и способного комментировать этот состав текстов.

9. В настоящее время в вузах и школах изучается курс истории русской литературы, но, строго говоря, необходимо бы изучать историю русской словесности, понимая под словесностью не только художественную литературу (облегченную для понимания «беллетристику»), но все богатство словесной действительности того или иного исторического времени. Пока эта действительность предстает в эстетической или художественной упаковке, а необходимо представить ее во всем разнообразии форм и жанров речи. Такова, на наш взгляд, требуемая реформа в отборе материала для преподавания словесности XVII—XVIII веков, где сохранился состав авторов, изучавшихся в дореволюционной гимназии, но отсутствуют некоторые важные культуuroобразующие тексты, значительно более понятные и выразительные для восприятия учащихся.

Восстанавливаемый термин *словесность* не вступает в противоречие с традиционной филологической терминологией. В начале XIX в. было принято говорить о «словесных науках» и «филологии» как синонимах, в настоящее время «словесность» продолжает оставаться одним из основных понятий филологии. При всей близости словесности к таким наукам о речи, как риторика и стилистика, словесность более относится к изучению текстов словесных произведений, их классификации и отбору, а риторика — к построению оптимальной, эффективной речи.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Проследите динамику изменения значения термина *словесность* от начала XIX века до начала XX века.
2. Какова разница между терминами *словесность*, *литература*, *письменность*?
3. Каков приоритетный состав родов, видов и жанров словесности в преподавании русской словесности и литературы в XIX—XX веках?

4. Какова периодизация курсов словесности в истории русской словесности XIX века?
5. Каково современное понимание термина *словесность*? Каков состав родов, видов и жанров словесности развитого современного информационного общества?
6. В чем состояла реформа предмета словесности, предложенная к середине XIX века ведущими писателями и журналистами (Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский)?
7. Когда пресеклась традиция преподавания словесности? В чем состоит попытка восстановления предмета словесности? Как предмет словесности связан с классическим пониманием филологии как научного и учебного предмета?

Глава V

ОБРАЗ И ЛИЧНОСТЬ РИТОРА

§ 1. Ритор — оратор — автор

Ритором называют всякого участника речи, стремящегося убедить кого-либо в чем-либо. Слово ритор распространяется и на говорящего, и на пишущего, при этом создателя устной публичной речи обыкновенно называют оратором, а создателя письменной речи — автором. Итак, **ритор** — это речедеятель (человек, действующий в речи), или человек «общающийся».

Классические значения слова **ритор**, восходящие к античной традиции, таковы: 1) мастер красноречия, человек, действующий словом и владеющий искусством убедительной и эффективной речи; 2) учитель риторике. В древнерусских сочинениях слова **ритор, ветий (ветия)** встречаются уже с XI века. На древнерусский язык греческое слово *rhetor* переводилось чаще как **вѣтия** (корень **вѣт-** означал говорение — ср. совр. *ответ, совет, привет, завет* и мн.др.). Слова **ритор и вѣтия** имели в Древней Руси два основных значения: 1) человек, искусно действующий словом, говорящий и пишущий; 2) знаток, мудрец.

О Василии Великом, знаменитом христианском философе-проповеднике IV в. н.э., сказано в русском переводе слов Григория Богослова XIII в.: «Вети в ветях, ...философ в философех», о силе его ораторской речи: «ветийством таков, еже огнем душет». В «Пчеле», сборнике афоризмов XIII века, сказано, чем занимаются риторы: «Риторы учатся законней речи глаголати». О необходимости много писать и тщательно готовить речи сказано в описании Димостена ритора: «сь, въпросимъ, како риторикию учил, и рече: склочил масла боле вина».

В древнерусских Азбуковниках и Алфавитах XVII века находится множество толкований словам **ритор, ветий, оратор**: «**Ви-**

тия — хитрословец. **Оратор** — краснословец, еже есть ритор и вития. **Ритор** — речеточец, ведый добре и писати и глаголати» (Алфавит, XVII в.) «**Оратор** — витиа, ритор, иже знает хорошо говорить» (Лексикон вокабулам новым, нач. XVIII в.).

В самостоятельном добавлении древнерусского учителя, которое он делает в окружении писцов-учеников при создании перевода первой русской «Риторики» 1620 года, сказано: «Что есть ритор? Ритор есть его же речиточником нареци возможно есть, который бо человек зело в науце речения хитр был, а существо его таково есть, чтобы ему о такихых вещех говорити мощно, которые в делах и на градских судах по обычею и по закону господарства того, где родился, бывают пригодные и похвальные. Таковые же суть человецы сицевы бывают, будет бы что ни есть безчестнаго или славы достойнаго, богатаго или убогаго, праведнаго или нечестиваго, был бы чтоб умел разсужати и ко всякому делу подобающие слова прилагати» [Аннушкин 1999: 22]

В «Книге всекраснаго златословия» (1710 г.) грека-монаха Чудова монастыря Козмы Афоноиверского есть замечательное обращение к Богородице Пречистой Приснодеве Марии, которую он наделяет в Предисловии свойствами ритора: «Кто бо когда риторствовати возможе, яко же ты, всемилостивая госпоже моя? Кто тако может умолити неземнаго, но небеснаго гигантопобедника судию? Яко ты пучина всея мудрости, ты бо и риторствующи побеждаеши и умолчаючи пречюдно умоляеши». Предмет и цель риторики, требования к личности ритора Козма Афоноиверский выражает в следующем рассуждении: «Риторики дело есть еже обрести и глаголати ритору вся потребная, ко еже (чтобы) препрети слышателя к своей мысли. Конец (цель) — еже препрети слышателя и привлеци ко своей воли. Вещество ж и подлежащее сея суть вся видимая и невидимая, или умная в круглоконечном мире и превыше небес. Тем же ритору должно многих вещей всяких видети, слышати, чести и знати, и тако, пучину ведения в персех имея и каноны риторики храня, никогда ж в мире оскудеет благоречие» [цит. по: Аннушкин 2002: 112].

М.В. Ломоносов замечает: «речение **retor (ритор)**, которое хотя на греческом языке значит витию или красноречивого человека и в российский язык в том же знаменовании принято, однако от новейших авторов почитается за именование писателя правил риторических» [Ломоносов 1952: 91]

Как видим, в толковании слов *ритор* и *оратор* всегда присутствует дух и стиль времени, когда данные слова либо одобряются, либо не одобряются авторами, диктующими стиль времени. Подобно тому, как сами слова *язык* и *речь* испытывают двойственное толкование, подобной критике подвергаются и слова, обозначающие *ритора* — лицо, занимающееся практической речью. Зависит это часто от отношения к риторике и красноречию вообще. Так «ругателем» риторики, риторов и всякого красноречия следует назвать страстного писателя и оратора, обличителя официальной идеологии протопопа Аввакума, который не принимал «внешней мудрости» и ратовал за «просторечие», призывая «в простоте Богу угождати». Любопытно, что последователи старообрядчества, создатели в конце XVII века Выговского общежительства на севере России Андрей и Семен Денисовы, напротив, исколесили всю Россию в поисках риторического учения, а затем, собрав известные им учебники, открыли на Выгу свою словесную школу, написали «Риторику в 5 беседах» и занимались обучением риторике и искусству составления проповеднических речей. Самих учителей Денисовых называли «златоустные отцы наши риторы».

Критически оценивал слова *риторика* и *ритор* В.Г. Белинский («все риторики нелепы и пошлы»), но слово *оратор* он, несомненно, одобрял, подразумевая под этим словом мастера публичного выступления [Белинский 1955: 514]. Точно так же одобрительно звучит в 20-е годы XX столетия слово *оратор*, когда после Октябрьской социалистической революции требовалось «учить говорить весь народ». А.В. Миртов предлагал называть термином *оратор* «не только лиц, произносящих речи на больших собраниях, на митингах и т.п., но всякого, кому приходится

обращаться со словом хотя бы к небольшой группе собравшихся» [Миртов 1927: 3].

Классический термин **ритор** соединяет нас с предшествовавшей традицией речевой культуры, обогащая современную речь многообразием культурных ассоциаций. Ведь **ритор** — это и мастер речевого искусства, и теоретик науки риторики, и учитель благоречия. Для современной речевой жизни ритор — это человек, умеющий строить публичные высказывания с целью доказательства своей точки зрения. От ритора требуются соответствие нравственным нормам жизни, которые являются основой речевого искусства.

§ 2. Речь — общение — коммуникация

Филолог занимается словами. Чтобы понять, в чем состоит семантическая и стилистическая разница между терминами *речь — общение — коммуникация*, необходимо анализировать контексты, в которых они употребляются. Для этого необходимо представить, во-первых, где и когда вы встречали эти слова, т.е. найти их контекстные употребления. По употреблению в текстах можно почувствовать смысл этих слов. Во-вторых, каково их происхождение? Например, какие из этих слов исконно русские, а какие иноязычные? В-третьих, какие из них современные, а какие вошли в наш язык относительно недавно? Наконец, какие из этих слов менее, а какие более «модные» и каков характер риторического изобретения при их создании и функционировании?

Слово *речь* означает конкретное воплощение и практическую реализацию языка как средства связи между людьми. Язык реализуется в материале речи, воплощаясь в звуки, слова, предложения. Речь — наиболее старое слово, выражающее языковую способность человека. Неслучайно в древнерусском языке слова *речь*, *речение* означали и «слово», и сам речевой процесс.

Слово *общение* — русское слово, обозначающее связь, контактирование людей, пользующихся речью. Это слово не может не быть привлекательным, потому что фиксирует внимание на

объединении людей с помощью слова — в нем слышатся другие однокоренные слова: «общий», «община», «общность». Именно этим значением «общности», «единства», «соборности» слово *общение* привлекло философов и лингвистов в XX веке, когда оно стало особенно популярным. Словом *общение* мы стремимся подчеркнуть возможность реализовать в речи эффективный, результативный, гармонизирующий человеческие отношения контакт. Смысл риторики как науки многие современные ученые и педагоги связывают именно со словом *общение*: так, наукой об общении называют риторiku авторы учебного комплекса для 8 класса под руководством Т.А. Ладыженской [Риторика: 8 класс]. Согласно концепции авторов учебника, риторика состоит из двух частей: «общение, жанры». Очевидно, что часть 1-я соответствует традиционной общей риторике, а часть 2-я — частной риторике, но обе изучают правила общения, а школьники должны учиться «успешно общаться» [Риторика: 8 класс: 2].

Слово *коммуникация* вошло в русский язык в XVIII веке, хотя латинское слово *communicatio* было известно в учебниках риторики с начала XVII века. Латинское *communicatio* также означает связь, контакт, правда, для русского языкового вкуса это слово, конечно, иноземное. Виды связей-«коммуникаций» настолько различны, что в современном русском языке находится очень много прилагательных для обозначения всякого рода коммуникаций: железнодорожные, подземные, воздушные, и, конечно, межчеловеческие, речевые коммуникации... Употребляя слово «коммуникация», мы, конечно, не можем не чувствовать его некоторой чужестранности, но русский язык (как и русский человек) не боится нововведений и легко осваивает такие вначале «модные» (для 60–70-х годов), а теперь ставшие традиционными термины.

§ 3. Личность человека и его речевые поступки

Личность — индивидуальное воплощение (единство) тела, души и духа человека. Личность конкретна и своеобразна, ибо

каждый человек отличается от другого не только внешностью (строение тела, черты лица), но и внутренними свойствами характера, темперамента, воли, энергии, свойствами ума, душевными стремлениями, своеобразием чувств. Русская духовная философия говорит о том, что всякий человек — личность, воспитываемая постоянной работой над совершенствованием как тела (его красоты, силы, ловкости, выносливости), так и духа (нравственной целостности, сердечной чистоты, совестливости, воспитанности, образованности и других многочисленных качеств).

Важно, чтобы самоощущение личности было цельным, гармоничным, когда одни поступки человека не противоречат другим, мысли — в порядке, знания — полны и систематичны, чувства — ясны и устойчивы. Личность человека проявляется в поступках, а все существенные поступки человека связаны с речью. Поэтому сказать о том, каков человек и его личность, можно только проанализировав его мысли и слова.

Заслуга открытия в человеке личности принадлежит христианству. До христианства существует лишь некое высшее «безличное сознание, или некая сила, связывающая вселенную воедино» [Алексий II 1999: 3]. Христианство увидело в человеке «уникальную индивидуальность, неистребимый никакими испытаниями и унижениями образ Божий» [Там же: 5]. Этот образ Божий растворен в каждом человеке, и цель образования следует видеть в том, чтобы усовершенствовать образ всякого человека. Этот образ (вид, облик) сияет в каждом человеке стремлением к совершенству, ибо сказано: «будьте совершенны, как совершенен Отец Наш Небесный».

Риторическая идея «свое-образия» каждого человека прослеживается уже в «Поучении детям моим» Владимира Мономаха, когда он пишет: «Велий еси, Господи, и чудна дела Твоя, никак же разум человеческий не может исповедати чудес и доброт Твоих, устроенных на сем свете: како небо устроено, како ли солнце... И сему чуду дивуемся, как от персти созда человека, како *образы различны в человеческих лицах*, аще (если) и весь мир совокупить, не вси в один образ, но *каждый своим лик образом*».

§ 4. Образ ратора

Личность человека проявляется прежде всего в речи. Каков человек, такова и его речь. Проявление человека в речи и составляет образ ратора. Образ ратора есть сознательно выстраиваемая совокупность внешних и внутренних характеристик говорящего или пишущего (участника речи).

Первый толчок для размышления о том, как выстраивать образ ратора, дает суждение Аристотеля: «Для того, чтобы убедить кого-либо в чем-либо, надо показать себя человеком известного склада» [Аристотель 1978: 19]. Нет ли в словах «показать себя» какого-либо обмана в отношении аудитории или собеседников? И почему мы говорим об облике, «маске»? Разве это хорошо: «быть в маске»? Как мы выяснили выше, возможность такого «обмана» присутствует в любой речи, но для этого-то и необходимы этические основы риторики (быть прежде всего честным человеком), для этого-то и предписывается каждому речедеятелю осторожность и внимание в восприятии речи (слушании и чтении), умное «речеделание» в создании речи (говорении и письме).

Термин *образ ратора* введен в русскую науку, скорее всего, В.В. Виноградовым в работе «О языке художественной прозы» 1930 года. Анализируя историю русской риторики и поэтики, В.В. Виноградов проводит аналогию между *образом оратора* в публичной речи и *образом автора* в художественной литературе: «Проблема красноречия связывается с структурой образа оратора-автора как страстно чувствующего и благородно мыслящего «субъекта» [Виноградов 1980: 103]. В.В. Виноградов отмечает, что построение образа оратора похоже на создание актером определенной «маски», а подготовка речи и ее исполнение, несмотря на всю страстность и вдохновение, с которыми выступают иные ораторы, — процесс сознательный, требующий искусства создания образа ратора.

Риторика накопила в вопросах воспитания и формирования ратора много полезных советов и рекомендаций. Прежде всего,

ритор должен показать себя человеком, достойным доверия и уважения аудитории (то, что в античности называли *vir bonus* — человек добродетельный). Как этого добиться? Прежде всего надо **быть** таким человеком, но, конечно, нужны знания, опыт, умение, чтобы утверждать свои взгляды, свое право на собственное мнение...

В понятие *образ риторы* входит комплекс речевых средств, воплощенных в содержании, композиции, выборе слов, характере произношения (интонации, ритме и темпе, тембрах голоса) для устной речи и характере письма (например, почерка или шрифтов) для письменной или печатной речи. Установить, какой образ создает тот или иной речедеятель, трудно, поскольку воспринимающему речь подчас попросту не хватает искусства определить, какими приемами, методами, способами, «уловками» пользуется опытный оратор для того, чтобы достичь своей цели. Тем не менее риторические правила диалога рекомендуют всякому слушателю или читателю распознавать за речью — «человека» («человек скрыт за его словами»). Иначе говоря, за конкретным образом риторы всегда кроется личность — та внутренняя основа, на которой зиждется речевое поведение.

Всякий говорящий воспринимается в определенном сегодняшнем образе. Всякий говорящий может быть рассмотрен как человек, производящий последовательную совокупность речей. К этой совокупности речей предъявляется требование непротиворечивости суждений — в ином случае делается отрицательный вывод о личности говорящего.

Личность риторы «многообразна», то есть конкретных проявлений личности может быть множество в разных речевых поступках. Но к этой «многообразности» предъявляется требование целостности личности, которая остается единой во множестве проявлений. Так, каждый человек меняет костюм, бывает в разном настроении, участвует в разных видах речи (в семье, в деловом диалоге, учебной лекции, политической, судебной речи), но совокупность его речей предполагает разносторонность и богатство содержания его высказываний. Общество (или конкретные слу-

шатели) отрицательно оценивают человека или его личность в том случае, если его высказывания не соответствуют истине или сегодняшние высказывания противоречат предыдущим. Фольклорные правила оценивают такую противоречивость в содержании речи множеством афоризмов: «Начал за здоровье, кончил за упокой», «Сегодня — одно, завтра — другое» и т.д.

§ 5. Оратор — образ оратора — актер

«Образ оратора — не то же самое, что оратор, — пишет Ю.В. Рождественский, — а то, как оратор представляет себя аудитории. В отличие от актера, который представляет публике воображаемый персонаж, ориентированный на тип человека (страстный, несчастный, злой, добрый и т.д.) в определенных, также воображаемых положениях, оратор должен представлять себя «по правде», т.е. исходя из реальных обстоятельств, а не воображаемых. Это первое условие понимаемости оратора как человека. Вторым условием является то, что оратор в любой своей речи должен быть самим собой, т.е. держаться в принципе одних и тех же взглядов» [Рождественский 1999: 134—135]. Итак, говорящему приходится именно представлять себя аудитории, создавая своего рода «маску», или образ. В этом создании заключено своего рода искусство, и важно, насколько такое создание образа оратора соотносено с реальной этикой поведения, жизненной позицией говорящего.

Представление происходит в реальных обстоятельствах. Прежде всего оратор должен добиваться доверия аудитории. А доверяем мы обычно людям надежным. Надежным является человек, однородный в своем нравственном выборе, внешнем облике и характере общения с аудиторией. Оратор ведет себя последовательно в разных обстоятельствах. Увидев оратора, аудитория ожидает уже от него определенных суждений, мыслей — и это гарантия надежности данного человека.

Другая опасность, подстерегающая оратора — актерство. Оратор — не актер, потому что оратор действует в реальных обстоя-

тельстввах, а актер — в воображаемых. Оратор не имеет права менять своих воззрений, он нравственно и идейно должен быть единообразен. Актер в каждой своей роли предстает в новом образе, он играет новых людей, которые сегодня мыслят и чувствуют как герои, а завтра — думают и действуют, как злодеи. Реальность ораторского противостояния требует от оратора выразительного действия.

Таким образом, оратор действует в реальных обстоятельствах, актер — играет в воображаемых обстоятельствах. Оратор реален, актер — воображаем. Как вы будете относиться к человеку, который с вами «играет»?

Таким образом, природа обоих искусств — риторики и театра — различна. Правда, актер должен действовать так, будто он живет в реальных обстоятельствах, поэтому классические режиссеры требуют от актеров «жить» обстоятельствами роли, «действовать» по законам реального поведения. И ораторам есть чему поучиться у мастеров театрального искусства. Некоторых ораторов (политиков, судей, учителей) также сравнивают с артистами, но это не более чем сравнение — природу каждого вида творчества надо понимать различно.

Опасность «актерства» необходимо ясно предощущать в риторическом обучении, поскольку произносить речи иногда приходится в условных обстоятельствах. Тем не менее всегда необходимо пытаться сохранить свое «я», защищать и отстаивать свою личную, а не выдуманную позицию, не сбиваться на ложный пафос, не пользоваться искусственными приемами, характерными для некоего «ораторского» стиля. Соблюдение меры и вкуса — одно из необходимых свойств ратора.

§ 6. Внешний вид — мимика и жесты

В одной из риторик пушкинского времени внешность оратора справедливо названа «телесным витийством». Действительно, когда мы встречаем какого-либо человека, то вначале оцениваем его внешний вид, поскольку костюм, мимика и жесты, плас-

тика оратора говорят иногда выразительнее всяких слов. Все это «знаки» человека, свидетельствующие о его привычках, взглядах на жизнь, поведении и отношении к другим людям.

Портрет каждого человека может быть описан по его внешним или физическим данным: так, можно говорить о том, что у каждого человека есть определенный рост, своеобразная фигура, лицо. Поэтому говорят, что от природы кого-то наградила судьба «красотой», «здоровьем» и т.д. Но, зная свои природные данные, каждый человек способен усовершенствовать свою природу, занимаясь самовоспитанием и образованием.

В народе говорят: «встречают по одежке...» Это значит, что первая оценка человека связана с его внешним видом. Как вы думаете, какие требования предъявляются к внешнему виду человека?

Очевидно, что это — удобство одежды, красота, аккуратность. Удобство — это соответствие костюма обстоятельствам деятельности человека, но оно не должно противоречить уместности данного костюма. Например, в шортах «удобно» было бы ходить в жаркую погоду, однако появиться в «серьезном» месте было бы неудобно. Красота в одежде — необходимое ее свойство, но нельзя и злоупотреблять стремлением к моде и претенциозностью нарядов. Одним словом, одежда в каждом случае должна быть прежде всего уместна, то есть соответствовать месту и времени, характеру собеседников, общей ситуации общения.

Особо следует сказать о мимике и жестах. Мимикой называют движение лица с целью выражения мыслей и чувств. Игра красок лица бывает подчас красноречивее всяких слов. Не зря говорят: «глаза — зеркало души». В общении чрезвычайно важен глазной контакт с аудиторией или с тем человеком, с которым вы говорите. Считается непочтительным говорить отвернувшись, не глядя в глаза; одновременно и слишком назойливый взгляд считается неудобным для собеседника.

Необходимо иметь в виду, что этикет каждого народа своеобразен: в японской культуре, например, считается невежливым слушать начальника или старшего глядя ему в глаза — требуется

почтительно опустить «очи долу»; итальянцы же или французы, напротив, считают проявлением невнимания отведение взгляда. В русской культуре взгляд должен быть по «уместности»: и внимательным, и ненавязчивым: нельзя и слишком внимательно смотреть в глаза («пялить глаза»), но нельзя и смотреть в разговоре с собеседником в сторону. Поскольку общение — искусство, требуется ощущать, какую степень внимания необходимо оказать каждой аудитории или собеседнику.

Жестикуляция связана с телесным движением: кивок головы, недоуменное пожатие плеч, взмах руки, покачивание ногой — возможности выражения смысла и отношений с помощью движений нашего тела бесконечны. Однако и они принципиально исчислимы. Важно понимать, что восприятие человека говорящего начинается с его «телесного» языка. Телесный облик часто бывает выразительнее всяких слов: если оратор вышел выступать, ему рекомендуется быть уверенным в себе, подтянутым, строгим; если оратор не знает, о чем говорить, то скованы и движения, руки и ноги не слушаются. Всякий жест должен быть оправдан, соответствовать мысли и настроению. Выдуманный, неестественный, случайный жест может вызвать не только отвлечение внимания, но и раздражение, недовольство, смех, так что неумелый жест хуже неумелого слова.

§ 7. Оценка личности: этическая, интеллектуальная, эстетическая

Оценка речи человека в восприятии его образа оратора происходит с разных сторон. Из них прежде всего можно выделить оценку *нравственно-этическую*. Доверие аудитории возможно, если она считает, что перед ней человек честный и справедливый. Аудитория должна ответить на вопрос, как она воспринимает данного оратора: хорош он или плох? К «хорошему» человеку испытывают доверие, к «нехорошему» — недоверие. Оратор ищет пути к сердцам своих слушателей, находя с ними общность мыслей и взглядов. Однако не исключено, что какая-то сторона

может придерживаться ложных взглядов или интересов. Тогда оратору приходится защищать свою позицию, иногда расплачиваясь головой за несовпадение со взглядами аудитории.

Интеллектуальная оценка связывается с богатством мыслей оратора или писателя, его образованностью, способностью аргументировать, рассуждать и находить мыслительные ходы. Интеллект говорит о знании оратором предмета речи.

Эстетическая оценка связана с отношением к исполнению речи: ясности и изяществу выражаемых мыслей, красоте звучания, оригинальности в подборе слов. Бывает, что одна и та же мысль выраженная просто и банально, никого не заинтересует, но, оформленная в изящную словесную словоформу, распространенная в нужных и занимательных словах, эта же мысль вдруг заиграет яркими красками... Бывает и так, что слишком распространенная мысль, закрученная в «неудобь познаваемых словах», напротив, отторгает, а выраженная просто и кратко, вызывает одобрение. Простые, выразительные, изящные слова и звуки вызывают положительное эстетическое восприятие.

§ 8. Единство образа ратора: неизменность позиции при новизне мыслей

Начиная речь, оратор должен определить прежде всего свою нравственно-философскую и профессиональную позицию. Если у человека нет позиции по какому-то вопросу, то его считают бесхарактерным, или, как говорят в народе, «бесхребетным», — взгляды такого человека можно повернуть в любую сторону. Целостность своего характера, избранную жизненную позицию ратор отстаивает всю жизнь. Изменение позиции вызывает недоверие и сомнение относительно честности человека и способности отстаивать свои взгляды.

Итак, уже в юности приходится ответить на вопрос: какую позицию по тому или иному вопросу я выбираю? какие темы, идеи, взгляды я собираюсь защищать? Затем следует решить: что я по этому поводу (избранной теме) могу сказать? Наконец, пос-

ле высказывания и его оценки слушателями происходит проверка правильности суждений человека.

При неизменности взглядов к риторике как человеку, выступающему с речью, предъявляется требование новизны и привлекательности идей. Слушатели воспринимают каждого человека определенным образом, ожидая от него высказываний известного рода: так, мы знаем и чувствуем, что и от кого можно ожидать... В то же время наше общение потеряло бы смысл, если бы мы не хотели получить в наших контактах с другими людьми чего-то нового, неожиданного, обогащающего нас новыми знаниями и опытом.

Если вы проверите это положение вашим личным опытом, то поймете, что от каждого человека, с которым вы вступаете в контакт, вы желаете получить что-то новое, в то же время он не должен изменять своей принципиальной позиции в жизни, своего принципиального отношения к вам. Значит, требуются **неизменность взглядов при новизне идей, мыслей, слов**, то есть единство образа оратора при многообразии и разносторонности его конкретных проявлений в человеческих отношениях.

§ 9. Ораторские нравы

В риторике всегда обсуждался вопрос: каким человеком надо быть, чтобы уметь доказать что-либо? Иначе говоря, какими качествами должен обладать оратор, воздействующий на аудиторию не просто словом, но и всем своим обликом? Ведь о каждом говорящем можно сказать, что у него есть определенный характер, качества личности, нравственные достоинства или недостатки. Все эти требования объединялись понятием *ораторские нравы*, ибо само слово «нрав» изначально понималось как характер, душевные качества, внутреннее свойство человека.

В каждую историческую эпоху ценятся разные качества людей в зависимости от идеологии этой эпохи, стиля жизни. Так, в античных риториках перечислялись следующие достоинства людей: справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, вели-

кодушие, бескорыстие, кротость, рассудительность, мудрость (Аристотель, «Риторика»). Эти достоинства определялись как части добродетели, а сама добродетель как свойство человека — «способность оказывать благодеяния, ...которые полезны для других».

Зарождение христианства связано с новыми требованиями к человеку, предполагающими в нем на основе веры в Бога смиренномудрие, кротость, скромность, терпение, трудолюбие, милосердие, послушание, внимание к бедам и переживаниям других людей, способность принять другого человека как самого себя, отчего всякий человек назывался «ближним».

Очевидно, что не только исторические эпохи, но и конкретные профессии требуют от людей конкретных свойств: от воина — мужества, силы духа, верности данному слову (присяге), способности переносить трудности; от ученого — последовательного и кропотливого труда, стремления к истине и постоянного накопления знания, сосредоточенности, усидчивости, аккуратности; от политика — честности и бескорыстия, служения общему, а не личному благу, политической воли и энергии.

Ораторские нравы определяются А.А. Волковым как «этические требования, предъявляемые обществом любому ратору независимо от его убеждений и дающие в этом качестве принципиальное право на речь» [Волков 2001: 74]. Русские классические риторы, как справедливо пишет А.А. Волков, не разрабатывали вопросы риторического этоса, поскольку русское общество придерживалось единых духовно-нравственных принципов. «В наше время вопросы риторического этоса занимают ведущее место в организации речевых отношений в обществе, поскольку этическая составляющая образа ратора оказывается определяющей» [Волков 2001: 74]. С этим нельзя не согласиться, потому что идеологические и нравственные устремления русского общества на протяжении XX века значительно менялись, т.е. менялся состав общих мест как единых нравственных, этических категорий, которыми руководствовались в своих взглядах и поведении люди. Современное общество массовой информации также под-

вержено неустойчивым переходам от одной идеологии к другой, поэтому необходимо говорить о важности духовной морали, объединяющей общество и живущих в нем людей едиными принципами морали, идеологии, культурных запретов. Желательно, чтобы такое формирование протекало в рамках классической национальной традиции, имеющей глубокие исторические корни в отношении требований к образу человека.

А.А. Волков называет следующие качества ратора: честность, скромность, доброжелательность, предусмотрительность [Волков 2001: 75 о б щ е н и е 76]. Очевидно, что это далеко не все характеристики, которыми можно было бы нарисовать образ идеального ратора. Попытки создавать такой портрет идеального ратора в перечне характеристик могут состоять в том, что «положительные» качества человека исчисляются сотней и более характеристик. Очень важно не только название, но и реальные объяснения того, что стоит за словами, характеризующими речевое поведение. Всякому конкретному речедеятелю требуется определить собственные идеалы: с одной стороны, они должны вписываться в рамки общественно-национальной традиции, с другой стороны, каждый ритор несет в себе индивидуальное начало, связанное с творческой новизной собственного облика.

§ 10. Этические и речевые требования к профессиональному оратору

Опыт общей риторики будет любопытно сопоставить с конкретным анализом какой-либо речевой профессии, например, политика или дипломата. Поскольку любой современный человек так или иначе втянут в вопросы политической жизни внутри страны, ему неминуемо приходится давать оценки тем или иным ораторам, их речевым поступкам. Кроме того, такое метафорическое проецирование различных профессий на самих себя заставляет нас представлять себя в той или иной ситуации то «политиком», то «дипломатом», то «судьей», то «учителем» и т.д. В некотором смысле правы теоретики каждой из перечисленных профессий,

когда пишут, что каждому из нас приходится вести «политическую» борьбу, участвовать в «переговорах», «судить» или «учить».

Неслучайно мысли дипломата и политика А.Н. Ковалева относительно требований к профессиональным качествам совпали с приведенными выше общериторическими суждениями: «Осмотрительность и способность вызывать, поддерживать доверие — вот, пожалуй, наиболее важные из них» [Ковалев 1975: 157]. И далее — «риторическое» продолжение: «Доверие вызывает тот дипломат, чье слово авторитетно, чей стиль поведения как бы сам собой вписывается в общие контуры взаимоотношений данных государств».

Над проблемой «авторитетности слова» стоит глубоко поразмыслить, ибо вера словам собеседника, как и сама способность быть убедительным, связана только опосредованно с качествами красноречия. Стоит задуматься над феноменом некоторых политических деятелей (например, А.Д. Сахаров), чья позиция и чье слово были исключительно авторитетны при отсутствии внешнего красноречия. Значит, вопрос глубже и сложнее: как вызвать доверие (ведь слово — только цель для этого)? Каким человеком «предстать»? Как сознательно формировать в себе некоторые профессиональные качества, способные дать прежде всего моральный авторитет, а не просто внешний (словесный также) блеск?

Мы невольно приближаемся к проблеме этического и нравственного облика политика, который непосредственно связан с «образом оратора». Всякие рассуждения о красноречии без связи с этикой и нравственной философией превращаются либо в красивые разговоры, либо в «обманную» науку о внешней словесной красоте при отсутствии нравственного фундамента, который представляет собой основу для возникающего контакта и доверия к оратору. Если заняться анализом «образа оратора» в политике, его нельзя не начать с этики политического деятеля или его общечеловеческих и профессиональных качеств. Но на эту тему написано уже довольно много, и встает вопрос: может ли филология добавить что-либо принципиально новое к имеющимся описаниям?

Прежде всего, опыт риторического воспитания говорит о том, что грамотное практическое формирование оратора-профессионала связано с *имитацией* (*imitatio* — традиционный раздел в классических риториках), анализом *образцов риторического поведения, размышлением над качествами личности оратора* (требованиями этическими и речевыми), погружением при изучении *в стиль описания*. При попытках такого анализа мы как бы следуем путем классической риторики (см. диалог Цицерона «Оратор», восходящий к идеалистической концепции Платона), когда последовательный анализ образцовых качеств позволяет приближаться к некоему «идеалу» оратора. Подобно тому, как Цицерон называет себя бессильным нарисовать образ идеального оратора, при описании качеств политика классические и современные теории представляют свои концепции, справедливо утверждая, что конечный образ «идеального» политика нарисовать невозможно.

Тем не менее научно и педагогически целесообразно: 1) пытаться дать перечень таких качеств или требований к политику и дипломату; 2) пытаться развернуть эти качества в точных и ярких определениях; 3) представить примерами образцы деятельности (исторические прецеденты); 4) накапливать *стили* описания (стилем называется историческое и индивидуально-авторское своеобразие в манере повествования или изложения материала). Итак, от самого краткого сухого перечня качеств, который каждый профессионал может отбирать и формулировать самостоятельно, необходимо подниматься к последовательному и постоянному размышлению над *образцами и стилями* политической и дипломатической деятельности. Забегая вперед, скажем о том, что требование «иметь свой стиль» представляется одним из основных для любого ратора. Впрочем, расширенно толкуя его, скажем, что «стиль» — неперенное качество и педагога, и политика, и предпринимателя, после чего невольно вспоминается обобщающий афоризм Бюффона: «Человек — это стиль».

Поскольку «красноречие состоит в мыслях и словах», всякое описание зиждется на этих основных компонентах стиля. Напри-

мер, важно не только зафиксировать «мысленно» качества риторика, но описать их в точных и умелых выражениях, которые представляют привлекательность любого описания. В описаниях качеств риторика — профессионала или, выражаясь словами Аристотеля, каким человеком должно «предстать», чтобы быть «убедительным», мы увидим две группы характеристик: нравственно-этические и речевые.

Характеристики первой группы, безусловно, лежат в основе описания подобно тому, как Цицерон в основу образования оратора кладет философию и этику. Но нравственно-этические характеристики незримо выстраивают и образ речи, как увидим из предлагаемого комментария.

Обратимся к классическому описанию качеств дипломата, принадлежащему французскому дипломату XVII века Фердинанду де Кальеру. Размышление над такими описаниями позволяет сделать проекцию на собственную личность и речевое поведение. Вот эти требования:

- 1) «внимательный и прилежный ум, не позволяющий себе отвлекаться удовольствиями или фривольными забавами» («внимательность» и «прилежность» рисуют в воображении не только особый тип личности, но и особый характер речи);
- 2) «здоровый смысл, отчетливо воспринимающий вещи такими, как они есть» (умение слушать и правильно оценивать собеседников, обстановку — основа диалогической речи), идущий к цели самыми короткими и естественными путями, не вдаваясь в тонкости и ненужные ухищрения, которые обычно отталкивают тех, с кем ведешь переговоры (речь идет об оптимальности в достижении цели и уместности как главном качестве речи);
- 3) «проницательность, позволяющая угадывать, что происходит в сердцах людей, и умение учесть малейшее движение лица и другие признаки страстей, проявляющиеся подчас у самых скрытных людей» (традиционный риторический совет — быть внимательным к аудитории, по словам А.П. Чехова, «зорко следить и не упускать поля зрения», другая рекомендация

касается «страстей», управление которыми является центром риторики);

- 4) «ум, скорый на выдумки, способный сгладить встречающиеся затруднения и примирить интересы, составляющие предмет переговоров» (положение, прямо ассоциируемое с изобретением — основным разделом классической и современной риторики, разрабатывающим вопросы замысла, содержания «идей» предстоящей речи);
- 5) «присутствие духа, необходимое, чтобы ответить кстати на непредвиденные вопросы и осторожными репликами избежать рискованного шага» (ритору предписывается владение собой, самоуправление, психофизическая подготовка как основа для владения и руководства диалогом);
- 6) «ровный характер, спокойная и терпеливая натура, всегдашняя готовность выслушать внимательно того, с кем имеешь дело (кроме того, что ровность, спокойствие и терпение создают тип внимательной, последовательной речи, здесь повторен основной закон диалога — умение слушать);
- 7) «всегда открытый подход к человеку, мягкость, учтивость, приятность общения, непринужденная и располагающая манера, которая очень помогает снискать расположение тех, с кем имеешь дело...» (каждое из перечисленных качеств называется как бы исходную позицию говорящего, кроме того, что обращает к характеру дипломатического общения и манере речи, помогающей добиться благоприятного результата);
- 8) «особенно необходимо, чтобы дипломат достаточно хорошо владел собой и умел противостоять неудержимой потребности заговорить раньше, чем он основательно продумал то, что собирается сказать; чтобы он не торопился ответить тотчас же, не подумав, на сделанные ему предложения...» (психологическое владение собой необходимо для выполнения одного из главных правил речи: тщательной подготовки любого высказывания — необдуманная речь подвергается осуждению).

Указанные качества могут быть записаны в виде перечня требований к образу дипломата (естественно, это будут требования

по Кальеру, которые можно соотнести с исторически более поздними суждениями): внимательность, прилежание, здравый смысл, проницательность, скорый на выдумки ум (изобретательность), присутствие духа, ровный характер, спокойствие, терпение, готовность и умение выслушать, открытость, мягкость, учтивость, приятность общения, располагающая манера, владение собой, продуманность речи. Каждое из этих качеств, соотносясь с соседними, может быть описано в синонимических определениях, может быть распространено и подкреплено примерами конкретной деятельности не только политиков и дипломатов. Подобный анализ с выяснением качеств речи может прodelьваться применительно ко всем профессиям.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте точное определение слов *ритор*, *оратор*, *автор*. Сравните ваши определения с определениями классических теоретиков риторики.
2. Вы изучили слова *речь* — *общение* — *коммуникация*. Какие из этих слов являются исконно русскими / иностранными, старинными / новыми?
3. Что такое *личность*? Как личность человека проявляется в его речи и речевом поведении?
4. Что такое *образ ратора*? Как риторический образ связан с этикой поведения?
5. Как вы понимаете выражение «быть человеком известного склада»?
6. В чем разница между *оратором* и *актером*, *ораторикой* и *театральным искусством*?
7. В каких положительных и отрицательных смыслах можно понимать слова: «*игра*», «*артист*»?
8. Опишите костюм, внешний вид понравившегося вам человека. Опишите чей-либо внешний портрет, не называя имени человека. Пусть ваши товарищи догадаются, о ком идет речь.
9. Что такое *миимика*? Что значит выразительная миимика? Как наши чувства выражаются в наших лицах? Попробуйте опи-

сать какое-либо чувство (радость, удивление, печаль, недо-
вольство, надежду, восторг).

10. Что такое *жестикуляция*? Можно ли говорить одними жеста-
ми? Насколько требуется активная жестикуляция хорошему
оратору?
11. Какое содержание можно вложить в понятие «телесное дви-
жение», «пластика движения»? Что значит «быть пластич-
ным»?
12. Что такое *ораторские нравы*? Какие требования предъявля-
ются к классическому оратору? Какие качества вы цените в
людях?
13. Найдите в современной литературе (прессе) описание порт-
рета ученого, педагога, политика, предпринимателя (челове-
ка вашей профессии). Какие качества личности, ораторские
нравы, качества речи (речевой портрет) выделяются в таком
описании?

Глава VI

ИЗОБРЕТЕНИЕ

§ 1. Изобретение идей и риторическая аргументация

Процесс создания мыслей и слов называется в риторике **изобретением**. Изобретение идей является центром риторики, поскольку главным в убеждении является способность развернуть доказательство, найдя уместное содержание, нужные аргументы и стиль общения с адресатом речи. Слушатели и читатели оценивают умение думать, знание предмета, новизну разработки темы. Поэтому так ценится в риторике творческая, своеобразная, яркая, действенная мысль, зафиксированная в слове.

Термин **изобретение** (*inventio*) впервые встречается в античной риторике и означает нахождение, обретение мыслей и идей, которые должны быть представлены в речи. Первая задача ратора — найти *что сказать*. Принципиальным становится вопрос: имеется ли какая-либо технология (искусство) нахождения и изобретения идей или же пришедшая мысль есть результат некоторого вдохновения, которое нисходит на создателя речи свыше, и поэтому невозможно дать никаких искусственных рекомендаций? Опыт показывает, что создаваемое содержание речи есть результат обоих процессов: и технического искусства в поиске и развитии содержания речи, и энергетического настроя, вдохновения, волевого усилия, которыми сопровождается рождение всякой мысли.

«Найти и выбрать, что сказать, — великое дело: это — как бы душа в теле; но это забота, скорее, здравого смысла, чем красноречия, а в каком деле можно обойтись без здравого смысла? Конечно, оратор, в котором мы ищем совершенства, будет знать, откуда извлечь основания и доводы» [Цицерон 1972: 340]. Цицерон ссылается на Аристотеля, который указал «места» — «приметы тех доводов, на основе которых можно развивать речь и за и

против». При этом оратору рекомендуется выбирать «удобные» для него и скрывать невыгодные аргументы. Эта разборчивость оратора при выборе средств — доводов, развитых из одних и тех же мест, характеризует оратора как человека думающего, а не «бездумного», и речь будет тем плодотворнее, чем более ораторское дарование возделывается науками.

Содержание убедительной и действенной речи основывается на аргументах, которые принимает аудитория. Эти аргументы воплощены в системе общих мест — основных ценностных морально-этических, образовательных, профессиональных категориях (понятиях, суждениях, умозаключениях), относительно которых оратор добивается согласия с мнением аудитории.

Создателю речи приходится считаться с тем, что каждая аудитория имеет свой состав общих мест. Например, и оратор и аудитория несомненно исходят из того, что *любовь* в ее общем понимании есть безусловное благо, поэтому, в сущности, любая аудитория примет тезис относительно необходимости установления между людьми отношений симпатии, доброжелательства, благорасположения друг к другу (это общее место, с которым все согласны). Таким же общим местом является *знание*, потому что знание для всех является благом, позволяющим не совершать ошибок.

Однако если оратор начнет конкретизировать и уточнять избранные им понятия любви и знания, современная речевая практика обнаружит множество противоречий в толковании этих основополагающих понятий, поскольку разные люди подходят с разными толкованиями и опираются на свое понимание и толкование общих мест. Так, любовь может иметь духовное, христианское истолкование, предполагающее равное благорасположение ко всем людям, развитие в человеке чувств смирения, кротости, милости, видение в каждом человеке образа Божия (личности с ее своеобразным духовным и телесным складом). Любовь в образе, предлагаемом современными СМИ или большинством популярных газет, показывает по преимуществу телесную, страстную сторону человеческих взаимоотношений. Ю.В. Рождествен-

ский назвал такие идеологические, содержательные разногласия «культурными противоречиями», поскольку каждая концепция взглядов основывается на определенном культурном опыте [Рождественский 2000: 32].

Подобным общим местом, имеющим в разных идеологических течениях противоположные толкования, является понятие *демократия*. Для достижения согласия в обществе (а это всегда согласие общающихся сторон) необходимо установление точного смысла слов, не искаженного сиюминутными, частными интересами. Поскольку сиюминутный интерес, как правило, присутствует в любой политической или деловой речи, риторическая практика устанавливает некоторые законы общения, согласно которым стороны должны придерживаться определенных правил общественной дискуссии.

То же самое можно сказать о *знании*: знание развивает мыслительную способность человека, однако культурное противоречие состоит в том, какое знание сегодня желательно для человека. Всякий образ, вошедший в сознание воспринимающего речь человека, рождает определенный помысл, поэтому не всякое знание желательно (процессом познания трудно управлять, если потоки информации становятся «неуправляемыми» — ср.: современный ребенок или подросток могут в некоторых семьях часами просиживать у телевизора и впитывать любую информацию, в том числе, нежелательную для их возраста, психики, сознания). Духовная этика речи справедливо не рекомендует определенное знание. О содержании школьного знания идут споры в обществе, поскольку знание предлагает определенные социальные ценности.

Технический процесс изобретения риторических аргументов можно описать терминологически — попробуем это сделать.

§ 2. Тема — тезис — аргументация — доказательство

Изобретение речи начинается с выбора темы. **Тема** — это то, чем говорится в речи. Тема может формулироваться одним словом или словесным комплексом, например: «счастье», «спорт»,

«красота», «учеба», «мода», «деловая Россия», «игра сборной России по футболу», «отчет о работе» и т.д. Всякий человек, начинающий речевой контакт, определяет тему как некоторый состав ключевых понятий, вокруг которых предполагается развернуть общение. Начальный выбор темы для бытового разговора, деловой беседы или политической дискуссии — существенный вопрос. Сам выбор темы уже становится аргументом в пользу ратора.

Тема обычно подсказывается ситуацией общения и жанром речи. В начале речи говорящему рекомендуется привлечь внимание слушающего и расположить его к восприятию речи. Поскольку «нет ничего скучнее банальных истин», всякий ритор, иницируя общение, стремится, с одной стороны, действовать нормативно и уместно, с другой — предлагать новую информацию, захватывающую внимание аудитории. Эта балансировка между обычностью и необычностью информации, опорой на общие места и стремлением ввести новые элементы проверяется категорией уместности. Инициатор общения должен вполне осознавать, что всякое несоответствие предложенной темы ситуации или характеру собеседника (аудитории) приводит к внутреннему недовольству получателей речи, которые явно или скрытно осуждают, критикуют, иронизируют над создателем речи, попавшим, что называется, «не в тему».

В то же время выбор темы — вопрос творческий. Так, нередко в начале речи оратор делает умышленные неожиданные отступления, приводит примеры, казалось бы, не вполне связанные с генеральной заявленной темой речи. Этот прием позволяет сразу пробудить «сонное» внимание аудитории, особенно если применяется со ссылкой на конкретные происшествия, обстоятельства, связанные с интересами аудитории. Публика при этом предвкушает, что оратор обратится к теме, которая ожидается в связи с предполагаемой программой. Искусство ратора состоит в том, чтобы не задерживаться долго на конкретном примере или отступлении, а связать тему отступления с ожидавшейся темой. Длительное отступление от темы вызывает раздражение.

Пример: начиная доклад о культуре речи, оратор рассказывает о том, как он «сегодня утром ехал в маршрутном такси, и вот какие диалоги там случились...».

Такие конкретные отступления как бы прощупывают сегодняшней настрой аудитории, позволяют оратору показать свое отношение к теме. Мастерство ратора состоит в варьировании темами и смысловых переходах, неожиданных для слушателей и активизирующих их внимание. Общим требованием остается требование уместности и соответствия темы ситуации, жанру и характеру аудитории.

Определив тему, ритор готовит **утверждение** или решает, **что** он может сказать по данной теме, то есть переходит от темы к некоторому **положению**, которое всегда есть **сопряжение идей**.

Описанный процесс порождения высказывания имеет в этике речи следующее терминологическое объяснение: тема (терм) — это **помысл**, пришедший в сознание возможного инициатора речи. Помысл требует **примышления**, т.е. соединения с последующей мыслью. Примышление развивает возникшую идею. Закрепление и развитие примышления, сосредоточение в мыслях о каком-либо предмете способствуют порождению и развитию текста. Психологически это означает сосредоточение на каком-либо предмете мысли.

Так, если тема ратора «счастье» (или «знание», или «любовь»), то развитие замысла может пойти в самых разных направлениях. Техническое управление процессом развития мысли в речи представляется через систему *топосов* как способов создания и воплощения замысла в содержании речи. Например, избрав тему «счастье», оратор может построить *определение*: «счастье есть обладание благами, соединенное с добродетелью» (Аристотель); но может привести *свидетельство* — мнение авторитетного лица («ищи счастье в собственном сердце: если там его не найдешь, нигде не сыщешь» или пословицу: «кажется, что счастье бежит, а оно у ног лежит»); можно адресоваться к *примеру* и начать с *описания* счастливого человека — тогда иллюстрация лучше всякого определения покажет мысль ратора. Указан-

ные способы развития мысли поддаются систематизации, что будет сделано ниже.

Утверждение, оформленная мысль называется **тезисом**. Однако утверждаемый тезис еще не есть **доказательство**, которое необходимо для убеждения аудитории. Процесс построения доказательства называется аргументацией. Цель аргументации — убеждение и достижение согласия с аудиторией. Доказательство требует развернутости аргументов, которые могут быть осуществлены самыми разными способами. Способы аргументации могут быть исчислены.

Теоретический опыт создания содержания речи включает две области описания: **систему общих мест (топосов)** и **способы риторической аргументации**.

§ 3. Общие места (топосы, источники изобретения)

Переход к описанию системы топосов и способов аргументации требует следующих предварительных замечаний.

Вопрос о том, что первично: технология или вдохновение — видимо, решается диалектическим противоречием. Необходимо и знание технологии создания речи, и вдохновенное творческое усилие. Когда В.Г. Белинский или К.П. Зеленецкий, автор последней классической «Общей риторики», критикуют технологию изобретения содержания речи по общим местам (топосам), их нападки адресованы схоластическому и бездумному использованию топосов как приемов создания текста-речи. Защитники системы топосов (Н.Ф. Кошанский) никогда не отрицали «размышления» и вдохновения, сопровождающего процесс литературного или ораторского творчества.

Когда П.А. Плетнев, друг А.С. Пушкина и ректор Петербургского университета, занятый в 50-е годы XIX века реформой словесного образования в России, писал академику Я.К. Гроту о том, что он «не знает ничего лучше сухой и педантичной книги Н.Ф. Кошанского», то это как раз мнение педагога, понимающего проблемы обучения речи и развития языкового мышления. На-

против, результатом критики полемически настроенного журналиста В.Г. Белинского и филолога-новатора К.П. Зеленецкого явилось то, что способы создания мысли-речи оказались как бы сокрытыми для последующей словесной традиции, хотя сами критики продолжали пользоваться данными приемами, будучи на них же и воспитанными. Не от этого ли происходит и современное «бессловесие»?

Изменение с середины XIX века стиля мысли и утверждение новых тенденций, направленных в сторону пропаганды художественного творчества, представления поэта как пророка, получающего свыше вдохновенные идеи, не доступные технологическому анализу, привели к тому, что риторика оказалась как бы не нужной, а предмет словесности ограничился стилистикой художественной литературы. Идеологическое же знание, как и идеалы, мировоззрение, стали формироваться в русском обществе художественной литературой, «проза жизни» перестала быть востребованной и перешла в поэзию.

Отголоски такого отношения к слову, преклонения перед интуицией поэта-творца сохраняются в современном русском языковом мышлении, по-прежнему благоговейно относящемся ко всякому поэтическому слову («поэт в России больше, чем поэт!»), но настойчиво побуждаемому современными общественно-деловыми процессами к необходимости освоения деловой коммуникации или риторики деловой прозы. Поскольку классические приемы ораторского творчества, описанные в отечественной традиции, оказались забытыми, попытки воспитывать нового делового человека привели в настоящее время к слепому копированию западных технологий, буму тренингов, обещающих «научить выступать публично» за один-два дня и т.д. Между тем весь опыт преподавания деловой риторики и приемов ораторского искусства приводит к мысли о том, что показать приемы ораторства возможно, но всякое эффективное риторическое образование предполагает последовательность в обучении и систематизацию знания, длительную тренировку в формировании навыков.

Развитие содержания речи, как намечено выше, происходит с опорой на общие места, или источники изобретения. **Общие места** называются также **топосами, или топами** (от латинского слова *topos* — место), или **источниками изобретения**, поскольку в них черпались способы распространения речи.

В современных трудах система топосов применительно к формам развития мысли показана у А.К. Михальской [Михальская 1996]. Причем А.К. Михальская находит достаточно удачный синоним для называния топосов — *смысловые модели*.

Наиболее полно разработка теории изобретения дана у А.А. Волкова [Волков 2001]. Автором концепции последовательно разработаны три раздела, касающиеся способов создания содержания речи и построения аргументации: 1) раздел **топики**, включающий общие и частные топы, разработку логических топосов; 2) логические основы аргументации с показом законов формальной логики, возможных ошибок при ее нарушении и правил логической аргументации; 3) построение аргументов с разбором разных видов доказательств и опровержений.

Общие места следует понимать в двух смыслах:

- 1) это общие ценностные нравственные или понятийные суждения, обнаруживающие одинаковые взгляды на один и тот же вопрос. Например, любовь — это благо, зло — несчастье, враг — носитель зла, друг — добра, добро полезно, а зло приводит к дурным последствиям и т.д. Эти этически организованные суждения являются основой морали и нравственных категорий. Если нет осознания общих мест как некоторых общих взглядов — основы для будущего речевого контакта, общающиеся стороны не могут не чувствовать себя тревожно. Так, можно представить, какое напряжение царит в переговорах двух противников (международные переговоры конфликтующих сторон), когда каждый из них исходит из своей системы взглядов и по-своему толкует факты действительности, особенно если эти факты имеют с каждой стороны долговременное историческое обоснование. Дальнейшее общение как раз и начинает сводиться к поиску гармонии и согласия, которые,

кстати, есть вовсе не «желание понравиться людям» или человекоугодие, а способность провести и утвердить свои идеи, мировоззрение, обосновать свою позицию.

А.А. Волков называет топом «положение, которое рассматривается как правильное или истинное и является основанием аргумента» [Волков 2001: 86]. Иерархическая организация топки говорит о том, что существуют общие места большей или меньшей значимости. Поэтому можно говорить об общих топах («суждения, значимые во всей культуре и приемлемые для любой аргументации») и частных топах («суждения, принимаемые определенными общественными группами»). Это деление существенно значимо для общения с разными типами аудиторий. Так, общим топом является ценность знания («знание — сила»), но оценка знания, истины будет различной в разных аудиториях: в академической среде «знание выше успеха» (пример А.А. Волкова), но в нынешней деловой среде незримо формируется другое общее место (главное — «успех», «успех выше истины, знания, а иногда и честности», «успех» — мера всех вещей — ср., как часто слово «успех» фигурирует в современной рекламе и СМИ). Частные топы формируются в современной среде как движение стиля, моды, сиюминутного веяния, поэтому они преходящи.

2) Второе понимание общих мест: они могут быть **способами развертывания мысли и речи**. Другими словами, возможно описать технику создания замысла и содержания речи, развития смысла в тексте речи. Например, создатель речи может дать *определение* тому, о чем он говорит; или разобрать предмет по *частям*, описав *целое* и *части*; или указать *причину* вашего утверждения; или показать *свойства* предмета, *обстоятельства*, в которых он существует. Перечисленные категории назовем **топосами, или видами общих мест**.

Топосы необходимо знать как возможные способы развертывания речи, потому что в одном случае можно указать причину, в другом — привести пример; в третьем — дать точное определение, в четвертом — описать предмет во времени (биография че-

ловека или история предмета, о котором вы говорите). Создатель сам выбирает способ доказывания.

Топосы представляются не как догмы, раз и навсегда предписывающие, как следует развивать тему речи, а только как внутренние ориентиры для творческого развития мысли. При создании речи надо уметь выбрать те идеи, которые представляются уместными и необходимыми в данной ситуации.

Система топосов впервые была представлена в сочинениях Аристотеля и Цицерона, развита в рациональной риторике (сочинения Ф. Меланхтона — первая русская «Риторика» 1620 г. была переводом его краткой «Риторики», «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоносова 1748 г. и др.). Представим данную систему в современной интерпретации применительно к новому риторическому опыту. При этом пользователь получает возможность видеть, каковы потенциальные возможности развития любого смысла речи.

А.А. Волков выстраивает современную систему логических, или содержательных, топосов, включая в них следующие категории:

I. Описательные (обстоятельственные) топы:

1. Действие — претерпевание. 2. Предыдущее — последующее. 3. Место. 4. Время. 5. Состояние. 6. Внешние обстоятельства.

II. Причинно-следственные топы:

7. Причина — следствие. 8. Условие.

III. Модально-оценочные топы:

9. Лицо — поступок. 10. Образ действия. 11. Цель и средство.

IV. Топы определения:

12. Присущее и привходящее. 13. Признаки. 14. Качества. 15. Свойства. 16. Отношение. 17. Род — вид. 18. Целое — часть. 19. Имя и вещь. 20. Тождество.

У. Сравнительные топы:

21. Больше — меньше. 22. Подобие. 23. Противное. 24. Обратимость. 25. Транзитивность [Волков 2001: 90 о б щ е н и е 134].

Как верно замечено А.А. Волковым, «топ определяет форму мысли, лежащую в основе рассуждения» [Волков 2000: 134]. Ниже нами предпринята попытка описания основных топов, служащих способами развития мысли в доказательстве и любом пространстве речи. Количество топов возможно увеличивать или уменьшать, как это показано в докторской диссертации Л.В. Асуировой.

Ниже топы описаны как универсальные способы развития замысла речи, а их количество минимализировано в учебных целях. Предлагаемая классификация включила следующие топы: 1) определение, 2) целое — части, 3) род — вид, 4) свойства — качества — характеристика, 5) сравнение, 6) противоположность (антитеза), 7) имя, 8) причина — следствие, 9) условие, 10) уступление, 11) время, 12) место, 13) пример, 14) свидетельство.

1. Топос *определение*.

Определение — один из самых распространенных топов. Рассуждение о всяком явлении или предмете часто начинается именно с определения, когда необходимо ясно показать: что есть что? кто есть кто? Определение может быть представлено в разных формах от краткой дефиниции до пространного описания объекта. Определение — важнейший элемент рассуждения, поскольку от установления точного смысла слов зависит неискаженное толкование сути предмета.

Для того чтобы быть успешным, **риторическое определение**, кроме правильности, требует новизны, неожиданности, привлекательности. *Правильность* означает, что определение соответствует истинному положению вещей. Получатели речи, если они не настроены предвзято, соглашаются с утверждениями создателя речи. В таком случае определение становится неким исходным положением, отталкиваясь от которого возможно дальнейшее доказательство.

Например, все будут согласны с тем, что живопись — это «изобразительное искусство» или «создание художественных образов красками» [С.И. Ожегов 1987: 166]. Данное определение правильно, общепринято и общепонятно. Впрочем, и оно может быть оспорено придирчивым критиком, который расширит средства создания образов — ведь рисовать можно не только красками. Однако объяснять общеизвестные истины требуется только в том случае, если необходимо первичное уяснение вопроса. Поэтому желательно, чтобы правильность не представляла банальностью или ходячим мнением, всем известным и не сообщающим новую информацию.

Во всякой речи должно присутствовать развитие смысла, поэтому требуется новый и оригинальный взгляд на предмет. Новый взгляд ставит целью создание нового стиля мысли, слова, отношения к объекту и возможных последующих действий. Яркие и метафорические определения создаются для того, чтобы выразить и утвердить собственное мнение, показать свежее видение предмета. Например, Леонардо да Винчи пишет: «Живопись — это поэзия, которую видят, а поэзия — это живопись, которую слышат».

Так, сравнивая живопись с фотографией, скажем:

«Живопись — это остановленное мгновение жизни, это жизнь, рассматриваемая в мгновенье».

Назовем такие определения *контекстуальными*, или *метафорическими*, поскольку они создают неожиданный перенос смысла от одного слова к другому. Такие определения обычно фиксируют какое-то неожиданное свойство явления или предмета, показывающее его природу с одной из сущностных сторон. Впрочем, в таких метафорических определениях следует не переходить меру в сложности и аллегоричности образов, которые могут быть непонятны аудитории.

Вот еще один пример со словом «музыка»:

- Музыка — искусство, в котором переживания, чувства и идеи выражаются ритмически и интонационно организованными звуками [Ожегов 1987: 313].

Метафорические (контекстуальные) определения:

- Музыка — источник радости мудрых людей... (Сюнь-цзы)
- Музыка — единственное искусство, проникающее в сердце человека так глубоко, что может изображать переживания этих душ. (Стендаль)
- Есть минуты, в которые вполне чувствуешь недостаток земного языка, хотел бы высказаться какою-то гармониею, музыкой. Музыка — невещественная дочь вещественных звуков, она одна может перенести трепет одной души в другую, перелить сладостное, безотчетное томление... (А.И. Герцен)

Попытки создавать определения в виде повторяющихся конструкций (фигур речи) предпринимаются достаточно часто в художественной и публицистической литературе. Существуют тексты, которые построены только на одних определениях. Эти определения именно метафоричны, т.е. построены по принципу сравнения, уподобления одного предмета другому. Вот определения, данные России писателем Всеволодом Ивановым в письме Николаю Рериху (1925 год):

«Россия не только государство. Она... океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега, не засверкала еще в отточенных и ограненных понятиях, в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих крыльев Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая щетина бесконечных лугов, ветреных и цветущих.

Россия — это бесконечные снега, над которыми поют серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники.

Россия — страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на земле типа... Россия — страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это — свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония...

Россия — могучий хрустальный водопад, дугою выющийся из бездны времен в бездну времен, неохваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания...

Россия грандиозна. Неповторима. Россия — полярна. Россия — мессия новых времен...»

Создать такую цепь определений может только истинный художник слова. Опасность состоит в том, что метафорические определения могут увести от истинной сущности предмета, увлекая красотой и необыкновенностью образов. По-видимому, именно такое состояние было свойственно многим художникам слова в эпоху русского символизма, когда творились новые мифологемы XX века. Художник слова при этом сам начинает верить в то, что он пишет, будучи увлечен собственной фантазией. Не в этом ли причина многих мифологем XX столетия, которые творились на основе яркой художественной фантазии, стилистически яркой и риторически убедительной, но уводящей в конце концов от сути предмета? Поэтому так важна истинность и точность научной речи, где подобные фантазии ограничиваются необходимостью рассуждать строго, логично, кратко, безотносительно к сиюминутным, индивидуальным, публицистическим пристрастиям участников речи.

В заключение описания данного топоса приведем попытку построить цепь образных определений с возвращением к началу рассуждения в учебной речи на семинаре по риторике:

Бодрость — это свежесть ума, свежесть ума — это здравый смысл, здравый смысл — это благоразумие, благоразумие —

это рассудительность, рассудительность — это обдуманность, обдуманность — это мудрость, мудрость — это осмотрительность, осмотрительность — это осторожность, осторожность — это предусмотрительность, предусмотрительность — это дальновидность, дальновидность — это умное решение, умное решение — это правильный выбор, правильный выбор — это достойный выход из ситуации, выход из ситуации — это разрешение проблемы, разрешение проблемы — это оперативность, оперативность — это скорость, скорость — это энергичность, энергичность — это полнота сил, полнота сил — это бодрость. (Ануш Лалаян)

2. Топос *целое — части*. Каждый предмет может быть определен как целое и рассмотрен в его частях. Рассмотрение предмета по частям — возможный прием построения многих текстов: как научных рассуждений, деловых описаний, так и художественных рассказов.

Топос определения целостного предмета нередко переходит в описание частей предмета или явления. Поэтому переход к составным частям — один из наиболее простых приемов продолжения повествования. Требования при этом: привлекать для характеристики сущностные качества предмета, исчерпать основные свойства.

Вдохновляя царскосельских учеников к писанию сочинений, Н.Ф. Кошанский ставил перед ними розу и предлагал описывать ее части: сам цветок-бутон, стебель, шипы, капельки росы на листьях. Позднее в «Общей реторике» он писал об этом способе развивать свою мысль:

«Ц е л о е. Все в мире состоит из частей, а части все вместе составляют целое. Если предмет ваш есть часть какого-нибудь целого, то можете начать рассуждением о целом. Например:

Вы хотите говорить о Москве, скажите ж прежде что-нибудь о России. — Хотите описывать беседку, пруд — обратите же взор наш сперва на целый сад.

Ч а с т и. — один из прекрасных и обильнейших источников. Ваш предмет есть целое, разделите его на части — и сколько мыслей!» [Кошанский 1834: 6].

Эти законы распространяются на большинство ситуаций современной речевой жизни. Всякое обращение к коллективу предполагает затрагивание деятельности каждого или большинства работающих или учащихся в нем, разных областей деятельности, по которым восстанавливается картина целого. Всякая презентация использует топ *целое — части*, поскольку требуется говорить о разных составляющих подразделениях предприятия. Всякая политическая компания обращается к разным слоям населения (молодежи, пенсионерам, военным, учителям). Всякий учебник иностранного языка использует топ *целое — части*, когда говорится об описании комнаты, города, частей тела человека. Примеры могут быть продолжены.

Каждый вид речи предписывает свои приемы для достижения цели высказывания. Так, если в учебнике иностранного языка на начальном этапе требуется дать элементарные сведения (лексику), относящуюся к описанию частей тела человека, то творческая задача составителя учебника состоит в том, чтобы найти способ наиболее занимательной и выразительной подачи материала. Описание портрета героя в любом художественном произведении строится как выразительное нахождение ярких и своеобразных характеристик.

Приведем одно из описаний-определений человека, данное как риторическое задание написать «Слово о человеке». Мысль создателя речи, конечно, шла по пути определения природы человека и описания его «частей». В результате получилось философско-риторическое сочинение, отражающее сегодня как мировоззрение, так и художественно-стилистические принципы Выговской словесной школы начала XVIII века. Хотя стиль этой речи несомненно устарел, но современный читатель не может не оценить мыслительно-словесную изобретательность создателя такого текста (некоторые старинные слова заменены современными — текст опубликован в кн.: Аннушкин 2002):

Человек есть вещь дивная, великая и прекрасная, дивно от предивнаго Бога осуществленная, из души невещественной и плоти вещественной пречудно сложенная. Человек —

избраннейшее живущее: насколько добротою жизни, силою движения и благолепием чувствования изобильно украшенное, настолько же светлостью слов и ясностью разума преобогато сияющее. Человек — добрейшее долговечное создание, разумное и рассудительное, всякую науку и всякое художество удобно принимающее, видимое и невидимое; стольким богатством разума, смысления и мудрости изобильно кипящее, сугубое — видимое и невидимое, смертное и бессмертное, временное (и) вечное, (далее по частям тела. — А.В.) выпреносная глава, горезрящее око, многобеседная уста, доброглаголивый язык, мудросокровищное сердце, бысролетающая мысль, пернатый помысл, крылатый небовосходный ум, всеизрядный Божий поклонник, второй Господнего славословия ангел и, что много говорить, со всяким созданием Божиим — всекрасный и благосочетанный союз».

Известная сентенция А.П. Чехова «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли» также построена как целое и части. Очевидно, что данные примеры можно продолжать бесконечно. Для того чтобы учиться риторике, важно наблюдать, как стилистически «скроен» такой текст, какие вдохновенные мысли и слова руководили создателем речи.

3. Топос род — вид. Общее место **род** — **вид** позволяет развивать мысль исходя из видовых характеристик предмета речи. Каждый предмет рассуждения может быть возведен к определенному роду и разделен в свою очередь на виды. Например, яблоня является *видом* дерева (как груша, слива, абрикос), но и сама может стать родовым понятием для видов различных яблонь: белый налив, антоновка, штрифель, гольден и т.д. Значит, говоря о яблонях, мы можем развить мысль как рассуждением о свойствах плодовых деревьев вообще, так и рассуждая о конкретных сортах отдельных яблук.

То же самое можно сказать о человеке. Человек является *видом* для «одушевленных» существ (родовая характеристика), его видовая характеристика — дар разума и слова, ума, чувств и воли. Человек как род может быть разделен на множество видов по раз-

ным критериям: а) по возрасту (старики, пожилые, среднего возраста, молодежь, юноши, подростки, дети, младенцы); б) по полу (мужчины, женщины); в) по профессиям; г) по уму (гениальные, умные, сообразительные, «серые», глупые и проч.); д) по красоте (красивые, уродливые, обаятельные, элегантные и проч.) и мн. др. Как видите, видовые характеристики таких общих объектов как «человек» максимально разнообразны и с трудом поддаются классификации. Точнее, каждая наука или сфера деятельности применит свою классификацию.

Родо-видовые классификации выводят сразу к топосам *свойства — качества — характеристики*, поскольку видовая классификация нередко создается по качествам предмета.

4. Топос свойства — качества — характеристика. Описывая какой-то предмет, мы нередко называем его свойства, качества, признаки, характеристики. Свойством называется неизменно присущий признак предмета или человека. Свойство — то, что присуще («свойственно») только предмету (объекту, человеку) как родовому понятию. Строго говоря, **свойство** отличено от **качества**, а **качество** отличено от **характеристики**. Например, **свойствами** воды будет ее жидкое состояние, свойствами человека способность двигаться, думать, совершать обдуманые поступки и т.д. **Качество** предполагает включение в свойство определенной оценки, например, качество воды может быть хорошим или плохим. Также мы говорим о качествах образцового человека — и такие качества идеального оратора всегда описывались и в риториках, и в других сочинениях этико-философского характера. **Характеристика** обычно связана с конкретным характером рассматриваемого предмета (человека, явления), поэтому характеристика конкретна, выборочна, а применительно к человеку дает оценку его личности.

В реальной речевой практике нередко смешиваются категории свойств, качеств, характеристик, и, в сущности, подчас трудно разделить, что в конкретном тексте описывается. Например, под именем свойств может рассматриваться то, что «свойственно» данному человеку («ему не свойственно пугаться трудных

ситуаций»). Поэтому, рассуждая о топе свойства — качества — характеристика, риторю следует иметь в виду, что он дает в данном случае описательную оценку тех или иных качеств или свойств.

Практическое описание свойств или качеств предполагает ответ на вопрос: каков этот объект? В таком случае следует качественная характеристика, обычно осуществляемая качественными прилагательными, точными эпитетами и т.д. Например, Аристотель описывает следующие свойства (качества) прекрасного в человеке: *мужество, справедливость, мудрость, бескорыстие, великодушие, скромность* [Аристотель 1978: 43–44]. М.В. Ломоносов перечисляет «свойства жизненные», которыми названы противопоставляемые друг другу положительные и отрицательные «свойства» — «добродетели и пороки»: *мудрость — безумие, благочестие — нечестие, воздержание — роскошь, чистота — нечистота, милость — лютость* и мн. др. Эти качества (свойства) любопытно анализировать и сопоставлять с тем, какие качества (свойства) человека ценятся сегодня — ведь культура не исчезает, а только принимает более развитые формы. Историко-культурные ценности приходят в данном случае в противоречие с новыми стилевыми тенденциями: нельзя остаться целиком на старых консервативных позициях, в то же время необходимо учесть исторический опыт, чтобы не «стать Иванами, не помнящими родства».

Выделение отличительных свойств — задача всякого писателя или рассказчика. Вот об ораторском языке и нраве Ломоносова пишет известный писатель и журналист Н.И. Новиков: «Слог Ломоносова был *великолепен, чист, тверд, громок и приятен*. Нрав он имел *веселый*, говорил *коротко* и *остроумно* и любил в разговорах употреблять веселые шутки».

Всякий образ ратора складывается из внешних и внутренних характеристик субъекта. Внешняя характеристика обычно является отражением внутренних свойств человека. Поэтому, передавая впечатление от внутренних качеств человека, желательно хорошо знать, о каких внутренних свойствах человеческого ха-

рактера может идти речь. Например, готовя поздравление тому или иному человеку в поздравительной речи, мы перебираем в уме его качества и ищем точную словесную характеристику этого человека. Желательно хорошо представлять слова, называющие свойства человека.

В качестве употребления топа как риторического приема для создания целого текста приведем одно из учебных сочинений, автор которого, отвечая на вопрос «Что есть счастье?», построил весь текст на топе «свойство — качество — характеристика», переходящем в видовые характеристики счастья (какое же оно, т.е. каковы его виды).

Уважаемый мною читатель,
Драгоценная аудитория,
Вы за вольность меня уж простите,
Я с великими мира поспорила.

Был вопрос дан о счастье, но что это?
Лишь удача, успех иль везение?
Может быть, это чувство какое-то?
Может быть, это просто видение?

И без горя, увы, невозможное,
Без несчастья оно не встречается.
Счастье, бурное, буйное, сложное,
Лишь мерещится, не замечается.

Так какое же счастье? Великое?
Золотое, могучее, твердое?
Без лица оно иль многоликое?
Светозарное, легкое, доброе?

Аккуратное, райское, вечное?
Беспокойное, кем-то забытое?
Беззаботное, иль быстротечное?
Невозможное или разбитое?

Безмятежное, шаткое, детское?
Непорочное, просто огромное?
Иль семейное, ясное, женское?
Часто тихое, мирное, скромное?

Горделивое, чистое, кроткое?
Лучезарное, призрачно-долгое?
Долгожданное или короткое?
Очень часто шальное и гордое?
Бесконечное, быстрое, зыбкое?
Долговечное, хрупкое, тайное?
Мы его принимаем с улыбкою,
Всюду ищем его, не случайно ли?
Молодое, мятежное, сладкое?
Нет для счастья, увы, объяснения,
И всегда остается загадкою,
Почему оно сеет сомнение.
Я надеюсь, любимый мой слушатель,
Ты продолжишь мои изыскания.
Может быть,
 Ты найдешь нечто лучшее.
Просто капельку нужно старания.
 (Анастасия Соломонова)

5. Топос сравнение. Одним из ярких способов развить мысль о предмете является сопоставление (сравнение) его с другим предметом. Существуют три принципиальные возможности сопоставления (сравнения) и соответственно три топа: 1) **уподобление** (сходство, сравнение одинаковых свойств); 2) **противопоставление**; 3) **количество** (большее или меньшее).

Терминология сравнения и сопоставления подчас находит различные объяснения. А.К. Михальская в смысловой модели *сопоставление* выделяет топы *сравнение* и *противопоставление*. Она называет сравнение (аналогию) *механизмом познания*, вскрывающим природу предмета или явления. При этом «одно познается через другое, демонстрируется посредством другого, если имеет с ним нечто общее» [Михальская 1996: 144, 145]. А.А. Волков родовой категорией называет *сравнение* (как и все данные топы «сравнительными»), относя сравнение к общему «ходу мысли», который состоит в определении «сходства или различия двух или нескольких предметов» [Волков 2000: 126]. Видами сравнитель-

ных топосов являются, по А.А. Волкову, *большее — меньшее, подобие, противное, правило справедливости, обратимость, транзитивность* [Волков 2000: 127—134].

Таким образом, сравнение может иметь два принципиальных толкования: строго говоря, риторический термин *сравнение* включает черты и сходства, и различия, но в обычной практике речи сравнением называют предметы сходные и похожие. Именно таково объяснение топосов *сравнение — подобие — противное* у Н.Ф. Кошанского. *Сравнением* он называет «сличение двух предметов, двух действий *одного* рода», а *подобием* — «уподобление одного действия другому *иного* рода» [Кошанский 1834: 10]. Топос *противное*, по Н.Ф. Кошанскому, будет «мыслью совершенно противоположною» [там же: 13].

Топос сравнения осуществляется в тексте через поиск общего и противоположного в предметах и явлениях. Поиск общего приводит к **уподоблению**, поиск противоположного приводит к **противопоставлению**. Как показывают наблюдения, нередко такой поиск подсознательно задан риторической задачей, которую подчас имеет перед собой создатель речи.

Логическо-мыслительная операция сравнения состоит в том, чтобы выделить некоторые сходные черты двух объектов и либо уподобить их, либо противопоставить, либо сказать о большем / меньшем по какому-либо признаку. Творческая задача в операции сравнения состоит в том, чтобы найти сходные, похожие черты объектов. В принципе такая задача выполнима и сравнивать можно «все со всем». Например, человек может быть уподоблен большинству предметов внешнего мира и ограничением в данном случае может быть лишь некоторая уместная мера фантазии и воображения.

Самый простой способ сопоставления (сравнения) предметов или явлений — нахождение сходства по какому-то признаку, и это сходство обнаруживается прежде всего в предметах одного рода (человека сравнивают с человеком, сегодняшний день — с днем вчерашним и т.д.) — таково, по Н.Ф. Кошанскому, *сравнение*. Следующий ход мысли — уподобление предмета или явле-

ния другому иного рода: с кем или с чем можно сравнить человека (вообще или конкретную личность)? С цветком, с животным, с птицей, с машиной, с материалом (он — «вода», «огонь», «железо», «сталь») — потенциально человека можно уподобить чему угодно... Таково, по Н.Ф. Кошанскому, *подобие*.

Риторическое сравнение требует (как и в предыдущих топосах) не только правильности и истинности, но и новизны, оригинальности, своеобразия, неожиданности. Эти требования различны в разных видах словесности. В художественной литературе (особенно в поэзии) сравнение-уподобление выступает как один из ярких выразительных приемов распространения текста, причем нередко он, так же как в случае с определениями, тяготеет к бесконечности:

Мне тебя сравнить бы надо
С песней соловьиною,
С тихим утром,
С майским садом,
С гибкою рябиною,
С вишнею, черемухой,
Даль мою туманную,
Самую далекую,
Самую желанную. (А. Фатьянов)

Дальнейшая задача автора — продолжать сравнения, одинаково начиная и заканчивая каждую строфу (анафора и эпифора). Объем текста ограничивается мерою вкуса и законами художественной гармонии, например, для песни обычно достаточно три куплета (строфы) с неожиданными образами-сравнениями. Подобным образом выстроены многие классические произведения русской поэзии:

Я твердо, я так сладко знаю,
С искусством иноков знаком,
Что лик жены подобен раю,
Обетованному Творцом.
Нос — это древа ствол высокий;
Две тонкие дуги бровей

Над ним рассыпались, широки,
Изгибом пальмовых ветвей.
Два вещих сирина, два глаза,
Под ними сладостно поют,
Велеречивостью рассказа
Все тайны духа выдают.
Открытый лоб — как свод небесный,
И кудри — облака над ним,
Их, верно, с робостью прелестной
Касался нежный серафим.
И тут же, у подножья древа,
Уста — как некий райский цвет,
Из-за какого матерь Ева
Благой нарушила завет.
Все это кистью достохвальной
Андрей Рублев мне начертал,
И этой жизни труд печальный
Благословеньем божьим стал.

(Н.С. Гумилев)

Впрочем, черты сходства / несходства могут выявляться и так называемыми противоположными сравнениями. В ироническом стихотворении современного поэта, отрицающего свою принадлежность к «аристократам», образ поэта выражен в следующей самооценке:

Я похож на дворянина
Как ружье на пианино,
Как журавль на слона...

Сравнивая, мы можем говорить и о том, что некий предмет нашей речи может оцениваться по количеству или в сопоставлении с другим аналогичным предметом. Например, об уме говорят: «ум — хорошо, а два — лучше»; «не имей сто рублей, а имей сто друзей».

6. Топос *противоположность (антитеза)*. Из предыдущего рассуждения следует, что топос противоположности относится к *сравнительным* топосам [ср.: Волков 2000: 130—131]. Однако не исключено, что с таким же успехом мысле-речевую опера-

цию объяснения или доказательства исходя из противного можно отнести к *определятельным* топосам. Так поступают тогда, когда легче показать сущность предмета или явления через *противоположное*. Например, чтобы сказать о том, как важно знание, говорят о том, сколь пагубны незнание и невежество; чтобы показать, что такое дружба, говорят, как опасны вражда и ссоры, война и всякое недружелюбие; утверждая идею добра, вспоминают зло («в жизни море зла, а добра — океан»); говоря о любви, осуждают ненависть и т.д. Схематично это выглядит так: на вопрос *что такое А?* Следует ответ: *А — это не Б.*

Как известно, идея борьбы противоположностей пронизывает как диалектическую философию Запада, так и восточные учения Востока, где весь мир рассматривается с точки зрения противопоставляемых понятий (янь и инь). Каждое явление имеет свою противоположность, поэтому разбор любого явления может включать искусное применение топоса противоположности.

Топос противоположности используется во всех видах словесности. Например, общие места фольклора, концентрируя вековую народную мудрость, построены на анализе противоположных явлений:

Не узнав горя, не узнаешь и радости.
Было бы счастье, да одолело ненастье.
Глупому счастье, а умному ненастье.
Где гнев, там и милость.
И стар, да весел, и молод, да угрюм.
И стар, да петух, и молод, да протух.
Старик, да лучше семерых молодых.
Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая! и т.д.

Каждая из приведенных пословиц может стать материалом для развертывания дальнейшей речи и утверждения положительной идеи через ее противоположность.

Большинство сюжетов в художественной литературе построены на столкновении противоположностей, поскольку основу конфликта оставляют противоположные взгляды, концепции, столкновение противоположных характеров и интересов. Скажем

более, отражая действительность, писатели как раз ищут такие конфликтные ситуации, столкновение противоположностей. Достаточно вспомнить контрастность характеров в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина, где о Ленском и Онегине сказано: «стихи и проза, лед и пламень»; о Татьяне: «она в семье своей родной казалась девочкой чужой». Подчеркиванием противоположности выделяется личность данного человека, специфика явления или предмета.

Использование топоса *противоположность* блестяще подчеркнута парадоксальным высказыванием великого театрального режиссера К.С. Станиславского: «Если хочешь сыграть доброго, ищи, где он злой». Таким образом, анализируя то или иное явление, создатель речи использует в доказательстве или описании его противоположные свойства.

7. Топос *имя*. Топос «имя» необходимо осмыслить исходя из теории именования. Согласно этой теории, имя отражает свойства вещи, а называние вещи определенным именем предполагает дальнейшие удачные или неудачные (в зависимости от того, как дано имя) действия. Если имя дано удачно, существование предмета и действия с ним будут благополучными, если — нет, существование именованного объекта (предмета или человека) и действия с ним будут неблагоприятными и затруднительными.

Главная ответственность в этом процессе ложится на ономотэста — создателя имени, который должен выбрать (создать) удачное имя объекту именования. Создатель имени должен обладать не только интуицией, вкусом, аккумулировать предшествующий историко-культурный опыт, чтобы не ошибиться в создании имени, он должен представить наступающие последствия существования объекта с таким именем. Это относится не только к практике именования новорожденных (примеры «несчастливого» существования людей с неудачными именами и фамилиями общеизвестны), но и к именванию новых терминов, нарождающихся явлений социальной жизни.

Создатель речи, обращающийся к имени предмета или явления, как бы вглядывается, всматривается в природу имени и ком-

ментирует сущность вещи исходя из свойств имени. В самом простом виде сущность вещи может быть комментирована через этимологию имени, что и делается в начале многих рассуждений.

С толкования имени начинается большинство многие вступительных объяснений к изучению разных наук. Например, филология означает «любовь к слову» (греч. *filo* — люблю + *logos* — слово), география — «землеписание» (греч. *geo* — земля + *grafo* — пишу) и т.д. В художественных произведениях топонимы имени используется при создании говорящих имен и фамилий. Существуют достаточно убедительные исследования, ясно доказывающие связь имени с характером и судьбой человека — см. прежде всего замечательную работу П.А. Флоренского «Имена» [Тайна имени 1995: 8–135].

Топонимы имени особенно важен, когда требуется объяснение значения вещи (предмета, явления). Приведем несколько примеров, показывающих важность правильного и оптимального именования и действия с именем. Например, демократические преобразования в России середины 80–90-х годов XX века предполагали создание нового стиля мысли и жизни. Однако языковая неподготовленность, выразившаяся в риторической неспособности изобретать правильные имена и находить объяснения событий и поступков, привела ко многим культурным противоречиям.

При намечавшихся экономических преобразованиях в России как *назвать* человека, занимающегося делом, производством? Если это *бизнесмен*, то возникает образ предприимчивого американца, прагматичного, общительного, живущего по своим этическим и философским законам. Экономическая перестройка в России начиналась вне мыслительных новаций и эмоционального настроения сделать нечто национально самостоятельное. Русское слово «дело» несло слишком много отрицательных коннотаций. Однако невозможно начинать реформы, не будучи уверенными в том, что уточнены *смыслы слов*: ведь если не будет слова, не будет и дела, поскольку в слове выражен смысл дела. Однако русские понятия *дело*, *деловой человек*, *предприниматель* не были реабилитированы в глазах общественности и не реабилитирова-

ны до сих пор. По-прежнему в глазах обывателя деловой человек — это ловкий делец, думающий только о своих выгодах. В сознании общественности не сложился положительный образ русского предпринимателя в связи с общим недоверием к словам. Все предыдущие хорошие понятия были объявлены «мифическими», а новые положительные понятия, по мнению реформаторов, имеются только на Западе. Поэтому так властно вместе с ослаблением русского общественного сознания вошли в наш язык все западные именованья.

Итак, Россия начала экономические реформы, но деловой человек у нас оставался (да и до сих пор остается) фигурой в некотором смысле сомнительной. Чтобы понять, что это так, достаточно посмотреть художественные сериалы, идущие по каналам российского телевидения. Значит, до тех пор, пока обществом не будет установлен новый положительный смысл и новое отношение к самому понятию дела, эффективные экономические реформы невозможны. Такова простая логика филологического анализа, воплощенная в практическом опыте человечества.

Как могут идти реформы в России, если мы боимся самого слова «дело» (оно у нас обычно заменено словом «бизнес»)? Отсюда наши «комплексы»: если «бизнес» в Америке — дело серьезное и законопослушное, для нас слово «бизнес» остается иностранным и сомнительным. Значит, пора реабилитировать слово «дело» — и действительно честно, старательно, энергично заниматься своими делами.

Другой выразительный пример — Чечня. Его приводит Ю.В. Рождественский в статье «Хорош ли русский язык?»: чеченцы, воевавшие против России, назывались в российской прессе то сепаратистами, то патриотами, то боевиками, то бандитами. Смысл перечисленных слов весьма различен — от именованья зависела возможность действовать и решать политическую проблему. Когда было ясно заявлено, что воюющие против России за ее расчленение не кто иные, как «боевики» или «бандиты», террористы, появилась определенность в политике и проблема начала решаться.

Таким образом, вопрос правильного именованя — основа развития словесного действия. Еще один пример: наше самоосознание связано с тем, как мы себя именуем. В середине 90-х годов председатель Государственной Думы Г.Н. Селезнев начал речь перед сотрудниками Дипломатической академии обращением: «Ну-с, дорогие господа, друзья, товарищи — не знаю уж, как и назвать вас...» Эта неопределенность показывала не просто неуверенность оратора в выборе слова, а неясность, шаткость, неопределенность в оценке людей и общественной ситуации в целом. Не отсюда ли ослабление политического влияния коммунистической партии?

Значит, дело движется и решается в том случае, когда устанавливается правильный смысл и дается верное слово-именование.

8. Топосы *причина — следствие*. Каждая высказанная мысль требует объяснения, обоснования. Развивая и доказывая ту или иную мысль, ищите ответа на вопрос «почему?». Ничто не бывает без причины. Поэтому в поисках продолжения ваших мыслей необходимо спрашивать или отвечать на вопрос: «Почему данное положение справедливо?»

Топос причины присутствует, в сущности, во всякой речи, поскольку выдвижение любого тезиса требует его обоснования. Некоторые области деятельности строятся целиком на топосах **причина — следствие**. Так, само выяснение обстоятельств судебного дела или преступления неслучайно называется «следствием». Это значит, что выясняются причины происшедшего. Хорошим «следователем» считается тот, кто способен найти, вскрыть причины преступления, которые скрыты от непрофессионального взгляда.

Поэтому с таким интересом читаются рассказы Конан-Дойля о Шерлоке Холмсе, который неожиданно для слушателей называет сразу выводы-следствия: «этот человек левша, хромает на левую ногу, носит в кармане тупой перочинный нож». Холмс видит причины событий: «потерпевший получил удар по голове с левой стороны, следы на земле от левой ноги более глубокие, а конец сигары отрезан неровно...»

Риторика причинно-следственного объяснения предполагает и оригинальность вопроса, и необычайность ответа, из которого добывается для слушателя новое знание.

9. Топос *условие*. Топос *условие* применяется для того, чтобы показать, при каких условиях данное утверждение верно. Вопрос «при каком условии?» как бы мысленно задается во время подготовки речи. Ритор словно отвечает на вопрос: при каком условии данное утверждение верно?

Пример:

«Учеба приносит радость (при каком условии?), если учиться старательно и видеть результаты своих трудов»;

«Мир вокруг вас будет изменяться к лучшему (при каком условии?), если вы начнете это изменение с самого себя».

Топос **условие** в старинных учебниках назывался *основанием* вашему утверждению. Он может употребляться не только в высоких текстах, но и в самых обыденных ситуациях:

«Завтра пойдем на экскурсию, если будет хорошая погода».

Или в поздравительной речи:

«Вы будете счастливы и благополучны, если будете любить друг друга и прощать мелкие обиды».

Топос **условие** может стать основой для развития какой-либо новой ситуации, в известном смысле фантастической. В то же время именно новое условие становится эдаким мысленным побудителем к созданию новой действительности:

Кабы я была царица, —
Говорит одна девица,
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир (...)

10. Топос *уступление*. Ярким средством, оттеняющим основное утверждение, является так называемое **уступление**, или **уступка**. Дело в том, что всякое положение вовсе не обязательно утверждать прямо и безапелляционно. Напротив, доказываемое положение засверкает ярче, если оно будет показано в разнообразных, противоборствующих красках, а ритор сам укажет на то, что может мешать его утверждению. Так, произнося похвалу зна-

нию, делающему человека счастливым, он добавляет: «хотя знания добываются тяжким трудом». Всякое поздравление становится более живым и естественным, если показывая положительные свойства именинника, на него наводится шутливая критика: «несмотря на то что именинник обладает многими недостатками...» (далее недостатки шутивно перечисляются — и через это более выпуклыми выглядят достоинства).

Таким образом, утверждение действует сильнее, если показываются причины или условия, мешающие его осуществлению: «Труд приносит много радости, хотя любой труд требует терпения и усилий воли»; «Весна — мое любимое время года, несмотря на то что весной и сыкотно, и грязно. Но весной светит солнце, а вместе с солнцем расцветает природа и распускается, как цветок, душа».

Итак, создавая то или иное положение, оратору лучше самому назвать обстоятельства, мешающие или противоречащие положению, которое он отстаивает. Тогда его утверждение звучит и более честно, и более выпукло, и более разнообразно.

11. Топос *время*. Рассмотрение большинства предметов, явлений, людей можно представить в определенном времени и месте. Всякий предмет имеет свою историю, поэтому речь может быть построена на основе фактов прошлого (история, биография, мемуары), их отражения в настоящем и проекции жизни предмета в будущем.

Таков любой объект: Москва, дом, семья, какой-либо человек, наука... Всякий объект развивается во времени — так, все объекты гуманитарных дисциплин имеют свою историю. Тем более это касается всякого человека, жизнь которого представляет последовательную цепь событий. Описание этих событий и есть биография (в переводе с греческого — жизнеописание).

Таким образом, топос *время* становится важнейшим мысленным приемом для построения любого рассуждения. Например, реклама любого учреждения так или иначе включает сведения об истории учреждения, его сегодняшнем состоянии и планах на будущее. Точно так же осмысливается образ любого человека — создатель речи может говорить о прошлом, настоящем и буду-

щем человека. Поэтому необходимо напряженное размышление о прошлом, настоящем и будущем предмета речи, а затем выбор фактов и умелое их описание.

12. Топос *место*. Топос **место** предполагает описание бытия предмета в определенном месте (пространстве). Использование этого топоса возможно через вопрос «где?», т.е. где существует, проявляет себя предмет вашей речи. Скажем, описание путешествия или биографии может иметь длительное перечисление мест, в которых побывал тот или иной человек. В таком случае текст ограничен только количеством тех мест, которые избирает автор — по воле автора такое описание может быть достаточно пространственным или ограниченным.

Например, М.В. Ломоносов с помощью топосов ***время*** и ***место*** создает похвалу науке (это переложение отрывка из речи Цицерона в защиту поэта Архия). В нем Ломоносов перечисляет и «время» человеческой жизни, и «места», когда и где бывают полезны науки:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут.
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Перечисление «мест» — излюбленный прием развития содержания многих ораторских речей или лирических стихотворений. Когда А.С. Пушкин гадал о своем будущем («Долго ль мне гулять на свете?»), он строит весь текст на бесконечном перечислении «мест»:

Долго ль мне гулять на свете:
То в кибитке, то верхом,
То в коляске, то в карете,

То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил, —
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь сулил...

И далее все стихотворение построено на гадании относительно «мест», где поэту «умереть Господь сулил». Перечень и избрание этих мест диктуются поэтическим вкусом, чувствами меры и гармонии, которые являются как следствием таланта, так и кропотливой работы над текстом стихотворения.

Пожалуй, самый выразительный пример использования топоса «место» находим в начале одного из лучших стихотворений в русской поэзии — оды Г.Р. Державина «Бог». О существовании Бога поэт-мыслитель говорит так:

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества.
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины...»

Это значит, что Господом «исполнены небеса и земля», местопребывание Бога — «везде и нигде», Он — «видимый и невидимый» в каждом предмете и человеке. Топос характеристики или атрибутов Бога может перерасти в топос места: «Иже (Который) везде сый (есть)...» и бесконечность дальнейшего повествования.

13. Топос «свидетельство». Одним из самых распространенных и удобных способов развития речи, подкрепления своего мнения или доказываемой истины является приведение слов авторитетного лица (знаменитого человека, писателя, политика, ученого). Это может быть цитата из известной книги, народная мудрость, чей-то удачный афоризм, который может быть оценен вашими слушателями. Этот прием распространения речи называется «свидетельством», поскольку вся речь или ее часть может быть построена, отталкиваясь от ссылки на авторитетное лицо: «N. (некто) свидетельствует, что...»

Имеется множество советов как в классических риториках, так и в современных разработках начинать речь от понравившейся цитаты, афоризма, краткой мысли-сентенции, а затем ее развивать в дальнейшем рассуждении (см., например, характерное название пособия, посвященного построению речи только на основе данного топоса: «Как раскрываются афоризмы?» [Маркелова, Колесникова 2003]).

Примеры использования топоса *свидетельство*:

«Как сказано в Библии, чти отца и мать твою, и благо ти (тебе) будет, и долголетен будеши на земли».

Или: «Тургенев писал: “Берегите наш язык, этот дар, это достояние, переданное нам нашими потомками...”».

Или: «Как говаривала бабушка моего друга: “Глаза боятся, а руки делают”».

Полезность топоса *свидетельство* состоит в том, что ссылка на авторитетное лицо позволяет опереться на мнение авторитетного источника, которому можно доверять. «Свидетельство» показывает и самого оратора с выгодной стороны, поскольку являет его эрудицию и образованность. Для ораторского образования или в помощь ораторам и писателям традиционно создавались сборники афоризмов и крылатых выражений. Имеются они и сейчас: всякому оратору и писателю рекомендуется находить, записывать, запоминать и вовремя употреблять афористические высказывания, пословицы, мудрые мысли.

14. Топос «пример». Важнейшим способом добиться яркого воздействия на аудиторию, объяснить непонятное и пробудить угасающее внимание является **пример**. Пример привлекает прежде всего своей яркой конкретикой; кроме того, слушатель по аналогии будет предпринимать те же самые действия, которые внушаются ему силой примера. Современные СМИ, очевидно, даже злоупотребляют в рекламе примерами, герои которых становятся популярными на какой-то период времени (ср. Леня Голубков, «тетя Ася» и проч.). Однако всякий ритор должен иметь в запасе ряд выразительных примеров в подкрепление своих положений, поскольку именно примеры запоминаются и позволяют развернуть оригинальные и выразительные доказательства.

Пример является обязательным топосом в научном рассуждении. Иногда примерами злоупотребляют, когда хотят показать бесконечность и убедительность доказываемого положения.

Примеры делятся на литературные (взятые из художественной литературы), фактические (жизненные факты), авторитетные (из жизни великих или известных людей).

Классический пример из старинного учебника:

Ученье и труд преодолевают все препятствия. Так Демосфен, родившись косноязычным, победил природную скованность и стал лучшим оратором Греции [Кошанский 1829: 20].

Любопытно, что пример может не только последовать тезису, но нередко начинать речь. Американские риторика часто советуют начинать речь с примера. Впрочем, количество конкретных примеров, которые любят приводить некоторые западные разработки, что называется, «зашкаливает» за необходимую норму, становясь как бы свидетельством возможной бесконечности примеров в силу данного аргумента.

Пример является самым выразительным топосом в учебном диалоге. Ведь пример используется в том случае, когда объяснение затруднено по тем или иным обстоятельствам. Вот почему каждый ритор-преподаватель должен уметь живо ориентироваться в учебной ситуации и находить подходящие примеры для своей аудитории. Такие примеры могут продумываться в домашней подготовке, а затем откладываться в копилку преподавательской памяти, но извлекаются примеры всякий раз в новой обстановке, поэтому существует требование сиюминутной импровизации заготовленного примера (или примера, хранящегося в памяти), когда действует правило К.С. Станиславского: «каждый раз — как в первый раз».

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое *изобретение*? Какие синонимы вы подберете к этому слову? Насколько точно оно показывает характер нашего поиска мысли?

2. Что такое *тема*? Когда тема предлагается ситуацией, а когда приходится придумывать тему самим?
3. Попробуйте перечислить темы ваших разговоров с друзьями, с родителями, с тем или иным человеком. Насколько широки будут ваши темы? Сопоставьте их с темами ваших друзей.
4. Что такое *тезис*?
5. Что такое *общие места* (*топы, источники изобретения*)? Из какого языка слово «топ» («топос»)? Как общие места связаны с общественной моралью?
6. Как вы думаете: насколько изменились общие места после периода демократических преобразований в нашей стране? В каких суждениях и смене общественных ориентиров это проявляется?
7. Как общие места связаны с техникой изобретения мысли и развитием содержания речи?
8. Какие существуют топосы — виды общих мест?
9. Попробуйте развернуть доказательство по топосам, выбрав одну из тем (понятий, ключевых слов):
 - Вдохновение
 - Справедливость
 - Мужество
 - Красота
 - Решительность
 - Деловитость
10. Попробуйте развернуть доказательство по топосам, выбрав один из афоризмов (можете предложить свой афоризм):
 - Что бы ни случилось, не теряй бодрости. (Л.Н. Толстой)
 - Жизнь дается один раз, и прожить ее надо бодро, осмысленно, красиво. (А.П. Чехов)
 - Веселость — главная черта человечества. (Ф.М. Достоевский)
 - Чтобы сделать невозможное, нужно прежде всего отказаться от рутинных приемов. (Л.И. Шестов)

Глава VII

СТИЛЬ И КАЧЕСТВА РЕЧИ

§ 1. Общие понятия о стиле речи

Слово «стиль» — одно из основополагающих в человеческой жизни. Стилем называют способ, характер, общую манеру, образ существования и исполнения чего-либо. Категория стиля имеется во всем, что нас окружает, в то же время это чисто человеческая категория. Всеобъемлемость этого слова представлена в его многочисленных сочетаниях: стиль работы, стиль поведения, стиль игры, стиль в моде, литературе, архитектуре, музыке, живописи и. т.д. Понятие стиля — основополагающее и в риторическом убеждении. Выбрать уместный стиль в общении — это значит, во-первых, предстать человеком известного склада (аристотелевский «склад» несомненно равнозначен *стилю*), во-вторых, найти индивидуальный образ речи применительно к данной аудитории.

В риторике изучается **стиль речи**, воплощаемый ритором в его речевых поступках. Через стиль речи реализуется всякий человек. Стиль речи показывает способ выявления мысли в речевом поступке. Так как слово рождается в сердце человека, уже способ его размышлений, характер и устремленность помыслов являют первую стилевую характеристику человека, подчас невидимую для взоров посторонних людей и высвечивающую его внутреннюю суть. Поэтому риторика слушающего рекомендует вглядываться в каждого человека, пытаться понять его психологический склад и возможные речевые поступки. Воплощение мысли в словах — звуках или на письме — являют стиль речи как ее конечную реализацию. Если речь человека подразделить на то, *что, где и как* он говорит, то первая часть (*что?*) относится к изобретению мыслей (содержанию речи), вторая (*где?*) — к расположению, а третья (*как?*) — к стилю речи.

Каждый влиятельный ритор стремится сформировать свой индивидуальный стиль. Это не значит, что он непременно хочет «отличиться», напротив, стиль ритора может проявляться в особой скромности поведения, но главное, чтобы он утверждал значимую мировоззренческую позицию и, может быть, при немногословии становился влиятельным лицом. Ритор вне стиля — плохой ритор. Часто вспоминают слова Бюффона: «Человек — это стиль». И каждый человек непременно несет в себе компоненты определенного стиля как утверждаемой им философии, интересов, поступков. В оценке риторической деятельности важно представить, насколько тот или иной ритор опирается на культурные, этические, образовательные традиции и как он способен к творческой, инновационной деятельности в мысли и слове.

Стиль речи существует у каждого человека. Если первое восприятие человека начинается не с речи, а с внешнего облика, то следует говорить о комплексном восприятии человека, ибо стиль свойствен всем внешним атрибутам — знаковым характеристикам человека: его походке, телодвижениям, жестам, мимике, одежде, прическе. Во всех этих семиотических проявлениях человека имеется компонент стилевой культуры личности, который ориентирован на определенные нормы. Эти нормы, существующие как некоторый абстрактный идеал, принятый в обществе (как должно ходить, сидеть, одеваться, причесываться, есть, пить), в реальном поведении могут быть ориентированы на конкретный образец, пример, модель поведения, которым начинают подражать или которые начинают любить невольно, подсознательно.

Современные образцы стилевого поведения насаждаются средствами массовой информации. Как в теории именования можно говорить о 1) создателях нового имени (ономатотэте), 2) людях, оценивающих истинность и правильность создания имени (диалектиках) и 3) пользователях имени (большинство общества), так и в теории стиля имеются создатели стиля, его распространители («утвердители») и носители стиля. Создатель стиля — это человек, который предлагает в своем творчестве новую идею, оформленную стилистически оригинально. Эту идею оценивает

обычно некоторая профессиональная часть общества, которой доверено выносить подобные суждения. Основную часть общества составляют носители стиля.

Ю.В. Рождественский пишет, что современная массовая культура сводится к тем поновлениям, которые может внести индивидуальное творчество. Опасность состоит в том, что такое индивидуальное творчество, как правило, не основывается на культуре: «любое новообразование в любой сфере деятельности возможно только тогда, когда оно входит в определенную традицию, которую ассоциируют со сложившейся в прошлом культурой. Вхождение в традицию гарантирует успех новообразованию: прошлое как бы подкрепляет сегодняшнее и будущее, но истоки новообразования все же лежат где-то в глубинах фантазии и интуиции» [Рождественский 1999: 7].

Все выдающиеся люди — *создатели* определенного стиля мысли (они наверняка своеобразно и самостоятельно мыслили), стиля речи (они наверняка по-новому, небанально писали и говорили), стиля поведения в целом, который, конечно, есть прежде всего стиль общения. Всякий лидер утверждает свой «новый» стиль, а *новизна* — главное отличие риторики от «правильности» грамматики и «привлекательности» стилистики [Рождественский 1995: 7]. Кстати, лидер — обычно человек, либо «выдвинувшийся» благодаря речевым стараниям, либо «выдвинутый» кем-то благодаря его речевым качествам; оценка лидера определяется его *стилистической влиятельностью*, но меру этой влиятельности может показать только время.

Итак, стиль речи — это образ соединения мысли с речевым поступком. Мысль ратора, стремясь убедить аудиторию, не может не быть стилистически оригинальной, а способ выражения — эстетически выразительным. Исторически раздел риторики, касающийся способов выражения речи, назывался у к р а ш е н и е м р е ч и. Для того чтобы построить убедительную и действенную речь, необходимо, чтобы она соответствовала представлениям о *прекрасном* у оратора и аудитории. Представления об украшенном стиле в классических риториках вовсе не означали

некоей выпренности (как это пытаются представить ее позднейшие критики), но предполагали прежде всего стилистическую *уместность* средств выражения. Именно поэтому классические античные стили могли поляризоваться от стиля высоко торжественного, витиевато-украшенного, называвшегося *азиатским*, до стиля простого и незамысловатого (в простоте своя эстетика), называвшегося *азиатским* (об азиатском и аттическом направлениях и стилях см. статью С. Меликовой-Толстой: [Античные теории 1936: 162—166]). Как показывают наблюдения за современными риториками (особенно в процессе их обучения), эти две тенденции или стилевые характеристики продолжают тяготеть к двум описанным полюсам — литературно-распространенной украшенности и краткой простоте литературной правильности.

М.В. Ломоносов определял украшение как «изобретенных идей пристойными и избранными речениями изображение» [Ломоносов 1952: 236], т.е. найденные мысли необходимо выразить подходящими (приличными, уместно избираемыми) словами. Тот факт, что украшение как требование к современной речи не устарело, доказывается нашей общественно-языковой практикой. Никакое нейтральное, серое и банальное слово не действует на воображение слушателей, но какую бы ситуацию мы ни взяли, риторика рекомендует искать оригинальные слова и выражения, уместную форму голосоведения и пластического поведения, с тем чтобы соответствовать эстетическим вкусам аудитории.

Вследствие того, что речь воплощается в разных фактурах (устная, письменная, печатная, массовая коммуникация), стиль выражается разными семиотическими средствами. Так, если для устной речи значимы качества произношения, то в письменной или печатной речи средством создания стиля могут стать почерк или качество шрифта, расположение текста на странице, компоновка текста и рисунков, картин, графиков и т.д., в речи СМИ — не только качества звука и письма, но соединение устно-письменной речи с музыкой, изображением, графикой, видеорядом и т.д.

Рассмотрим эти компоненты более подробно.

§ 2. Компоненты ст иля речи

Стил ь речи выражен следующими параметрами:

1. **отбор слов**, или **лексическая стилистика**, — предполагается, что слова должны быть ясными, точными, чистыми, краткими, богатыми и разнообразными, оптимальными с точки зрения целеполагания — названные качества обычно характеризуют и общие качества ст иля (см. § 3);
2. **синтаксис речи**, или **стилистический синтаксис**, — здесь рассматривается оптимальное и целесообразное расположение слов в фигурах речи (фигурой речи называется целесообразная конструкция фразы, служащая обычно украшению и выразительности речи);
3. **стил ь произношения** в устной речи, **почерк**, **шрифты**, **оформление текста** в письменной речи. К параметрам ст иля произношения следует отнести деление речи на такты, паузацию, темп и ритм, интонационную выразительность, логические ударения, громкость, артикуляцию (дикцию), тембр голоса, громкость;
4. при анализе устной речи (семиотика устной речи) следует рассматривать также **стил ь пластики**, или (как писали раньше) **телодвижения**, или (как пишут ныне) **паралингвистические средства**: позу, походку, жесты, мимику — все, что относится к внешнему облику человека, так называемому «языку тела» (body language). С этого раздела начинается обучение ораторскому искусству, ибо прежде всего необходимо выучить оратора стоять, двигаться, владеть телом, поскольку наши мысли и слова связаны с образом нашего телесного поведения.

Стил ь и исполнение речи являются заключительным этапом создания речи с точки зрения говорящего, но в то же время это начальные характеристики, с которых начинается восприятие речи слушателем (аудиторией). При изучении ст иля речи необходимо помнить о том, что существует всегда некоторое преувеличение свойств ст иля со стороны слушающего, ибо только по

невнятного произношению, или неприятному невыразительно-му голосу, или «случайным» словесным ошибкам нередко делается окончательный вывод о характере говорящего (наклеивается «ярлык» — и не всегда справедливый) — и тогда деятельность оратора, сколь бы ни были «умны» его мысли, обречена на неудачу.

§ 3. Качества стиля (слога) как требования к речи

А.А. Волков предлагает следующее разделение терминов *слог* и *стиль*:

«Под *словом* мы будем понимать совокупность общеобязательных выразительных качеств речи, надежно обеспечивающих ее понимание и приемлемость.

Под *стилем* мы будем понимать совокупность особенных свойств речи, побуждающих читателя или слушателя опознавать, выделять и ценить речь именно данного автора.

Хороший слог, таким образом, составляет основу, на которой может строиться стиль как особая манера речи, порой нарушающая норму» [Волков 2001: 282—283].

Надо сказать, что эти определения имеют ясно прослеживаемую традицию в русских риториках и своеобразно ее развивают. У А.А. Волкова отношения слога и стиля принимают образ отношений общего и частного, индивидуального. К качествам слога или качествам речи им отнесены *правильность* (соответствие речи общеобязательным нормам современного литературного языка), *чистота* (однородность речи в отношении к общим и частным нормам литературного языка — становится понятной мысль автора, когда он приводит противоположное качество — «засоренность слога, которая является результатом механического смешения в речи различных функциональных, исторических, авторских стилей, включения в речь нелитературных слов и оборотов...»), *уместность* (правильный выбор выразительных средств языка по отношению к предмету речи), *красота* (совершенное выражение мысли посредством оптимального отбора, сочетания,

и соразмерного расположения слов и выражений» [Волков 2001: 283—293].

Созданные А.А. Волковым определения имеют ясную классическую традицию в русских риториках и учениях о речи, которая восходит, в свою очередь, к античной риторической теории о качествах украшенной речи. Античная традиция отразилась уже в начальном определении «украшения слова» первой русской «Риторики» 1620 г.: «Украшение слова есть которое *ясно* и *явно* и *сладкою* речию (*dilucida et perspicua*) или глаголанием дела и вещи объявляет и отвечаает и показывает» Чуть ниже ссылка на Цицерона, у которого указано на «четыре части: чтоб латинским и истинным языком (это требование чистоты. — *А.В.*), и чтобы ясно и не закрыто и украшенною речию или глаголанием удобно говорилось» [Аннушкин 1999: 66, 171]. И так, уже в XVII веке отмечаются качества ясности, чистоты, «сладости» и красоты («украшенности»), удобства (скорее всего, уместности).

Когда М.В. Ломоносов анализирует свойства «российского языка», он описывает качества речи-слога («великолепие... живость... крепость... нежность... богатство и сильную в изображениях краткость...») — и именно на эти качества будут ориентироваться создатели Словаря Академии Российской, когда в основание своей языковой реформы положат требование «чистоты языка» (см. более подробно в главе III, с. 70—71).

Современные исследователи должны, на наш взгляд, ясно осознавать, что, описывая качества современной речи, они основываются на глубокой исторической традиции — и эта традиция прорастает в современных спорах об иностранных заимствованиях, отражается в индивидуальном творчестве каждого автора через выбор им речевых средств.

Попробуем показать эту традицию более явно. В русской риторике слово *стиль* существовало параллельно со словом *слог*. В первой половине XIX столетия эти слова почти не различаются, хотя для знатоков латинского языка, каким был, например, учитель русской и латинской словесности Н.Ф. Кошанский, было очевидно, что оба слова восходят к латинскому *stylus*. В «Общей

риторике» он пишет: «Слог — стиль — перо — проза — все сии названия означают способ выражать мысли, искусство писать» [Кошанский 1834: 86]. Дав слову *стиль* этимологическое объяснение («у древних металлический прутик, с одного конца заостренный, с другого тупой... *Стиль* и *перо*, орудия *чем* пишут, принимаются за самое действие — *как* пишут»), Кошанский затем использует только русский термин *слог*, отмечая его свойства и разные виды (при этом везде в скобках оно переводится как латинское *stylus*). Два разделения теории *слога* показывают существующие до сих пор тенденции к делению на стили: первое разделение на *простой*, *средний* и *возвышенный* (ср. у А.А. Волкова выделение «высокого, среднего и простого (низкого) регистров» [Волков 2001: 289]; второе — на *периодический*, *отрывистый* и *прозаический*. Кроме этих общих делений, существует «слог в особенности», т.е. «частный слог как способ выражать мысли, свойственный каждому писателю порознь» (для А.А. Волкова это, по видимому, уже качества «стиля»).

Нет сомнения в том, что мы живем в эпоху, когда количество текстов, самой информации заставляет говорить о большем стилевом многообразии текстов, но и оно поддается систематизации и классификации. Очевидно, что изначальное деление на классические тенденции в стиле сохраняет свое значение. Обоснованное выделение А.А. Волковым понятий *слога* как общего и *стиля* как индивидуального в сущности не противоречит имеющимся в современной науке выделениям общих качеств хорошей речи (*стиля*) и индивидуального *стиля* (*идиостиля*). Теория качеств речи (теперь чаще «коммуникативных качеств речи») справедливо ссылается на богатые традиции в описании этих качеств, причем данная традиция не прервалась, несмотря на исключение риторики из системы преподавания. При этом обнаруживается выделение некоторых традиционно переходящих из одной теории в другую основных качеств речи (ср. классическую работу В.И. Чернышова «Правильность и чистота русской речи»). В системном представлении Б.Н. Головиным качеств речи рассмотрены семь основных качеств (правильность, чистота, точность,

логичность, выразительность, богатство, уместность) и три дополнительных (образность, доступность и действенность). Хотя можно согласиться с необходимостью выделения «основных» качеств, но столь же необходимо представлять, что стилистическая характеристика совершенной речи не будет исчерпана ни двадцатью, ни большим количеством качеств. Скажем более, всякое значимое описание хорошей речи должно с необходимостью предполагать качества стиля как «напряженного усилия выразить мысль» — и тогда эти качества могут развернуться в обширную характеристику.

Описание качеств стиля необходимо вести с представлением ясного определения, примеров и противоположного качества, показывающего, к чему должно и не должно стремиться создателю речи (этот методический прием использован в классических риториках). Попробуем исчислить эти качества так, как они представлены в классической и современной традиции:

1. Ясность связана с умением выразить мысль понятно и доступно. Ясность определяется как основное достоинство речи, поскольку позволяет ритору изложение трудного и сложного сделать прозрачным и усвоенным. «Кто ясно мыслит, тот ясно излагает» (Цицерон).

Современные теоретики часто пытаются определить качества речи через синонимические понятия, но определения оказываются недостаточными. Так, если ясность определить как «недвусмысленность» (Мучник), то последней категории недостаточно, ибо речь может быть определенной и недвусмысленной, но для получателя «неясной». «Ясность речи, или понятность, — начинает статью о *ясности* М.П. Котюрова, — одно из основных качеств или стилевых черт научного стиля, включающее в себя логичность, точность, сжатость, экспрессивность, стандартность» [Стилистический словарь: 677]. Неясно, почему потребовалось определять ясность как качество именно научного стиля (тогда придется описывать подробно другие стили), и очевидно, что перечисленные «включенные» качества только синонимичны, но обладают своими коннотациями.

Классические риторик более пространны, но и более точны. Ср. определение А.И. Галича: «ясность — выбор вразумительнейших слов и речений в таком порядке, чтобы значение предмета само собою представлялось слушателю или читателю, всегда почти сторонними мыслями развлекаемому, и не могло не быть схвачено...» [цит. по: Граудина 1996: 169]. Это старинное определение коммуникативно в современном смысле слова, поскольку предполагает реципиента, для которого сама ясность и существует.

Н.Ф. Кошанский пишет, что ясность требует «знания предмета» (противоположность — темнота, или непонятность), здоровой, основательной связи в мыслях (противоположностью будет «пустословие, бессмыслица, галиматья»), наконец, правильного порядка слов, точности и общей употребительности слов и выражений (противоположностью будут сбивчивость и недоразумение). Любопытно, что отсутствие ясности может проистекать от «излишней краткости» [Кошанский 1834: 96—97].

Таким образом, не всякая краткость оценивается как «сестра таланта», но иная сложно распространенная мысль, выраженная изящно и доходчиво, доставит аудитории не меньшее рациональное удовольствие.

2. Правильность — соответствие употребляемых слов, синтаксических конструкций, произношения нормам литературного языка. Правильность соотносится более с грамматикой, нежели с риторикой и стилистикой. Неслучайно риторика отделяется от грамматики, которая учит «токмо добре глаголати», возможным нарушением правильности и необходимостью говорить также «красно и прилично». Стилистическая задача ритора состоит нередко в нарушении стандартной правильности — и здесь решается проблема соблюдения меры, гармонии и вкуса через поиск ритором своеобразного воздействующего стиля — и этой меры часто не знают новаторы языка (чему мы являемся свидетелями в речи современных СМИ).

Так решается риторическая задача в создании новой формы в рекламном слогане «Сникерсни!» как очевидная попытка язы-

кового творчества — образовать на основе существительного «сникерс» неологизм глагол «сникерснуть». Общественный речевой вкус скорее отвергает такие попытки, но они начинают «со смехом» приживаться, решая риторическую задачу производства впечатления и закрепления в сознании слушателей и зрителей.

А.Ф. Мерзляков называет правильность первым из существенных свойств хорошего слога, которая состоит в «совершенном согласии между мыслью и словом». Однако саму правильность он определяет через «чистоту выражений, которая требует, чтобы мы, изображая нашу мысль, остерегались от всех слов и оборотов, чуждых нашему языку» [Мерзляков 1828: 20]. Так одно качество соединяется, переходит в другое и определяется через него.

Культура речи в ее становлении в 20—30-е годы прежде всего апеллировала к понятию правильности. Нарушения правильности речи вызывают всякие комические эффекты, которыми переполнены художественные произведения и кинофильмы. Ср. в «Кавказской пленнице»: «Чей туфля? — Мое».

3. Чистота — качество речи, предполагающее отсутствие элементов, чуждых нормативному литературному языку. Обратим внимание на то, что Словарь Академии Российской создавался с главной задачей обеспечить «чистоту языка». Это требование идет от античной традиции, где сформулирована рекомендация говорить «чистым латинским языком», без варваризмов (заимствований), без засорения своей речи грубыми и низкими выражениями. Таким образом, и современная чистая речь представляется прежде всего как речь, не отягощенная посторонними замутняющими или загрязняющими элементами. Такими элементами могут быть иностранные заимствования, жаргонизмы, диалектизмы, чуждые русскому языку по его природе или не вошедшие в его литературную норму, либо же — слова грубые, низкие, тем более непристойные, так называемая обценная лексика.

При всем том необходимо понимать, что абсолютно чистой речи, как правило, не бывает. Более того, стерилизованная речь вызывает неприятие, поскольку не показывает личности автора

и его стиля. Риторическое своеобразие несет в себе элементы неожиданных смысловых и стилевых находок. Чтобы эти находки соответствовали правильности и чистоте языка, требуется ориентироваться на историко-культурные и образовательные традиции, оправдывая свое речевое творчество этико-философской и профессионально компетентной позицией ратора.

4. Точность определяется как выбор нужных и оправданных ситуаций средств выражения. У А.И. Галича точность — «устранение всего излишнего или предложение только того, что нужно для обозначения мысли; следовательно, состоит а) в определительности и б) краткости... Точность языка зависит от точности мыслей. Мы погрешаем против нее, когда слова наши или не выражают того, что имеем в мыслях, или выражают более либо вдвойне то, что сказать хотели. Точности противно многословие или велеречие — обыкновенная погрешность слабоумных писателей, которые, не овладев своим предметом и потому не находя для него приличных выражений, думают изворотиться разными гадательными фразами и двусмысленными описаниями» [Галич 1830 — цит. по: Граудина 1996: 169].

Выбор точного слова, точной конструкции фразы — одна из основных задач опытного ратора (писателя или оратора). Неточность использованного слова ставит ратора в неловкое или неудобное, а иногда и катастрофическое положение. Действительно, человек часто «проговаривается» неточно употребленными словами.

5. Богатство — наличие в речи словесного разнообразия. «Богатство языка есть богатство мыслей» (Н.М. Карамзин), но мысль выражается словами, т.е. в языке. Богатство слов предполагает распространенность речи, ее «изобилие», в то же время «*богатство*» русского языка М.В. Ломоносов сопоставлял с «*сильной* в изображениях *краткостью*». Искусный ритор, пользуясь богатством и распространением слов, ощущает меру в распространенности речи.

6. Логичность — качество непротиворечивого сопряжения суждений, обоснованного перехода от одной мысли к другой.

Логичность находится на грани перехода от мысли к слову, ибо мысль нарушается ее выражением в словах.

Исчисленными качествами далеко не ограничивается теория качеств речи. Более того, чем глубже мы попытаемся войти в рассматриваемую проблему исторически и современно, тем более обнаружим необходимость обратиться, по крайней мере, к трем областям: 1) русским классическим риторикам, представляющим обширное разнообразие качеств речи, 2) античным риторикам или теориям речи, где набор основополагающих качеств примет своеобразный вид, 3) современным словарным характеристикам качеств речи, которые пока не терминологизированы в теории, но потенциально могут становиться «достоинствами» речи — и таких качеств набирается огромное количество.

Русские классические риторика выделают в дополнение к указанным следующие качества (их любопытно сопоставлять с современными теориями речи): **пристойность**, **благородство** = достоинство, **живость**, **красота**, **благозвучие** (А.Ф. Мерзляков 1828: 20–27); **приличие** = достоинство, **плавность**, **гармония** (**благозвучность**), **украшение** (**живопись слога**) [Кошанский 1834: 97–106]; **благозвучие** (выбор, состав и связь слов в предложении — «высокое достоинство речи») [Галич 1830 — цит. по: Граудина 1996: 170].

Из перечисленного многое потеряно в последующей переоценке. Например, **плавность** как достижение гармоничных переходов от одной мысли к другой достигается тем, что в тексте, подготавливаемом ритором, отсутствуют лишние слова, все элементы речи находятся как бы на своих местах, нет никаких деталей, о которые «спотыкается» мысль автора при перечитывании своего текста — и это же ощущение плавности и гармонии сообщается читателю и слушателю. Каждому профессиональному автору знакомо это ощущение окончательного гармоничного облика текста, рождаемого вдохновением и технически достигаемого регулярным переписыванием и редактированием текста (ср. противоположное у А.С. Пушкина: «ко звуку звук нейдет»).

Качества речи не исчерпываются не только выделенными в классической риторике, но и современными теориями качеств речи. Так, сами современные определения риторики рядом специалистов указывают прямо или косвенно на иной состав качеств, требуемых для речи: *эффективность, целесообразность, гармоничность, действенность*. Обратим внимание на такое качество речи, как *влиятельность*, предполагающее долговременное впечатление, производимое речью (Ю.В. Рождественский). Отличительное качество всякой воздействующей речи — ее смыслостилевая **новизна**, которая осмысляется как цель, определяющая смысл деятельности ратора.

В сущности, этими качествами не исчерпывается перечень качеств хорошей речи. Обратим внимание на то, что сам перечень мог бы составить длинный список прилагательных, подчас используемых в переносном смысле и объясняющих, какой же должна быть образцовая речь. Когда задание написать качества образцовой речи дается студентам или школьникам, они пишут списки до сотни прилагательных (или существительных) — ср.:

- Искренняя (лицемерная)
- Открытая (замкнутая, не желающая раскрываться собеседнику)
- Живая (замедленная)
- Легкая (затрудненная)
- Свободная (скованная)
- Энергичная (вялая)
- Вдохновенная (равнодушная)
- Компетентная (некомпетентная)
- Мудрая (глупая)
- Добрая (злая)
- Приветливая (неприветливая)
- Любезная (нелюбезная)
- Вежливая (невежливая)
- Обходительная (необходительная)
- Тактичная (бестактная)
- Учтивая (неучтивая) и мн. др.

Очевидно, что каждое из этих качеств речи способствует формированию в нашем представлении образа некоей совершенной речи как идеала-образца, к которому следует стремиться. Для риторического обучения значим сам факт размышления на эти темы, определения этих терминов, независимо от того, соотнесем мы эти слова со стилистическими категориями или нет. Впрочем, в каждой из перечисленных антонимических пар имеется как идея определенного смысла, так и средств выражения, которые могут предполагать «живая», «свободная», «легкая», «энергичная» и другие типы речи.

Впрочем, если стремиться к научной точности, то терминами следовало бы назвать две группы качеств: 1) классические, сохранившиеся в современных работах термины (*ясность, правильность, чистота, точность, уместность, логичность, красота, образность, простота, краткость* и нек. др. — здесь же подгруппа вышедших из современного описания: *плавность, приличие, живость, гармония, благозвучие*); 2) современные термины, выводимые из определений риторики как науки о речи (*эффективность, влияние, целесообразность, гармонизированность, воздействие, коммуникативность* и нек. др.).

Остальные качества, строго говоря, терминами не являются — во всяком случае при построении теории качеств речи. При их исчислении мы увидим разную заинтересованность исследователей в терминологизации тех или иных качеств: *вежливость* (значимо для теории речевого этикета), *тактичность, учтивость, любезность* (см. в описании правил хорошего тона в середине XIX века), *компетентность, коммуникабельность, толерантность* (заимствовано из современных западных коммуникативных теорий, становясь полноправными «русскими» терминами, хотя имеются понятия терпения и терпимости, однако последние не звучат «научно»). Некоторые слова, являющиеся основополагающими при описании характеристики человека (*добрый, мудрый, энергичный, сердечный* и пр.) едва ли могут рассчитывать на то, чтобы стать терминами качеств речи, хотя и могут быть употреблены применительно к речи. Они именно не научны, хотя в

культурообразующих текстах характеристика языка и речи ведется в основном через эти качества — ср. в Книге притчей Соломоновых эпитеты к *языку (речи, слову)* — *мудрый, добрый, разумный, умный, непорочный, праведный, правдивый, вдохновенный, верный, сказанный прилично, кроткий, мягкий, сладкий, приятный, важный*, и т.д. Действительно, в традиции современных исследований стиля речи не принято обращаться к категориям *мудрость, доброта, правдивость, кротость, сладость, приличие* (слово многомысленное), которые являются скорее категориями этики и философии, чем риторики.

В заключение этого пространного параграфа следует сказать о том, что мы не затронули еще одну из главнейших характеристик или направлений исследования качеств речи. Обычно исследуются положительные качества, но столь же необходимо рассматривать противоположные отрицательные качества. Мы предприняли такую попытку только в отношении древнерусских качеств речи — сложных слов, обозначающих качества речи (типа *доброречие / злоречие, благоязычие / злоязычие* — см. нашу «Историю русской риторики»). Изучение отрицательных слов не только оттенило бы положительные качества речи, но показало бы, например, по нашему предположению, их гораздо больший объем по сравнению с положительными качествами.

Недостаточность наших традиционных теоретических построений относительно качеств речи, когда исследователи находят в пределах десятка качеств речи и не показывают перспективы других «достоинств речи», доказывается обращением к классическим античным теориям, где после основных достоинств, указанных выше, описаны *величавость* и *внушительность* (противопоставлены *бедности*), *торжественность, суровость, стремительность, блистательность, горячность* (противопоставлена *вялости*), *простота, сладостность (украшение простоты), правдивость, мощь* (ср. «О силе риторической» Софрония Лихуда), а также недостатки речи — *сбивчивость, напыщенность, ребячливость, ложный пафос* [Античные теории 1936: 200–209].

§ 4. Отбор слов

Перефразируя известную поговорку, говорят: «Скажи мне слово — и я скажу, кто ты». Возможно, под «словом» здесь имеется в виду начало целой речи, но можно понять и буквально: иногда единственное произнесенное слово может характеризовать человека. Как правило, эти характеристики открывают человека с отрицательной стороны — человек, что называется, «проговаривается», являя в отдельных словах уровень культуры, образования, профессионального мастерства. Так, по отдельным словам мы узнаем стиль того или иного автора — К.С. Станиславский, читая своим актерам отрывки из разных писателей, предлагал угадывать, кому эти тексты принадлежат.

Вот несколько примеров — читатель может проверить себя, свое чувство литературного стиля:

1. «В субботу поперли мы с супругой кинодраму смотреть...» Разберем этот текст последовательно по словам: Если слово *суббота*, принадлежащее нейтральному стилю, ничего не говорит читателю, то слово *поперли* мгновенно высветило и обличило говорящего как носителя грубо-разговорного стиля. По контрасту с ним использовано слово *супруга*, являющее желание говорящего показать себя приобщенным к культуре. *Кинодрама* ясно привязала все предложение к определенному времени нашей истории — 20—30-м годам XX века, когда кинофильм назывался *кинодрамой*. Для большинства читателей ясна фамилия автора — Михаил Зощенко.
2. Авторский пример: Блистающая чистотой школа, в вестибюле никого, вхожу и направляюсь по сверкающему коридору в кабинет директора. Вдруг, как выстрел в спину, — резкое обращение незамеченного мной дежурного с соответствующей интонацией: «Мужчина, куда идете-то?» И *мужчина*, и интонация, и редукция гласных «идеть-та-а?» произвели вкуче незабываемое впечатление. Относительно обращения *мужчина / женщина* попутно следует заметить следующее: в современном русском этикете **есть** обращения к незнакомым мужчине или женщине, — и они состоят в том, что говорящему

рекомендуется осуществить выбор в богатом составе синонимических средств, привлекающих внимание адресата: *«Будьте добры! Будьте любезны! Извините, пожалуйста! Одну минутку (минуточку)! Подождите, пожалуйста!»* и т.д. Чем пространнее и неожиданно «любезнее» будет обращение, тем более явится стилистическое богатство речи говорящего и привлечется внимание адресата. Последующей рекомендацией к этикетному ведению диалога, если диалог продолжается, будет выяснение имени собеседника и возможно более частое обращение по имени.

3. Также авторский пример: Автобус. Двери открылись, часть пассажиров вышла и двери закрылись... Вдруг с улицы девушка 15—16 лет вскрикивает в окно автобуса: «Мама, идиотка, выходи!..» От смущения и смеха пассажиры, что называется, прыснули и опустили глаза, мама не знает, куда деваться, но — девушка уже «проговорила»...
4. Но вот примеры неожиданных слов, являющих, конечно, неожиданность мысли замечательного стилиста: «Любим ли мы язык наш благозвучный и сильный, как грудь славянина, богатый и разнообразный, как обитаемая им страна?..» Так играют прилагательные в речи блестящего стилиста — автора современной духовной публицистики Иоанна Крестьянкина.
5. Найти точное определение, неожиданное по мысли и словесному составу, новое по выявляемому в предмете речи содержанию — задача всякого автора. Разговор — о семье: «Духовная атмосфера здоровой семьи призвана привить ребенку потребность в *чистой любви, склонить к мужественной искренности и способности к спокойной и достойной дисциплине*». Неожиданность точной метафоричности, выявляющей сущность явления с новой стороны (*мужественная искренность, спокойная и достойная дисциплина*), характеризует черты стиля выдающегося русского философа Ивана Александровича Ильина.
6. К сожалению, с точки зрения состава слов не проанализирована русская научная проза. Мы не имеем в виду описание

научного стили с выделением в нем всем известных качеств (логичность, точность, доступность, терминологизированность, полнота нек. др). Нами не разобрано творчество замечательных русских стилистов, каким являлся, например, академик В.В. Виноградов с его необыкновенным богатством синонимии в поиске средств выражения научной истины (см. более подробно наш очерк о В.В. Виноградове — [Аннушкин 2000: 91—120]. Не проанализировано стилистическое творчество А.Ф. Лосева, который в последние годы «писал» уже диктуя, но память и сила мысли были таковы, что чеканности и богатству смысловыражения это не мешало. Можно указать также на творчество русских востоковедов В.М. Алексеева, Н.И. Конрада и др., чьи научные сочинения при всей строгости построения обладают личностным стилевым своеобразием.

§ 5. Стилистический синтаксис. Построение фразы и фигуры речи

Искусство ритора состоит также в том, чтобы оптимально и эффективно расположить слова в речи. Особое построение высказывания, сделанное в соответствии с замыслом говорящего и ситуацией общения, называется **фигурой речи**. Фигура речи предполагает искусное и украшенное расположение слов в предложении или фразе. Впрочем, особое построение можно обнаружить во всяком высказывании, ибо слово «просто так не молвится». Даже самая простая фраза или назывное предложение имеют ясное намерение краткостью и сжатостью выразить стилистическое намерение создателя речи: «Зима. Что делать нам в деревне?...» или «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...» В классических риториках *фигурой речи* называют украшенное построение речи, но можно предположить, что и самая простая речь имеет стилистический замысел украшения речи «простотой» — подобно протопопу Аввакуму, который утверждал, что «не обык речь красити», но его «в простоте Богу угождение» обладало такой степенью

риторической украшенности, которая снискала ему славу главного писателя-ритора XVII века.

И все-таки изначально фигура речи отличена от обыденной речи именно словесной украшенностью, *фигура речи* — украшенное искусное построение фразы (предложения), особая конфигурация (вид, сплетение, расположение), способствующая яркому выражению мысли ритора. Замысел создателя речи может присутствовать уже в работе над однословным высказыванием, когда с целью изменения смысла слова изымаются или прибавляются буквы в слове («виды претерпеваний слова»), в сложных высказываниях обычно можно разглядеть множество (контаминацию) фигур, непосредственно вытекающих одна из другой.

Так, самая простая учебная фраза «Студент читает, преподаватель слушает» содержит в своем построении ряд фигур: 1) фигуру параллелизма (параллельные конструкции); 2) фигуру контраста, антиномии, антитезы, противоречия (читает ≠ слушает, студент ≠ преподаватель) 2) фигуру повтора (здесь это гомеотелевтон — подобие окончаний: *читает...*, *слушает*).

И все-таки простая речь традиционно отличается от украшенной, искусной. Простая речь не требует обученности, украшенная речь есть следствие школы, обращения к образцам речи, она более сложна, элитарна, аристократична. Обучение искусной речи потребовало систематизации и классификации средств украшения речи — и такие классификации тропов и фигур речи существовали с древнейших времен. В настоящее время существует множество классификаций тропов и фигур речи. Построение исчерпывающей классификации в принципе невозможно, но можно показать принципы, по которым создаются фигуры речи. Показав эти принципы теоретически, можно переходить к тренировке и практическому обучению.

Последовательное изложение теории тропов и фигур предполагает следующее деление в восхождении от простого к сложному:

1. Виды претерпеваний слова.
2. Тропы как способы создания переносного значения слова.

3. Фигуры речи, образованные от слова.

4. Фигуры мысли (акцентировка на выражение смысла, намерения речи).

1. **Виды претерпеваний слова** (греч. παθη) — способы изменения слова с целью добавления нового смысла или стилистической окраски. Виды претерпеваний слова изучались не столько в риторике, сколько в грамматике, поскольку изменение слова создает новые грамматические формы. Здесь вновь наблюдается разница в учениях о речи: в грамматике описывается общее учение о языке, а применяется язык в действии в риторике и стилистике. Поэтому прием создания нового смысла с опорой на существующее значение слова используется и в шутку, и всерьез, и старым, и малым, и в политике, и в рекламе, и в средствах массовой информации.

Например, известная фраза «Спасите наши души» может претерпевать в наших СМИ множество изменений в зависимости от идеологии и стиля изданий: «Спасите наши уши» (если речь идет о музыке), «Спасите наши туши» (если речь идет о продаже мяса), «Спасите нашего Буша» (если требуется ироническая критика американского президента) и т.д. Такие вторичные смыслы создаются особенно охотно молодежными изданиями. Каждое такое вторичное название есть игра со словом для того, чтобы вызвать определенные культурные ассоциации и на этой основе создать новый смысл текста. В русистике такой единице дано название **логоэпистема**, которая определяется как «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате создания и постижения духовных ценностей отечественной и мировой культур» [Бурвикова, Костомаров, Прохоров 2003: 44]. Логоэпистема не только указывает на породивший ее текст или ситуацию, она может «возобновляться и видоизменяться — в пределах сохранения опознаваемости».

Не только детские дразнилки основаны на подобной работе со словом, но и политические пропагандистские компании ведутся созданием нового смысла слова через его претерпевание: приватизация — прихватизация, демократия — дерьмократия, и т.д. Ср.

также переосмысление имен и фамилий политических деятелей через их намеренное искажение. Вопросы вкуса, а иногда и приличия, считаются при этом второстепенными — главное добиться риторического эффекта — сиюминутного воздействия на чувства аудитории.

В классической школе до середины XIX века фигуры последовательно исчислялись и описывались, а ученики, видимо, заучивали их как образцы с примерами, затем тренировались в составлении фигур речи. Формальное заучивание («зубрежка») критиковалась наиболее передовыми авторами (М.М. Сперанский, К.П. Зеленецкий), но надо сказать, что такая критика раздавалась обычно с их стороны только после того, как они сами овладевали этой теорией и мастерски ее применяли. Характерно замечание Я.К. Грота в письме ректору Санкт-Петербургского университета П.А. Плетневу, после того как судьба риторики уже была предрешена, где он указывает, что не знает ничего лучше «педантичной» риторики Кошанского.

Действительно, схоластическое бездумное заучивание бесполезно (мало ли его в наши дни!), но ученику необходимо предоставить принципы создания нового смысла с помощью работы над словом или фразой. И эти принципы и возможности часто гораздо богаче, нежели их представление в современных руководствах.

Виды претерпеваний слова классифицируются по следующим операциям:

прибавление — убавление — замена (перестановка)

в начале слова — в середине слова — в конце слова

В результате выстраивается следующая таблица греческих терминов:

	прибавление	убавление
в начале слова	протеза	афереза
в середине слова	эпентеза	синкопа
в конце слова	пропаралепсис	апокопа

2. **Тропы** — слова и обороты, употребленные в переносном значении. Уже в древности отмечается многообразие видов тропов и невозможность их исчерпывающей классификации. Марк Фабий Квинтилиан писал: «Троп есть изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения. Как среди грамматиков, так и среди философов ведется неразрешимый спор о родах, видах, числе тропов и их систематизации». [Квинтилиан — цит. по: Античные теории 1936: 215].

В русских учебниках риторики существовала достаточно устойчивая традиция описания тропов, очевидно восходящая к античным теориям стили. Во всяком случае сопоставление первой русской «Риторики» 1620 г. с «Общей риторикой» Н.Ф. Кошанского 1829—1849 гг. показывает идентичность терминологии при несомненном обогащении содержания. Впрочем, современные теории тропов несомненно продолжают единую научно-дидактическую традицию. Употребление тропов в реальном риторическом творчестве происходит в некотором смысле спонтанно, поскольку, конечно, создатель текста не задумывается над тем, какой вид тропа он употребляет. Поэтому значим сам факт образного осмысления действительности, создания новой смысло-стилистической картины объекта. Тайна творчества состоит в том, что художнику трудно сказать, сознательно ли он употребил тот или иной троп, который действительно рождается в результате некоторого умственного и эмоционального усилия, озарения, называемого вдохновением:

А что такое вдохновение?
Так, неожиданно, слегка,
Сияющее дуновение
Божественного ветерка. (Г. Иванов)

Ветерок и дуновение сопряжены с *вдохновением*, а *дуновение* — с озаряющим, *сияющим* светом поэтической мысли. Качества ветерка перенесены на вдохновение, а качества света — на дуновение. Собственно поэтическое творчество часто как раз и состоит в том, чтобы находить такие неожиданные метафоры.

Поскольку, в сущности, соотнесено может быть все со всем, такая необычность сравнений нередко и используется в поэтическом творчестве — здесь-то и начинает действовать классическое предупреждение о том, что иносказательность и загадочность метафорики текста не должны замутнять чистоты и ясности его смысла. Против излишеств риторических украшений предупреждал в оригинальной форме еще Софроний Лихуд, писавший о некоторых творцах, которые «носятся весьма» с «уловлением письмен, речений и периодов — подобно детям, которые, не ведая цены злата и бисеров, словно цветеные камни при брегах собирают и о них чудно радуются».

Тропы бывают словесные и описательные. Видами словесных тропов являются следующие: метафора, метонимия, синекдоха, гипербола, литота, металепсис, катакреза, перифраза, металепсис.

Исчислим виды тропов в сравнении классических теорий и некоторых современных учебников риторики и стилистики:

- 1. Метафора** — основной вид тропа, состоящий в переносе слова от собственного значения к несобственному по *подобию* (обычно рассматривались 4 вида переносов от одушевленного / неодушевленного к одушевленному / неодушевленному). Пример: «Радуйся, земля, и веселись, небо!»
- 2. Метонимия** — перенесение по *качеству* (человек вместо творения, причина вместо действия, содержимое вместо содержащего и т.д.).
- 3. Синекдоха** — перенесение по *количеству*.
- 4. Гипербола** — преувеличение.
- 5. Литота** — преуменьшение.
- 6. Металепсис** — перенос слова через два или три значения (Кошанский).
- 7. Катакрезис** — троп, «во зло употребленный, т.е. некстати выисканный, неуместный, низкий, пошлый» (Кошанский).
- 8. Перифраза** (парафраза) — оборот, состоящий в замене названия предмета описанием его существенных качеств [Стилистический словарь 2003: 461].
- 9. Антономасия** — замена имени вместо творения (служить Вакху).

Описательными тропами (иносказательными распространенными, «сказательными») являются **аллегория, ирония, энигма (загадка)**. Сюда же примыкает паремия (пословичное выражение), имеющее намек.

Аллегорию можно объяснить как распространенную метафору, когда в нескольких словах, выражениях или целом рассказе рисуется картина намека на какое-то событие или человека.

Ирония — перенос положительного смысла в «противное значение». В первой русской «Риторике» ирония названа «злосхвалением». Классический пример: «Радуйся, царю Иудейский!»

Энигма — загадочное положение, пробуждающее мысль аудитории своим необыкновенным или неожиданным ходом сравнения, намека и под.

3. Классификации **фигур речи** представляются многочисленными, а само количество фигур — необозримым, тем не менее и здесь можно увидеть не только определенную систему, но и традицию. Если заглянем в античные теории языка и стиля, то увидим, что фигуры по способам образования делятся на созданные путем добавления, путем сокращения, путем созвучия и путем противоположения.

Путем добавления создаются: *удвоение* (повторение одного или нескольких примыкающих слов), *эпаналепсис* (повторение союза), *единоначатие*, *анафора* (повторение в начале), *антистрофа*, *эпифора* (повторение в конце), *охват* = *симплога* (частое повторение начального и конечного слов), *эпанод* = *регрессия* (слова, поставленные рядом, затем повторяются отдельно), *политотон* = *разнообразие падежей* (изменение падежей в одном или нескольких именах), *истолкование* = *экзегеза* = *интерпретация* (синонимический повтор), *метабола* (объединение ряда видоизмененных повторений), *сплетение* = *плова* (изобилие повторений), *бессоюзие*, *многосоюзие*, *лестница* = *климакс* (повторение в начале слова, которым заканчивается предыдущая фраза).

Фигуры, образованные путем сокращения: умолчание, зевгма и др.

Фигуры, образованные путем созвучия, например, *антанакласа* (повторное употребление одного и того же слова в другом

падеже — пример повторен в первой русской «Риторике»: «у кого нет в жизни ничего привлекательнее самой жизни, тот не в силах проводить жизнь доблестно», сходство падежных окончаний = гомойоптотон.

Фигуры, образованные путем противоположения: *антитеза* (речь состоит из противоположных понятий: «приятно лесть начинается и горько кончается»); *антиметабола* (перестановка: «надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть»).

Очевидно, что изучение фигур речи и составление их классификаций, а затем тренировка в составлении возможных подобных фигур были способом обучения как в риторических школах античности, так и в русской школе, по крайней мере, до 30-х годов XIX века. Уже в конце XVIII века эффективность формального изучения классификационных схем вызывала большие сомнения, хотя их образцовость удерживала предмет риторического обучения.

Из схем, которые мы имеем в русской традиции, заслуживают рассмотрения прежде всего, по крайней мере, три: обширная классификация фигур речи в первой русской «Риторике» 1620 г., ломоносовская классификация в «Кратком руководстве к красноречию» 1748 г. и классификация Н.Ф. Кошанского в «Общей риторике» 1829–1849 гг.

В первой русской «Риторике» после исчисления тропов изложены три порядка фигур: 1) в «начальном порядке фигур» грамматические фигуры («виды претерпевания слова») и 12 риторических фигур «сложения слов»: фигуры повторов, бессоюзие, многосоюзие и др. 2) 10 фигур мысли, придающих «движение и действие» речи: риторический вопрос, ответ на собственный вопрос, сомнение, парадокс, общее со слушателями рассуждение, умолчание и т.д.; 3) 31 фигура речи — фигуры третьего порядка, служащие расширению и распространению речи (амплификация). Подробно — см. [Аннушкин 1999]

При всей кажущейся схоластичности этих построений многие определения и комментарии имеют культурное продолжение в современных трудах и практике речи. Например, первые две

фигуры из способов распространения (амплификации) называются ауксесис (преувеличение) и тапиносис (преуменьшение). В первом случае ритор употребляет слово в преувеличивающем значении: «вместо ругаться — беситься, вместо вины и греха — злодеяние и преступление», во втором — в преуменьшенном: «вместо бешенства — гнев, вместо злодеяния — ошибка». Эти риторические приемы преуменьшения и преувеличения описаны также в эристике (см. классическую книгу об искусстве спора С.И. Поварнина — Поварнин 2002) и хорошо известны современному пиару, правда, в последнем иногда описываются как открытия нового времени.

Ломоносовская классификация, как и классификация Н.Ф. Кошанского, строится по той же принципиальной схеме. Они родственны и стилистически. Автор приводит определение, а затем пример (у Н.Ф. Кошанского примеры кратки и многочисленны). Приведем классификацию Н.Ф. Кошанского:

Фигуры слов:

1. от недостатка слов (1. умолчание, 2. бессоюзие);
2. от избытия (1. многосоюзие, 2. единозначие — либо в словах, *synonymia*; либо в выражениях, *exergasia*);
3. от повторения и сходства слов (1. усугубление, 2. возвращение, 3. единоначатие, 4. единоокончание, 5. совокупление, 6. восхождение, 7. окружение, 8. наклонение, 9. отличие: а) употребление слова в разных значениях, б) различие — употребление разных слов в одном значении; 10. соответствие).

Фигуры мыслей, убеждающие разум: 1. предупреждение 2. ответствование, 3. уступление, 4. разделение, 5. перемещение, 6. остроумие, 7. отступление, 8. возвращение, 9. наращение, 10. потрафление.

Фигуры мыслей, действующие на воображение: 1. изображение, 2. одушевление, 3. заимословие, 4. противоположение, 5. сравнение, 6. определение, 7. напряжение, 8. превышение, 9. умаление, 10. невозможность.

Фигуры мыслей, пленяющие сердце: 1. сообщение, 2. сомнение, 3. умедление, 4. обращение, 5. прехождение, 6. удержание,

7. заклинание, 8. желание, 9. вопрошение, 10. Восклицание [Кошанский 1834: 112 о б щ е н и е 131].

Описание Н.Ф. Кошанским видов тропов и фигур представило собой вершину полноты и педагогического совершенства. Каждый из терминов имел латинский перевод — фактически весь российский опыт предыдущих классификаций, как в русских, так и в латинских риториках, был обобщен в руководстве риторического учителя А.С. Пушкина. И сделано это было как будто для того, чтобы подготовить в России новое риторическое движение в сторону художественной словесности с ее принципами (казалось бы!) ненормированного и не регламентированного никакими правилами создания текста.

Во всяком случае К.П. Зеленецкий, отнеся к логике возможности изобретения мыслей, оставляет риторике анализ той части науки, которая составляет ее «высшее цветение, сообщает ей силу убеждения, живописность и одушевление» [Зеленецкий 1846: 95]. Употребление же риторических правил не связывается даже с риторикой, которая не может брать на себя роль «руководителя». «Указаниями» творца, по мысли Зеленецкого, могут служить лишь его «собственный гений и признание». Исходя из того, что «верховными деятелями нашего духа» являются «ум, воля и изящное чувство», Зеленецкий обосновывает деление на фигуры, которое заимствуется, конечно, из предшествующей традиции:

- фигуры слов (оттого, что ум стремится к ясности);
- фигуры, действующие на воображение (от живописности речи, поставляющей пред нашими «духовными очами образы мира видимого»);
- фигуры, действующие на ум (воля, приводит к силе убеждения, эти фигуры «увлекают волю»);
- фигуры, действующие на чувства (одушевленность, действующая на чувства);
- речь иносказательная (тропы, иносказание) [Зеленецкий 1846: 96].

В современной науке теория фигур речи окончательно реабилитирована, однако внимание к ней может колебаться и в неко-

торых пособиях состав фигур сокращается до минимума. Необходимо определить, каков оптимальный метод овладения фигурами речи, как возможно построить способы анализа фигур.

Классификация А. А. Волкова содержит фигуры **выделения** и **диалогизма**, причем первая — группа фигуры — выделения имеет пять подгрупп:

1. добавления и повторы (эпитет, плеоназм, синонимия, аккумуляция, градация, экзергазия, реприза, восхождение, отличие — плока, наклонение — полиптотон, сочетание — симплока, анафора, эпифора, окружение, конкатенация — присоединение, интерпретация, экспликация — заполнение, многосоюзие, бессоюзие);
2. сокращения и значимые нарушения смысловой и грамматической связи (эллипсис — намеренное опущение слова или оборота, силлепсис — значимое нарушение синтаксической связи или смыслового согласования, эналлага — употребление слова или конструкции вместо ожидающейся другой, ирония — неожиданное и как бы неуместное использование слова, вызывающее комический эффект, анаколуп — нарушение синтаксической связи, когда подчиненный член словосочетания выносится на уровень отдельного члена предложения, удержание = апозиопея — обрыв речи);
3. перестановки и трансформации (гипербатон — выделение темы высказывания путем ее постановки в начале или конце фразы, хиазм, метабола, антиметабола);
4. распределение элементов фразы (разделение, соответствие, антанаклаза — соединение понятий, которые разворачиваются в параллельных конструкциях, эпимона = эпифонема — полный или переифрастический повтор какой-либо части фразы в различных контекстах)
5. определение и сравнения (определение, сравнение, перефраз, этимология, антитеза, парадиастола, оксюморон).

Фигуры **диалогизма** создаются «для диалогического эффекта в монологической речи»: диалог, предупреждение, ответственность, сообщение, заимословие — созданная автором речь, пред-

ставляющая определенную позицию или точку зрения, цитата, аллюзия, риторический вопрос [Волков 2001: 309–329].

На сегодняшний день это наиболее полная систематизированная классификация, основанная на историко-культурных ассоциациях. Обычно классификации фигур речи, созданные в учебных целях, предлагают только основные фигуры речи. В учебных целях следует обращаться к конкретному анализу текстов, где в подавляющем большинстве случаев обнаруживается контаминация фигур, их смешение, соединение, наложение друг на друга (см. об этом исследование И.В. Пекарской [Пекарская 2000]). При этом обучающемуся небесполезно наблюдение фигур в речи образцовых стилистов или тех текстов, на которые он идеологически (профессионально, стилистически) ориентируется.

Для речевого творчества значимо сознательное и умелое использование тропов и фигур речи, других средств выразительности. Хотя самонаблюдение в процессе реального ораторского действия невозможно, но тем не менее возможен анализ текста, который позволяет реально увидеть, насколько тот или иной оратор (выступающий) был затруднен (или, напротив, сознательно искусен) в создании своего текста. Поэтому при рассмотрении контекстов устной ораторской ли письменной речи следует не просто оценивать наличие фигур речи, а давать им оценку относительно того, искусно ли построена речь с точки зрения использования фигур, построения периодов, либо же, наоборот, различаемые «фигуры» как форма текста только затрудняют коммуникацию. В этом смысле следует рассматривать фигуры повтора как оптимизирующие общение и, наоборот, затрудняющие его (когда повтор становится тавтологическим, а не сознательно включенным в фигуру речи).

Разберем ряд примеров. Вот расшифровка речи современно-го политического деятеля (предлагаем читателю по возможности попытаться объективно оценить синтаксико-стилистические качества этой речи, чтобы фамилия известного оратора не предвкусывала его оценки):

Что касается этих заявлений / я просто могу сказать: жаль!
/ мне просто жаль времени / Даже времени вот сейчас объяс-
нять эту ситуацию — почему? / Это обычная мне кажется игра
/ непотребная по сему / по сегодняшним проблемам и време-
ни / Чтобы мы могли выпустить сегодня такой мощный залп
/ как говорят из-за того, что кого-то / куда-то назначили //
Можно подумать что у нас другого других забот нет / Я этого
не понимаю / Если это политическая игра / если это показуха
/ если она кому-то нужна / если она что-то решает или если
она что-то делает / то только не / не то что нужно сегодня для
России и для страны // Мне так и хочется сказать / Да люди!
/ Не обращайтесь вы на это внимания ! / Не до этого нам сегод-
ня и сейчас, чтобы думать и обсуждать / какого зама кому
поставят / Поэтому я этого не понимаю и не приемлю. / Не
приемлю / не до этого нам сейчас / чтобы обсуждать такие
дела...

(В.С. Черномырдин. Выступление после заседания
правительства 30 октября 1996 г.)

Стилистический анализ этого текста может показать, что в нем множество фигур: повторов (лексических и синонимических), параллельных конструкций, подхватов, обращений, восклицаний, эллипсисов, фигур диалогизма. Тем не менее несовершенство образа текста очевидно. Мы не говорим, что критика текста начинается уже с этической позиции автора, который призывает как бы не обращать внимания на очередную значимую отставку в его правительстве. Но «выдает» оратора и стилистическое несовершенство речи, в которой отсутствует наращение смысла, например, кажущаяся фигура анафоры с синонимическими повторами (*если..., если...*) не добавляет нового смысла в речь, хотя, казалось бы, эта фигура развивается в тексте с наращением. Особенно тавтологичны синонимы *для России и для страны, сегодня и сейчас, думать и обсуждать, не понимаю и не приемлю...*, хотя в последних появляются, как будто, новые стилистические коннотации. Но они звучат повторами в речи оратора, пытающегося сказать

много лишь для того, чтобы «заговорить» аудиторию, усыпить ее интерес количеством слов.

Неудача «коридорных» выступлений многих политиков (не только В.С. Черномырдина) связана с представлением о том, что теперь можно говорить неподготовленные речи — и народ «стерпит» любую импровизацию. Но вот пример подготовленной речи, прочитанной по письменному тексту. Спичрайтер напичкал эту речь множеством фигур:

Дорогие россияне!

Многие из нас сидят сейчас за новогодним столом и с волнением ожидают боя курантов. В такие минуты мы ¹вспоминаем год уходящий, ²вспоминаем все хорошее, что он нам принес, и ³надеемся, что все плохое останется позади.

Что говорить: год был непростым ¹для страны, ²для многих из вас и ³для меня тоже, но новогодняя ночь — это всегда ¹новые надежды, ²новые мечты, ³новые планы.

Мы хотим, ¹чтобы были счастливы наши дети, ²чтобы чувствовали внимание и заботу все, кому это сейчас так необходимо, ³чтобы каждый гражданин России всегда ощущал достоинство и величие своей страны.

Наступающий год приближает нас к началу третьего тысячелетия и мы уже чувствуем дыхание нового XXI века. Какой в него войдет страна, зависит от каждого из нас, ¹от нашего таланта и трудолюбия, ²упорства и воли, ³единства и сплоченности. Да, мы все очень разные, но вместе мы и есть Россия...

(Речь Б.Н. Ельцина на Новый 1999-й год).

Стилистически текст несовершенен не только вследствие недоверия к оратору, находившемуся уже на закате своей политической карьеры (мы призвали бы читателя отвлечься от индивидуальных пристрастий), но прежде всего наличием банального содержания, выраженного в искусственно построенных стилистических фигурах. Обратим внимание на то, что спичрайтер создал для своего клиента везде тройственный повтор, предпола-

гая, что использовать пространные конструкции его клиенту трудно. От этого произошло поразительное стилистическое однообразие, которое ритор пытался победить свойственной ему экспрессивностью, но не мог.

Мы привели эти примеры не для того, чтобы критиковать достаточно дискредитировавших себя содержательно и стилистически ораторов. Неудача их политической карьеры связана именно с несовершенством их риторического и стилистического облика. Незнание риторики приводит к тому, что даже грамотный спичрайтер не в состоянии удовлетворить намерения оратора, должно быть, также не удовлетворявшегося собственными речами. Свидетельством этого явились отвержение Ельциным в знаменитой «отказной» речи на Новый 2000-й год следовать намеренному спичрайтером плану и попытка говорить без «текста» (см. анализ этой речи в главе IX «Ораторское искусство», с. 242—243) — к сожалению, искренняя импровизация (вне знаний риторики поздравительной речи) также имела малый успех.

Стилистическое образование ратора состоит в разборе текстов (речей) образцовых авторов, поэтому важно, какие образцы находит для себя каждый ученик в риторике. Вот взятый почти наугад текст И.А. Ильина «Слово о России»:

И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык.

В нем — вся она, наша Россия. В нем все дары ее: и ширь неограниченных возможностей; и богатство звуков, и слов, и форм, и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота. Все доступно нашему языку. Он сам покорен всему мировому и надмирному и потому властен все выразить, изобразить и передать.

Горе нам, что не умели мы беречь наш язык и бережно растить его — в его звучании, в его закономерной свободе, в его ритме, в ризах его органически выросшего правописания. Не любить его, не блюсти его — значит не любить и не блюсти нашу Родину.

(«О России», 1947)

Какие фигуры выделяются в этом тексте?

- подхват (текст как бы начат с продолжения предшествующей мысли): «И еще...»
- инверсия (логика текста потребовала перестановки дополнение — сказуемое — подлежащее: «дар дала нам наша Россия»);
- анафора — вообще наиболее часто употребляемая фигура: «это *наш* дивный, *наш* поющий, *наш* могучий...», «в *нем* вся она, наша Россия, в *нем* все дары ее»;
- неоднократный синонимический повтор с нарастанием смысла: «выразить, изобразить и передать», «бережно»;
- антитеза, мастерство которой состоит в том, что она не прямо противопоставляет смысл слов, а, противопоставляя, разнообразит значения так, что слова не являются прямыми антонимами, но обогащены смыслом: «и стихийность, и нежность; и простота, и размах, и парение; и мечтательность, и сила; и ясность, и красота». Все эти сопрягаемые после точек с запятыми слова противопоставлены лишь частично, заставляя читателя размышлять над глубиной и разнообразием выраженных идей; впрочем, более ясная антитеза в словах «покорен» и «властен»;
- многосоюзиe = полисиндетон: «и..., и..., и...»;
- бессоюзиe: «не любить его, не блюсти его...» и т.д.

Очевидно, что это не все, что можно сказать по поводу фигур и стилистических приемов в данном тексте. Однако поскольку мы утверждаем, что всякий значительный автор (оратор) имеет свой стиль, покажем индивидуальность стиля еще на одном примере, на этот раз из научной речи. Академик В.В. Виноградов, блестящий знаток русского языка, всю жизнь размышлявший над судьбами русского слова и постоянно занимавшийся писательским трудом, никогда не сворачивал свою мысль, а развивал ее в богатстве слов и достаточно сложных синтаксических конструкциях. Основной стилистический образ работы В.В. Виноградова состоит в том, что он находится в постоянном поиске нужного слова для выражения научной истины, но чувствуя сколь несовершенно наше слововыражение, не сворачивает своих мыслей,

а без стеснения развивает и распространяет их. Отсюда множество синонимических конструкций и одновременно минимум лексических повторов, которые обычно бывают тематическими.

Пример:

«Эта общая восторженная оценка выразительных средств русского языка *конкретизируется, наполняется* разнообразным содержанием в более *подробных, развёрнутых* суждениях о русском языке, высказанных разными выдающимися общественными деятелями и писателями. Не все из этих отзывов *равноценны и далеко не все основаны на подлинно глубоком проникновении* в природу русского языка. Особенно нуждаются в *поправках, в критическом анализе* суждения лиц, *мало знавших русский язык, плохо владевших им*, хотя *дань удивления и восторженной оценки* отдали русскому языку такие классики западноевропейских литератур, как Сталь, Бальзак, Мериме, Флобер и др.

Гораздо более *многозначительны, глубоки и интересны* рассуждения о *свойствах и особенностях* русского языка, принадлежащие его *созидателям и реформаторам, великим мастерам* русского слова. Их знание языкового материала, из которого они сами строили *вечные памятники искусства, великие литературные произведения*, *не может быть оспорено, их суждения о русском слове не могут быть отброшены*. В основе этих оценок лежит чувство *патриотической любви и гордости* русского человека».

Обращая внимание на необыкновенное богатство синонимической лексики и синонимических конструкций, отметим, как мало здесь лексических повторов, традиционных для старинного риторического стиля и как стремится автор распространить свою речь. В дословных повторах действительно присутствует некоторая бедность языка, и настоящий мастер должен прекрасно владеть лексикой, всем богатством слов, находя нужные выражения, иначе он уподобляется Илье Ильичу Обломову, который, сидя в канцелярии, испытывал главную трудность в том, что слова набегали одно на другое и мешались в поиске необходимого слова или выражения. Разобранные нами тексты показывают, что так писать могут только Мастера, ежедневно трудящиеся за письменным столом.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое *стиль*? Приведите примеры стиля и стилового творчества в разных видах деятельности.
2. Какова история понятия *стиль*? Как стиль связан с риторическим понятием *украшение речи*?
3. Как создается и распространяется стиль через создание имен?
4. Что такое стиль речи и каковы его компоненты?
5. Как определялись исторически требования к правилам речи? Что такое качества речи (стиля)? Назовите качества речи, присутствовавшие в классических руководствах по риторике и стилистике. Сопоставьте эти качества с «новыми» требованиями к речи, присутствующими в определениях современных речевых наук.
6. Как вы понимаете выражение *стиль слова*? Как осуществляется отбор слов? Приведите примеры удачного, на ваш взгляд, и неудачного стилового творчества в отборе (выборе) слов.
6. Что такое стилистический синтаксис? Что такое фигура речи? Какие бывают:
 - а) Виды претерпеваний слова.
 - б) Тропы как способы создания переносного значения слова.
 - в) Фигуры речи, образованные от слова.
 - г) Фигуры мысли (акцентировка на выражение смысла, намерения речи).
7. Что такое повтор как фигура речи? Какие существуют виды повторов? Приведите примеры эффективного и тавтологического употребления фигур повторов.

Глава VIII

СТИЛЬ ПРОИЗНОШЕНИЯ И ЯЗЫК ТЕЛОДВИЖЕНИЯ

§ 1. Стиль произношения

Каждый человек легко узнаваем по особенностям его произношения. При этом очевидна эстетическая и вкусовая оценка качеств произношения и следуемая вслед за этим реакция на человека. Известно, что отношение к человеку на этологическом уровне формируется именно здесь: обаяние тембра, богатство и разнообразие интонации, энергетика произношения, создающие необъяснимую привлекательность и завораживаемость в действии иных голосов и, напротив, отчуждение на «утробном» уровне, отталкивание, рождаемое «неприятными», т.е. не воспринимаемыми голосами. Очевидно, что с точки зрения восприятия речи существуют благозвучное, «ласкающее» слух — и какофоническое, «оскорбляющее» слух произношение.

В интонационно-тембральном звучании проявляется духовное богатство личности человека. Возможно ли объяснение некоторых правил и законов голосоведения и риторического воздействия на слушателей? Попробуем исчислить категории голосоведения и произношения с точки зрения научения искусному произношению и его восприятия:

1. постановка дыхания
2. деление речи на такты
3. паузация
4. темпоритм
5. интонация
6. логическое и психологическое ударение
7. тембр голоса

8. дикция и артикуляция
9. громкость, звучность
10. полетность.

1. **Постановка дыхания** лежит в основе работы над голосом. Если дыхание — основа жизни, то для риторика владение дыханием одновременно означает как подчинение риторической задаче всего психофизиологического аппарата, так и возможность руководства эмоцией и мыслью. Если дыхание сбилось, то сбываются и мысль, и слово, и овладение эмоциями аудитории. Волнение перед выступлением благотворно только тогда, когда оратор в состоянии овладеть своим настроением, поиск такой гармонической меры творческого волнения продолжается для риторика всю творческую жизнь.

Постановка дыхания может осуществляться в комплексе дыхательных упражнений, но, в сущности, этот технический вопрос должен решаться практическим опытным путем. Тем не менее техника дыхания вырабатывается как практически, так и в упражнениях. Правильное дыхание начинается с правильной постановки тела (напряженные ноги, работа диафрагмы, расправленные плечи, расслабленная шея, прямо смотрящая голова).

2. У риторика должно быть ощущение ясного композиционного дробления текста: как только началась излишняя торопливость, донесение мысли оказывается «смазанным». Осмысленное вложение идей и слов в разум слушателей («вразумление») начинается с **деления речи на такты**. Стихийным, неупорядоченным, подчиняющимся неким законам современной энергетики, рожденным современным состоянием общественного духа и настроения, отличается подчас речь дикторов современных молодежных радиокompаний, где законы деления речи на такты отсутствуют, но имеется лишь желание нагнетать эмоции и энергетику в максимальном объеме фразы, где неупорядоченно дыхание и возможны то максимально длинные по объему фразы, то вдруг короткие реплики, с остановками, затрудненными экананиями и мзканиями...

Неслучайно именно с этого предлагал начинать работу над текстом К.С. Станиславский: «Берите почаще книгу, карандаш и размечайте прочитанное по речевым тактам. Набейте себе на этом ухо, глаз и руку... Разметка речевых тактов и чтение по ним необходимы потому, что они заставляют анализировать и вникать в их сущность. Не вникнув в нее, не скажешь правильно фразы. Привычка говорить по тактам сделает вашу речь не только стройной по форме, понятной по передаче, но и глубокой по содержанию, так как заставит вас постоянно думать о том, что вы говорите... Работу по речи и слову надо начинать с деления на речевые такты или, иначе говоря, с расстановки пауз» [Станиславский 1974: 234].

3. Поэтому приходится рекомендовать всякому ритору помнить о *значении паузы* в его речи. **Пауза** — великое проявление мастерства. Вне паузы не может быть осмысленно воспринимаемой речи. Речь вообще — чередование звучания и молчания. Опасно как отсутствие пауз, так и их затягивание. «Пулеметный» стиль речи предлагается в современных утренних новостях «Радио России»: чтобы показать напряженность наших новодемократических будней, натренированный диктор с красивым низким баритоном «шпарит» без остановки все блоки новостей. У неприслушавшегося слушателя, по мысли создателей текста, должно появиться ощущение энергичного жизненного ритма — жаль, что в результате мысль говорящего не доносится, потому что восприятие мысли происходит во время паузы.

4. **Темп**, иначе **скорость** речи, также необходимая часть восприятия речи. Ошибка современных молодых риториков в СМИ состоит в том, что, не владея основами речевых наук и отрицая прежнюю культуру речи, пытаясь сформировать новый стиль, они являют миру безостановочное многоговорение, при этом темп речи как бы должен показать «искусство» болтать на разные темы, умение говорить «раскованным» языком. К чему приводит такая пулеметность речи? Прежде всего к невозможности говорить на серьезные, значительные темы, т.е. искусство «болтать», задавать вопросы о проведенном летнем отдыхе или просьбы передать

приветы, напоминающие просьбы Петра Ивановича Бобчинского, — в таком содержании произвольность темпа возможна...

Однако если оратор передает значимое содержание, то оно не может излагаться в форсированном темпе. Современному человеку, окунутому в слишком быстрые ритмы бытия, как правило, рекомендуется говорить медленнее. Конечно, плох и слишком медленный темп, вызывающий желание слушателей подтолкнуть оратора к движению (время дорого!). Таким образом, и здесь рекомендуется поиск золотой середины («не зело борзо, напротив же и не весьма б вяло», как писали старообрядцы в начале XVIII века). В обучении темп речи вытранировывается через чтение вслух, советы держать паузу, осознавая значимость своих слов, не «бросаемых на ветер».

Речь имеет и определенный ритм как гармоничное чередование определенных частей — в произношении это проявляется в таком качестве, как плавность, благозвучие в соединении отдельных сегментов речи. Нарушение ритма гармоничной речи может проявляться в затягиваемых паузах, несогласованности частей — как крупных отрезков речи, так и мелких.

5. Основным качеством произношения, который может сделать его привлекательным или, напротив, отталкивающим, является **интонация** говорящего. Интонация, или мелодика речи, выражается в особой музыкальной выразительности звучащего слова. Интонационная выразительность вместе с фиксацией логически и содержательно важных отрезков текста показывает богатство личности, ее интеллектуальную подготовку, способность соотноситься в звучащем слове с аудиторией, для которой речь оратора становится не мукой, а наслаждением.

Когда И.А. Ильин пишет: «И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш *поющий* язык», под певучестью русского языка, должно быть, понимается именно красота ее интонационных ходов, мелодики, которая в искусном риторе действительно «завораживает» слушателей. Видимо, у каждого из носителей русского языка имеются такие образцы риторов (как женщин, так и мужчин), чье риторическое мастерство, как пра-

вило, соединяло мастерство аргументации, движение изобретательной мысли с мелодической красотой речи.

Впрочем, и здесь также возможны проявления как недостаточности, так и излишества: недостаточность состоит в интонационном однообразии (как правило, оно есть следствие семейно-школьной недоученности и риторической недовоспитанности); излишество же состоит в том, что мелодические ходы бывают преувеличенными и перерастают у иных людей в визгливость, нарочитую мелодическую манерность. Как правило, эти недостатки ликвидируются в риторическом обучении, но если недоученность побеждается учебой, то излишества (манерность и т.д.) почти непобедимы, потому что являются следствием сформированных навыков или испорченности вкуса, которые являются убеждением данного человека.

6. Логическое ударение есть следствие правильной смысловой акцентировки, которая в спонтанном потоке речи происходит почти автоматически. Однако именно риторическая обученность позволяет сознательно соотноситься с правилами и возможностями логической акцентуации, которая расширяет интеллектуальные возможности личности ратора. Логическое ударение как центр акцентуации, силового удара в синтагме показывает, насколько ритор грамотно доносит до слушателя смысл своей речи.

7. Тембром называется особая голосовая окраска, имеющаяся в каждом достаточно развитом голосе. Обратим внимание на то, что детские голоса не обладают тембральным своеобразием (их и можно характеризовать как *детские* тембры), но с возрастом происходит формирование *индивидуальных тембральных характеристик голоса*. Определить, каковы тембральные характеристики каждого своеобразного голоса, непросто, свидетельством чему являются эпитеты и метафоры, которыми описывается тембральное звучание. Так, говорят о голосе *бархатном, звенящем, мягком / твердом, журчащем, нежном* — ср. характеристики голоса, которые приводит Т.В. Матвеева, предварительно оговорив, что тембр «с трудом поддается классифи-

кациям: *бархатный, грустный, детский, жесткий, звонкий, крикливый, медный, мрачный, нежный, полный, пустой, светлый, серебряный, тусклый, тяжелый, холодный, шутливый, ясный* и др.». Многие из приводимых характеристик в художественной литературе, на которую ссылается Т.В. Матвеева, относятся к общей характеристике голоса [Матвеева, 2003: 358], а многие имеют традицию описания в русской филологической классике, где говорится о «*светлословии, ясногласии, красногласовании, сладкогласии, козлогласии*» и т.д. Яркие отрицательные характеристики голоса содержатся уже в «Риторике» Михаила Усачева 1699 г.: «егда имеет кто язык *заикливый, сиповатый, борботливый, гугнивый, шепетливый, хрповатый, горкавый* и прочее *языковредие*, ...сей не может быть между речеточцами (ораторами)» [перевод — цит. по: Аннушкин, 2002: 83].

Возможно ли обучение и развитие тембра голоса, если он является «даром естества»? Хотя основной тон голоса, несомненно, сохраняется, всякий ритор вправе надеяться, что голос его может развиваться — и происходит это не столько вследствие тренировки, сколько вследствие накопления жизненного опыта, переживаний, внутренней активной работы (внутренних диалогов, внутренней речи), которая и бывает отражена на лице взрослого ратора, и находит постепенное выражение в его голосе.

8. **Дикцией** называют ясное отчетливое произношение, позволяющее обеспечить донесение содержания речи до слушателя. Дикция также подлежит риторической оценке. Например, говорят: *хорошая / плохая, поставленная / непоставленная* речь (дикция). Дикция, как справедливо пишет Т.В. Матвеева, «обеспечивается правильной и активной артикуляцией и зависит от темпа речи» [Матвеева, 2003: 62]. Несомненно и то, что требования хорошей дикции относятся прежде всего к профессиям, связанным с устной публичной речью: актера, диктора, радиожурналистов.

Сегодня мы являемся свидетелями ослабления требований к дикционно хорошей речи. Есть требование естественного звучания (что называется, «поближе к народу») — требование, возникшее в эпоху демократической перестройки как реакция на преж-

ную «застойную» правильность. В то же время такое ослабление аристократизма речи подобно, конечно, прежней большевистской революции (здесь новые демократические веяния традиционны) — создание нового стиля всегда тяготеет к снижению ее качества. В известной степени современная радио- и телеречь не выработали новых идеалов, поскольку всякое создание нового стиля возможно на основе культурных традиций, а всякое забвение традиций чревато созданием стилей-однодневок, что и характерно для речи нынешних средств массовой информации.

В то же время относительно дикции следует заметить и следующее: излишне или нарочито правильная артикуляция подчас отвергает симпатии слушателей — и напротив: есть множество влиятельных риториков с тем или иным дефектом произношения. Скажем более, дефекты произношения как будто побуждают иных ораторов внутренне мобилизоваться и взять реванш в другом, более важном: реальном столкновении идей, аргументации, словесной оригинальности (к дефектам, мол, можно и привыкнуть) — более того, данный дефект становится отметиной, индивидуальной характеристикой данного человека. Примером может служить не только влиятельный в недавнем прошлом В.И. Ульянов (Ленин), но и многие наши современники.

С точки зрения обучения следует сказать о необходимости занятий дикцией (отработки звуков, скороговорок, одновременно работая над дыханием, интонацией и мн. др). Только в такой работе более всего следует заботиться не об эlegantности и изяществе, а о том, чтобы понять, что же требуется данному риторическому ученику, как ему откорректировать свой образ речи и, в частности, стиль произношения. Всякое актерство в занятиях с людьми серьезных профессий (политиками, юристами, предпринимателями, педагогами) может отторгнуть человека от риторики, поэтому дикционная тренировка должна представляться как психофизический тренинг личности, близкий отчасти к спортивным занятиям, тренировке речевого аппарата, позволяющей достичь успехов не сразу, а постепенным трудом и долговременными усилиями.

9. Кажется, что **громкость** является само собой разумеющейся характеристикой в деятельности ратора. Действительно, речь на площади или в суде в скоплении большого количества людей непременно требует яркого, звучного, полетного голоса. Однако современная картина видов словесности и развитие техники существенно корректируют требования к громкости речи. Конечно, ритор должен быть слышен, но аудитории в некотором смысле не должно обеспечиваться «удобство» звучания. Слишком громкая речь не только тягостна для восприятия, она отторгает слушателей (хочется сказать: «не так громко, не так навязчиво»). Поскольку всякая речь есть своего рода насилие и наступление на аудиторию, необходимо обеспечить снижение ее неприятных моментов. Поэтому умелый ритор не форсирует голос, а скорее заманивает к слушанию речи, аудитория же напрягает слух — и тогда устанавливается та благодатная тишина, которая является внешне «шумовой» целью говорящего. Это состояние слушания в установившейся аудиторной тиши знакомо всякому профессиональному оратору: ему либо «внимают» — и тогда слышно, как «муха пролетит», либо в аудитории устанавливается перманентный шум, который, кстати, часто является следствием форсирования голосовых связок оратором: аудитория считает возможным шушукаться во время речи, поскольку «и так слышно». Следовательно, и здесь оратору следует соблюдать меру: с одной стороны, напрягать голос, с другой, не увеличивать громкости, чтобы не отторгнуть внимание слушателей неприятностью усиленного воздействия.

Существуют также понятия **полетности** и **звучности** голоса. Полетность голоса определяется как свойство достижения звуками голоса любой точки аудиторного пространства. Для этого ритор как бы направляет свой голос «по головам» слушателей (не в пол и не в потолок).

Звучность связана с чистотой, ясностью и голосовыми возможностями оратора — она также регулируется особым чувством меры, которое практически призван вырабатывать в себе оратор. Как пишет Пол Сопер: «Звучность голоса дает оратору возможность донести речь до всей аудитории» [Сопер 1992: 162]. Психо-

логической основой полноты звучания являются «уверенность в себе и подъем, представляющие неотъемлемое условие хорошей во всех отношениях речи. Голос — второстепенный механизм. В нем не будет выразительного тона, если вы не уверены в себе и стоите на ногах ни жив, ни мертв. Если вам не приходилось взять слово, чувствуя избыток подъема и хорошо вооружившись интересными фактами, — испытайте это! Наверное, вас самих удивит полное и послушное вам звучание голоса» [Сопер, 1992: 163]. Физической основой звучности П. Сопер считает дыхание.

Таким образом, мы как бы образовали круг и вернулись к тому, с чего начинали. После цитаты популярной в нынешней России книги американского теоретика риторики хочется заметить, что русские риторики имеют множество подобных своеобразных советов, мимо которых современная наука проходит как мимо «устаревших» и не заслуживающих внимания «ненаучных» фактов. В результате открываются заграничные «велосипеды» — это можно отнести и к произношению, и к телодвижению (так называемый *body language* описан в русских риториках как «язык тела» или «телесное витийство»).

Те несколько примеров, которые мы приведем, должны показать реальность традиции, основываясь на которой необходимо описать практическую риторическую фонетику. К сожалению, новая фонетика, хотя, несомненно, имела цель конечного улучшения произношения в обществе, занимается более теоретическими исследованиями, нежели прикладными разработками.

М.М. Сперанский писал о голосе: «Счастлив, кому природа даровала гибкий, чистый, льющий и звонкий голос. Древние столь уважали сие дарование, что изобрели особую науку делать его приятным. Частое упражнение, напряжение в груди и вкус в музыке могут дополнить или скрыть недостатки природы». О «выговоре» (именно этим русским словом замещался нынешний термин «дикция») сказано следующее: «Язык твердый, выливающий каждое слово, не стремительный и не медленный, дающий каждому звуку должное ударение, есть часть, необходимо нужная для оратора. Часто мы слушаем с удовольствием разго-

варивающего человека потому только, что язык его оборотлив и выговор тверд. Слушатель, кажется, разделяет все затруднения оратора, когда язык ему не повинуется, и очень дорого платит за его холодное нравоучение. Кто хочет иметь дело с людьми, тот необходимо должен мыслить хорошо, но говорить еще лучше» [Сперанский — цит. по: Аннушкин, 2002: 230].

Обратим внимание на то, что в русской риторической классике по-другому будут расставлены акценты, но основы требований к современному произношению будут принципиально те же: «напряжение в груди» (вспомним ломоносовское «долгий дух и крепкая грудь») влечет постановку дыхания и произносительную энергетика риторика, «твердость» языка, «выливающего» каждое слово — выразительная метафора, вполне ясная для каждого ученика, занимающегося сегодня дикционной тренировкой. Темп — «не стремительный и не медленный»; наконец, трудно описать термин «оборотливость языка», но ясно, что под ним понимается подвижность, живость, раскованность органов артикуляции.

Возможность обратиться к русской классике в анализе современных требований к поведению риторика покажем на одном из наиболее популярных и обсуждаемых ныне предметов — мимике и жестике, называемых термином *телодвижение*.

§ 2. Язык телодвижения

Современные **паралингвистика**, **кинесика**, всевозможные теории и практические советы относительно *body language* (языке телодвижений) во многом преподносят хорошо забытое старое в новомодной стилиевой упаковке. Действительно, каждая книга или учебник по риторике предполагают ряд советов к пластическому поведению оратора, а в русских риториках раздел пластического поведения обычно венчает учебник. Основное внимание уделялось лицу, глазам, жестам. Материал русских классических риторик в разделе телодвижения не обобщен, а современные теоретики и педагоги тренингового обучения, конечно, предпочитают обращаться к книгам австралийца Алана Пиза, нежели разобрать-

ся в том, что написано в классических российских руководствах по обучению речи.

Характерно одно из новомодных положений при обучении языку телодвижений, кочующее из учебника в учебник. Утверждается, что при коммуникации 70% информации (другие говорят 80, третьи 60%) передается не через слова, а через жесты и иные виды пластической коммуникации: «Психологами установлено, — пишет в предисловии переводчик книги Алана Пиза «Язык телодвижений», — что в процессе взаимодействия людей от 60 до 80% коммуникации осуществляется за счет невербальных средств выражения, и только 20–40% информации осуществляется с помощью вербальных» [Пиз, 2000: 5]. Какими психологами и как реально высчитываются эти проценты, авторы умалчивают — главное впечатление на современного читателя в эпоху массовой информации производится самими цифрами.

Попробуем показать место и роль пластической коммуникации в самом акте общения. Речь вообще начинается как бы до речи — не только размышлением говорящего о предмете своей речи (внутренняя речь), но прежде всего визуальным контактом со слушателями. Еще до того, как зазвучала речь, между партнерами общения проскальзывают невидимые нити сближения или отчуждения, предвкушения будущего контакта. Если происходит визуальный контакт, то оценивается знаковое утверждение образа ратора в его внешнем виде, походке, взгляде, жестикуляции. При этом может мгновенно вспомниться предшествующий опыт общения с данным человеком (или аудиторией), соответствующим образом настраивающий на контакт, после чего готовится будущее высказывание и лишь затем рождаются слова.

Пластическое поведение, сопровождающее речь, всегда считалось важнейшим каналом информации. Для любого учебника риторики и стилистики важно, как будет выбран метод описания материала, иначе говоря, какими предстанут содержание и стиль описываемого предмета.

Положительно оценивая достижения современных теоретиков и практиков *body language*, следует сказать о том, что совре-

менная теория речевой коммуникации — особенно в популярном изложении — создает множество мифов, являющихся стилевым следствием эпохи массовой коммуникации, в которую вступило человечество. Для стиля жизни и речи в массовой коммуникации чрезвычайно популярно все, что производит впечатление сделанного «впервые», «уникально», «индивидуально» — при том, что продукты этой деятельности формируют массовые вкусы и пристрастия. Теория *body language* как раз и объявляется открытой «впервые», а автор «выдающегося» бестселлера Алан Пиз объявляется как человек, «*впервые* занявшийся исследованием этого языка в конце 70-х годов» [Пиз 2000: 5].

Еще один из характерных приемов эпохи массовой коммуникации для распространения подобных специальных теорий — возведение частного достижения в общее. Например, Алан Пиз объявляется «признанным знатоком психологии человеческого общения» [Пиз, 2000: 5]. Действительно, в его книге имеется множество интересных наблюдений относительно связи жеста и психического состояния человека, той информации, которая часто непроизвольно исходит от говорящего человека. И все-таки разве не очевидно, что «язык жестов», оцененный кем-то 80-ю процентами коммуникативной информации, есть лишь часть коммуникативного образа говорящего, а само **телодвижение** находится в нерасторжимом единстве с **мыслью** и **словом**, без которых теряется смысл самого процесса общения?

Никакими процентами невозможно выразить классическую формулу: «человек — существо **словесное**», не «телодвигательное» или «жестовое», а информационное, семиотическое, требующее целокупности восприятия. Тело, жест, взгляд являются лишь одними из способов выражения семантической информации. В классических риториках и теориях словесности эта целостность образа человека сохранена. Далее мы сделаем краткий обзор написанного в этих руководствах для того, чтобы положительно оценить и все последующие достижения современной гуманитарной мысли в области изучения языка телодвижений.

О языке телодвижений начинают писать уже в ранних русских риториках. Петровские риторика начала XVIII века, М.В. Ломоносов (в первом издании 1744 г.), М.М. Сперанский, отчасти И.И. Давыдов, учитель А.С. Пушкина А.И. Галич... Ранние толкования «движений тела» позволяют по-новому взглянуть на историю слова «произношение». **«Произношение** есть вещей и речей по достоинству гласа и тела движение. В **произношении** подобает смотреть **глас** и **действие**» [Стефан Яворский — цит. по: Аннушкин, 2002: 109]. Таким образом, произношение есть реализация как голоса, так и тела в заключительной части речевого акта. Если «глас» сохранится в дальнейшем только за тем, что мы понимаем ныне под *произношением*, то «действие» будет *телодвижением*: «действие в произношении есть приудержание движений тела по истязанию вещи». Таким образом, движения тела должны соответствовать сущности «вещи», о которой идет речь.

Дальнейшие советы достаточно выразительны: голова должна быть «естественно» положена; лицо — изменяться по «различию слова», в одних случаях будет «печально», в других — «весело»; глаза («очеса») выражают то же, что и «язык»; «руки» показывают «небо — в высоту, землю — вниз». Во всем рекомендовалось соблюдать «красоту, пристойность и рассуждение» в отношении «слушателей и собеседующих».

Любопытно, как последователь М.В. Ломоносова Амвросий Серебряников описывает **лицо, взгляд** и **движения рук** (кстати, эта последовательность сохраняется во всех современных учебниках):

«**Вид лица** должен быть прям, не пониклый, впрочем, соответствовать чувствованиям душевным, как и голос. Так, например, наморщенное чело и сведенные брови изображают гнев, распростертое — радость, возвышаемые брови — величавость и презрение и под.

Обращение очей должно быть умеренно: не быстро, не весьма медленно или сурово, ибо скорость изображает иногда непостоянство, медленность или суровость — грубые и злобные нравы; вообще же очи должны быть вестниками души...

В **движении рук** надлежит иметь осторожность: 1) чтоб не чрезмерно протягать, возносить, ударять (сие значить будет или дерзость или страсть непристойную), ни, напротив, держать их в сокрытии (ибо таким образом действуя, возбудить можно смех или, по крайней мере, чрез то покажется излишняя робость» [Амвросий Серебрянников — цит. по: Аннушкин 2002: 195].

Наиболее яркое описание произношения (и чем ближе к нам по времени, тем понятнее и выразительнее) находим у преобразователя России начала XIX века, автора «Правил высшего красноречия» М.М. Сперанского. К «искусству произношения» по-прежнему относятся не только «правильный выговор речений и периодов, но и приличное расположение лица и пристойное движение головы, рук и прочее». Подводя итог описанию перемен в лице и движениях головы, рук и проч., М.М. Сперанский отмечает: «впрочем, никак не можно положить правил на всякую перемену голоса и на всякое телодвижение... Искусное телодвижение дает чувствовать все красоты речи и сокрывает многие недостатки оной. Одни внешние движения, без всяких слов, не только возбуждают в нас чувствования, но выражают целые истории, как то видно в пантомимах...» [Сперанский — цит. по: Аннушкин 2002: 239].

Заканчивая этот весьма краткий обзор описания раздела «телодвижений» или, как сказано у А.И. Галича, «телесного витийства», стоит сказать о несомненных достоинствах целостного восприятия человека в этих описаниях. При том, что в них отсутствует полнота и исчерпанность всех возможных жестов (как у Алана Пиза), учащийся или читатель настраивался на постижение *основных* законов пластики поведения в ее выражении и восприятии.

В современной языковедческой науке «невербальные средства речевого общения» бывают отнесены к разным разделам наук, занимающихся теорией и практикой речевой коммуникации. Так, в **кинесике** («кин» — мельчайшая единица движения) изучаются и классифицируются различные телодвижения человека (жесты, мимика, взгляды, улыбки и проч.). Особым разделом языкозна-

ния, изучающим «невербальные средства речевого общения», является **паралингвистика**. Название **паралингвистика** достаточно точно выражает сущность предмета, поскольку греч. *para* означает «возле, рядом, при», поэтому парадоксальное определение «раздела языкознания», где изучаются «неязыковые, невербальные средства общения» [Азимов, Щукин 1999: 208], приходится принять. Одновременно нельзя не задуматься над тем, что, строго говоря, данные средства не «лингвистичны».

Авторы цитированного определения относят к ним «средства общения в виде интонации, жестикуляции, мимики, распределения ударения и пауз» [там же] — обратим внимание на то, как в данном толковании термина *паралингвистика* соединились, подобно объяснению старинного слова «произнесение», и звучание, и телодвижение.

Паралингвистические исследования выполняют задачу описания названных средств как системы знаков жестикуляции, мимики. Риторическая задача состоит в том, чтобы дать оптимальные рекомендации и правила телесного поведения.

В современной популярной западной литературе максимально классифицирован набор жестов, поз и мимических движений. При этом обращается внимание на национальную специфику жестов, не совпадающих в разных культурах (кстати, также следствие распространения массовой культуры). Эти примеры стали общим местом в книгах по паралингвистике и, конечно, чрезвычайно актуальны при изучении иностранных культур и обучении практике общения.

Любопытна этическая проблематика, поднимаемая в книгах А. Пиза и Г. Вилсон, К. Маклафлин [Вилсон 2001]. За богатством жестов, среди которых опытный оратор пытается скрыть правду, опытный и внимательный наблюдатель должен заметить, как оратор «проговаривается» жестами относительно своих истинных намерений. Наблюдателю (слушателю) рекомендуется читать психологическое состояние говорящего человека по его позе, мимике, жестикуляции. Вводится понятие **конгруэнтности**, т.е. совпадения слов и жестов человека. Если жесты, поза, мимика не

соответствуют словам, то их можно назвать «неконгруэнтными» [Пиз 2000: 17].

Цель авторов данных разработок по преимуществу педагогична, т.е. научить читателей и пользователей книгами умелому и эффективному общению (карнегианское требование эффективности общения проходит красной нитью в большинстве современных западных сочинений). Остановимся на ряде оригинальных наблюдений А. Пиза, например: «чем выше социально-экономическое положение человека, тем менее развита у него жестикуляция и беднее телодвижение» [Пиз 2000: 19]. Формулировка А. Пиза в данном случае неточна. Приведенное наблюдение значит: чем выше социальный статус человека, точнее сказать, чем более он развит интеллектуально и духовно, тем более он способен управлять «языком тела» и выражать свои мысли «языком слов». Управление же «языком тела» будет выражаться в сдержанности, продуманности, способности не выказывать ненужными жестами проявлений волнения и других эмоций, не касающихся существа дела.

Данное наблюдение еще раз показывает, что человек — существо «словесное», окультуриваемое именно лингвистическими (словесными средствами), а не паралингвистическими «процентами» выражаемой информации. К сказанному следует добавить, что социальный статус оратора может быть высок в смысле занимаемого положения, однако каждый может восстановить в памяти ряд примеров, когда судьба возносила к вершинам политической карьеры или социальной лестницы лиц, чей «язык тела» явно выдавал их паралингвистическую «неуклюжесть».

Общий закон будет сформулирован таким образом: чем более человек образован и развит духовно, тем лучше становится его способность общаться на уровне слов и фраз, тем более отшлифованы и «цивилизованны» навыки его телодвижений. Социализация человека начинается с воспитания его тела: ребенка учат правильно ходить, стоять, двигаться, жестикулировать, а когда он овладеет элементарными навыками, начинается шлифовка его фигуры, поз, движений, манер и прочего, в чем как раз и

состояло прежнее светское воспитание хороших манер как умения держаться в смысле управления своим телом, а затем умения общаться как способности находить нужные мысли и слова.

При этом способностью общаться на уровне слов и фраз назовем не «словоизвержение», а уместность и целесообразность общения, основанные на умении слушать, наблюдать за ситуацией и партнерами и только вследствие этого вовремя говорить. Воспитанность, выработанность телодвижений состоит в способности управлять своим телом, а значит, скорее, в умении сдерживать проявление речевых эмоций в телодвижениях. Последнее не означает «деревянности» или неподвижности, но предполагает соответствие некоторой вкусовой общественно-эстетической норме телесного поведения. Именно поэтому, как обобщает правила жестикуляции Л.Е. Тумина, «1) жест должен быть произвольным, 2) жестикуляция должна быть непрерывной, 3) желательно вносить разнообразие в жестикуляцию, 4) жест должен отвечать своему назначению» [Риторика 2003: 175].

В современных теориях «языка телодвижения» сложился некоторый состав основных проблем, которые касаются как самого человека, так и той обстановки, в которой он находится. Эти проблемно-тематические области следующие:

- 1) Проксемика как наука изучающая пространственное положение собеседников, их размещение относительно друг друга [Риторика 2003: 175]. Обычно выделяются зоны общения, или «пространственные зоны»: *интимная* (от 15 до 46 см), куда разрешается проникнуть только лицам, с кем мы находимся в тесном эмоциональном контакте; *личная зона* (до 1,2 метра) — расстояние, разделяющее нас в дружеском общении); *социальная зона* (до 3,6 метра) — на таком расстоянии обычно держимся в официальном общении с людьми, которых не очень хорошо знаем; *общественная зона* (более 3,6 метра) — адресация к большой группе людей [Пиз 20002: 25].
- 2) Положение рук, ибо руки, конечно, самая выразительная часть тела.
- 3) Жесты рук и кистей ладоней.

- 4) Прикосновение рук к различным частям лица.
- 5) Руки в качестве барьеров.
- 6) Манеры (позы) сидеть, стоять; положение головы.
- 7) Сигналы глаз (например, при общей рекомендации иметь «глазной контакт», А. Пиз различает взгляды деловой, социальный (линия глаз и области рта), интимный (опускающийся ниже подбородка на другие части тела).
- 8) Поза, влияющая на окружающих с помощью различных положений тела.
- 9) Виды столов и способы размещения участников за ними.

Наиболее выукло недостатки или трудности освоения языка телодвижений выявляются в ораторском монологе. Поэтому дадим несколько практических советов относительно постановки тела и практики телодвижения в ораторском выступлении:

1. Стойте на прямых, напряженных (но не «деревянных») ногах. **Ноги** — основа ораторской позы («дрожь в коленях» как раз следствие отсутствия силы и упругости в ногах). Оратор как бы занимает «ногами» нужную позицию, с которой не сходит в течение всей своей речи. При этом расположение ног не «военное» (пятки — вместе, носки — врозь) и не «борцовское» (ноги на ширине плеч), а классическое, известное еще из античной практики: одна нога — опорная, другая слегка выдвинута вперед. Возможен перенос тяжести тела с одной ноги на другую вследствие различного смысла речи: вперед — при внутреннем движении к аудитории (например, приветствии), назад — при обороне, защите, внутреннем отступлении.
2. **Плечи** — расправлены, **спина** — прямая, по выражению К.С. Станиславского, «**тело** “посажено на колок”, шары — под мышками». Расправленность плеч и распрямленность спины создает психологический настрой оратору и позволяет невольно принять более уверенный вид. При этом, конечно, не должно быть никаких надутости или важности, способных лишь оттолкнуть от самоуверенного оратора. «Осанковатый», по выражению М.В. Ломоносова, «вид» способствует тому, что у оратора появляется «долгий дух и крепкая грудь», необхо-

димые для того, чтобы владеть дыханием во время речи: известное «в зобу дыханье сперло» бывает не только «от радости», но прежде всего от волнения, которое известно всякому начинающему оратору.

3. Куда девать **руки**? Вопрос, волнующий каждого, кто вступает на ораторскую стезю. Положение рук прежде всего должно быть естественно, а жестикация оправдана смыслом произносимых слов. Слушатель и зритель как бы не замечает их, поскольку движение рук естественно вписывается в сопровождение речи. Жест действительно именно сопровождает речь — он «пара-лингвистичен» в том смысле, что существует «рядом» со словами. При этом одинаково негативны как **размахивание** руками, что происходит либо от волнения (недостаток слов побуждает неопытного оратора не всегда уместно выражать мысли движениями ладоней), либо от излишней горячности и увлеченности (аудитория внутренне подсмеивается часто над такими «горячими» ораторами, оставаясь холодной к смыслу слов), так и **скованность, неподвижность** в движениях рук и ладоней (тело словно деревенеет у иных ораторов, когда они делают инстинктивные жесты в подтверждение своей интонации, хотя речь не требует обязательного сопровождения жеста ми рук).
4. Оценив походку, позу и движения тела говорящего, слушатели обычно останавливают внимание на **мимике** говорящего, а точнее, на его **глазах и взгляде**, обеспечивающих в конце концов контакт с аудиторией. Взгляд выдает истинное эмоциональное состояние оратора и его отношение к аудитории. Вот почему в старинных риториках советовали принимать «смелое лицо» и «глазами вращать повсюду». Для психологического настроя оратору рекомендуется быть внимательным к аудитории, стремясь иметь «глазной контакт», что означает последовательный перевод глаз с одного слушателя на другого с необходимой (не очень длительной) остановкой взгляда на разных слушателях. Обычно рекомендуется остановить взгляд на одну-две секунды на каждом слушателе — одинако-

во плохи при этом как «бегающий» взгляд (перевод взгляда без остановки с одного слушателя на другого), так и «упертый» в одного из слушателей, пусть даже и симпатичного оратору.

5. **Глаза** — зеркало души, поэтому вне глазного контакта невозможно достичь эмоционального восприятия речи аудитории. Распространенной ошибкой будет также «отсутствующий» взгляд (оратор уткнулся в свои бумаги и, читая текст, не решается взглянуть на аудиторию — типичное состояние оратора, вышедшего на трибуну с готовой речью); в таком случае рекомендуется учиться «отрывать» от текста и время от времени взгляды на аудиторию, как бы посылая ей сигналы о том, что вы внимательны к ней. Если есть тип ораторов, опускающих «очи долу», т.е. вниз, то должен быть тип ораторов, сознательно возводящих «очи горе», т.е. смотрящих вверх. Такой «горный» взгляд свойствен разряду философствующих ораторов или лиц, говорящих о предметах сложных и уверенных в том, что аудитория их слушает.

Таким образом, рекомендация начинающим ораторам будет состоять в том, чтобы, набравшись смелости, смотреть в глаза аудитории и, упорно донося смысл своей речи, честно выявлять лиц заинтересованных и скучающих, благоприятно или агрессивно настроенных. Старайтесь почувствовать настроение слушателей и изменить его в свою пользу. Последнее не всегда удастся, но ораторское благорасположение, выраженное во взгляде, обычно находит вознаграждение в одобрении аудиторией. Кроме того, сосредоточение на контакте с аудиторией позволяет отвлечься от излишнего психологического самоанализа и переживаний, снять внимание с себя и перевести его на слушателей. При этом ораторская скромность хорошо соседствует со смелостью, когда одинаково побеждаются и излишняя робость, и беззаботная дерзость, которые мгновенно чувствуются и отрицательно оцениваются слушателями.

Таким образом, речь возникает еще как бы до речи, в ощущении оратором своего тела, в сознательном управлении своим те-

лом посредством умственно-психологических усилий во время речи. Язык тела или телесно-семиотические «невербальные» знаки общения должны соответствовать некоторой общественно-эстетической норме (нормативу) поведения и в то же время выражать личное (индивидуальное) своеобразие человека, зафиксированное в образе оратора.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Что такое стиль произношения и каковы составляющие его категории?
2. Каковы положительные и негативные проявления различных категорий произношения? Какие советы и рекомендации можно дать говорящему относительно постановки дыхания, деления речи на такты, пауз, темпа, логических и психологических ударений, дикции и артикуляции, громкости речи?
3. Какие современные науки занимаются «языком телодвижения»? Каковы исторические истоки учения о «произношении»? Как понималось «произношение» (*pronunciatio*) в русских риториках?
4. Какие проблемно-тематические области выделяются при изучении языка телодвижений?
5. Что такое конгруэнтность? Случалось ли вам наблюдать несовпадение в жестах и мыслях говорящего?
6. Что такое проксемика? Проанализируйте пространственное расположение собеседников в разных национальных культурах? Случалось ли вам наблюдать «нарушение» пространственных норм в общении?
7. Какие ошибки наблюдаете вы в пластическом поведении публичных ораторов? Сопоставьте ваши наблюдения с рекомендациями, приведенными в данной главе (§ 2), и напишите собственные краткие советы оратору.

Глава IX

ОРАТОРСКОЕ ИСКУССТВО

§ 1. Что такое ораторика?

Искусство ораторской речи всегда интересовало людей, вызывало восторг и преклонение. В ораторе видели наличие особой силы, которая может с помощью слов подчинить себе, заставить делать то, что предлагает оратор. В ораторе предполагали таинственные качества, которых нет в обыкновенном человеке. Вот почему ораторы становились государственными лидерами, великими учёными и мудрецами, героями и властителями дум.

Великий человек оставляет после себя великие дела — и эти дела всегда воплощены им самим в текстах: как письменных, так и устных. Так, для того чтобы стать государственным деятелем, надо непременно действовать Словом, то есть воодушевлять своих сторонников, ниспровергать противников и убеждать весь народ в правоте своих идей. Любая профессиональная карьера связана с речевыми действиями, поэтому возможно говорить о речевых профессиях, к которым можно причислить политиков, предпринимателей (деловых людей), судей, преподавателей, священников, военачальников, чья деятельность непременно выражается в устном или письменном Слове. При этом будем иметь в виду, что современная профессиональная речь, конечно, не ограничивается монологическим публичным красноречием, а предполагает активный общественный и профессиональный диалог в разных видах словесности. Поэтому современного риторика-практика (политика, юриста, предпринимателя, педагога, священника, журналиста, врача) следует воспринимать во всем богатстве его речевой деятельности: современный профессионал владеет и искусством диалога (в переговорах, деловых беседах), и искусством публичного монолога.

Речь пойдет о публичном монологе как виде ораторского искусства, поскольку это наиболее трудный жанр риторического общения. Ораторика — область риторики, изучающая искусство и мастерство публичных выступлений. Ораторское искусство — это умение произносить публичные речи убедительно и действенно. Каждый человек попадает в такие ситуации, когда ему требуется что-то публично высказать, произнести краткое поздравление, объяснить какое-либо явление, одним словом, построить развёрнутую речь. В таких ситуациях проверяются знания, образованность, внутренняя энергия, воля, инициативность, умение найти нужные слова и выразить их в привлекательной форме.

Произношение публичных речей — дело ответственное, требующее честности, хорошего образования, выучки и опыта. Всякому делу можно научиться, но ораторское искусство, как и всякое искусство, связано с *талантом* человека. Каждому человеку важно понять, какой у него талант, в чём он может себя проявить, а такое проявление всегда связано и с определёнными видами речи.

Каждая профессия также связана с определёнными формами речи и текстами. Современная речевая нагрузка включает многообразные виды и жанры речевого взаимодействия как в устной, так и в письменной формах, а с появлением электронных средств коммуникации — разные формы общения через Интернет и мобильную связь. Так, для того чтобы реализовать какой-либо проект, предприниматель должен не только писать деловые бумаги, но и уметь вести деловые переговоры, представлять, как его «делу» дать публичную рекламу в средствах массовой информации; журналист, чтобы написать статью, должен провести серию устных встреч, интервью, а затем убедить издателя в ценности своего материала, поработать с редактором и корректором, поэтому современная массовая информация предстает как вид коллективного речевого творчества. Та же картина складывается в любой другой профессии, причем чем выше социальная иерархия профессионала, тем больше речевых нагрузок будет иметь человек и большими речевыми связями он будет обладать. И чем успешнее служебная карьера, тем более напряжённой и сложной

в риторическом отношении становится профессиональная деятельность.

А.П. Чехов писал: «“Цветами” красноречия был усыпан путь ко всякой карьере...». Это значит, что всякое движение вперёд в интеллектуальной области требует яркой и своеобразной, изобретательной и эффективной речи. Традиционно речью, объединяющей многих людей для эффективной совместной деятельности, является публичный монолог — жанр ораторского искусства, требующий от оратора интеллектуального остроумия и речевого мастерства.

§ 2. Требования к оратору

Какого человека можно назвать хорошим оратором? Часто спрашивают: был ли хорошим оратором Гитлер? или является ли хорошим оратором тот или иной политик, складно и красиво передающий свои мысли, но не пробуждающий у людей подлинной веры? Действительно, Гитлер был «неистоцим в речах», умел часами говорить на разные темы, завораживая аудиторию ложной аргументацией и держа ее в эмоциональном возбуждении. История человечества и наша современность знает множество примеров, когда сила ораторского слова использовалась для того, чтобы установить свою власть, обмануть людей. Успех таких «хороших» ораторов всегда оказывался временным, а история всё расставляла на свои места.

Поэтому «хорошими ораторами» таких людей, как Гитлер, Муссолини и других диктаторов, можно назвать с большими оговорками: о том, что искусство красноречия может быть обращено во зло с целью достижения только личного успеха, писали еще античные риторы. Н.Ф. Кошанский определял такое ораторское искусство как «злоупотребление красноречием», а в традициях русской школы такое красноречие называется «мнимым».

Вот почему следует ещё раз вспомнить формулу Квинтилиана: «чтобы быть хорошим оратором, надо быть хорошим человеком». Настоящий оратор думает не о временном успехе своей

речи, а о том, как его «слово отзовется» впоследствии. Для него невозможна формула «после нас — хоть трава не расти» («после нас хоть потоп»), он размышляет о том, какими будут долговременные последствия его слов.

Впрочем, быть хорошим человеком — слишком общее и расплывчатое требование. Чтобы быть подлинным оратором, нужны талант, природное дарование. Вот как об этом писал Цицерон: «Первое и важнейшее условие для оратора есть природное дарование... Ведь для красноречия необходима особого рода живость ума и чувства, которая делает в речи нахождение всякого предмета быстрым, развитие и украшение — обильным, запоминание — верным и прочным».

Вопрос, который задает себе большинство людей, ибо в принципе способности каждого человека ограничены: что делать, если нет природных дарований, если Бог, как нам часто кажется, «обидел способностями»? Сомневающимся необходимо ответить: не надо ни преувеличивать, ни преуменьшать своих возможностей, но требуется решительно настроиться на развитие своих речевых способностей. У каждого человека есть *свой речевой талант*, и надо понять, в чём он состоит, постараться раскрыть свои возможности. Один человек может писать стихи (и он будет поэтом), другой достаточно изобретателен в устной речи (часто такой человек — «душа компании»), третий молчалив, но деловит — возможно, он будет работать в сфере производства и управления (писать документы, вести деловые переговоры), четвертый — хочет писать статьи в газеты (он будет журналистом). В сущности, выбор профессии и жизненного пути связан с развитием определённых речевых способностей. Поэтому профессия и ощущение жизненного комфорта соотносятся не просто с интересами, а с определённой областью речей и текстов, которыми человеку придётся профессионально заниматься. В том случае, если данная речевая деятельность (профессиональное общение) удовлетворяют человека, он может сказать, что «нашел себя в жизни».

Итак, второе требование — *понять, в чем состоит ваш речевой талант и развить его*. Развитие таланта предполагает работу

над собой, которая состоит в повышении *знаний и образованности оратора*. «Красноречием можно овладеть, лишь сравнившись в знаниях с образованнейшими людьми» (Цицерон). «Знание других наук» полагал одним из средств приобретения красноречия Ломоносов. Аудитория не будет слушать того оратора, который плохо знает предмет своей речи и не умеет рассуждать логически и последовательно, изобретательно и занимательно.

Следующее требование к оратору касается *своеобразия личности*. Всякий оратор ценится как человек, обладающий собственным взглядом на предмет и аргументированно защищающий свою философско-профессиональную позицию. Отстаивание позиции не предполагает прямолинейного упрямства, напротив, хороший ритор ведёт себя мудро, тонко и уместно: он умеет и промолчать, и выслушать оппонента, но и отстоять в конце концов свою точку зрения.

При индивидуальном своеобразии можно говорить и об универсальных качествах, которые должны быть присущи оратору. Такие качества оратора всегда обсуждались в риториках, касаясь характера и свойств личности оратора — их принято называть **ораторскими нравами**. К ним относятся честность, образованность, скромность, предусмотрительность, ответственность, решительность и нек. др. Любопытно, что каждое время, имеющее свою нравственную и идеологическую стилистику, может выдвигать свои требования к человеку. Кроме того, качества личности обсуждаются в разных областях наук: откроете ли вы учебник по культуре делового общения, или психологию общения, или новый учебник по деловому администрированию — везде найдется место для описания человека-профессионала с его качествами и характеристиками. В данном описании попробуем коснуться универсальных требований, предъявляемых любому участнику общения.

Честность — открытое и справедливое отстаивание своей позиции. Никто не захочет слушать человека нечестного, скрывающего свои истинные намерения.

Образованность — знание предмета речи, потенциальная широта воззрения на разбираемую проблему. Если аудитория уверена в образованности оратора, она доверяет его мнению.

Скромность — умаление личных достоинств, которое оттеняет свойства предмета, утверждает знание, а ораторскому тщеславию и жажде славы отводит второстепенное место.

Предусмотрительность — способность предвидеть развитие событий, не позволяющая совершать неразумных импульсивных поступков. Хороший ритор, предвосхищая действие чужих и своих речей, подобен хорошему полководцу: умеет отступить и «отсиживаться» в засаде, а затем переходить в наступление убедительным и искусным словом. Здесь в силу вступают не обман и манипуляция, а разум, житейская мудрость, профессиональная проницательность.

Ответственность — приурочивание и готовность ответить за произносимые мысли и слова. Ответственность связана с чувством стыда — возможного осуждения и даже позора за неудачно сказанную речь. Безответственность, напротив, соединена с равнодушием к чужому мнению, неуважением к слушателям, она — следствие ослабления волевого начала в человеке.

Решительность — способность настойчиво и волево проводить свои идеи. Решительность связана с внутренней энергией, которая присутствует в каждом человеке, но может быть или ослаблена обстоятельствами, или, напротив, быть мобилизованной внутренним настроением личности. Качество решительности, как и другие свойства оратора, — не просто дается от природы, но вырабатывается и формируется годами напряжённой работы и самовоспитания.

Конечно, здесь перечислены не все *качества оратора*, или *ораторские нравы*. Видимо, можно назвать ещё много качеств, которые приблизят нас к облику идеального или совершенного оратора. Не только каждое время диктует свои нравы и взгляды на идеал поведения и образцы речи — существуют еще и личные взгляды каждого человека на требования к личности, которые проявляются в личностном поведении. Культурное действие в

данном случае состоит в том, чтобы освоить всё лучшее, что известно о свойствах ритора и ораторском искусстве, а затем применить эти знания к своей жизни.

Качества оратора как личности в сочетании со всеми другими требованиями к речи создают в представлении аудитории образ оратора. Образ оратора — это представление человеком себя в речи, вид, облик, «маска», которые сознательно планируются, а затем проводятся в жизнь. Образ оратора оценивается по трём параметрам личности: *нравственный* ли человек? *знающий* ли человек (интеллект, образованность)? *привлекательный* ли человек (эстетическая выразительность, иначе говоря, «нравится» ли человек)?

Не зря слово «образ» имеет связь со словами «образец», «образованность». **Образец** предполагает, что каждый оратор в своей деятельности стремится к определённом идеалу, совершенной модели поведения. Каждое время и каждая эпоха даёт свои стилевые образцы, которым подражают ораторы. Хороший оратор (ритор в целом) всегда занят преобразованием, усовершенствованием жизни к лучшему, поэтому он не только отталкивается от существующих образцов культурно-речевой (профессиональной) деятельности, но и создаёт **новое**: новые идеи, новый стиль в словах и всём образе поведения.

Образованность оратора предполагает формирование внутреннего и внешнего облика человека. «Образуя» себя, человек лепит из себя личность — своеобразный союз души и тела, единственный и ни на кого не похожий. Образование же происходит только через общение, через речь, словесное взаимодействие каждого из нас с миром.

Теперь приложим всё сказанное к отдельным видам ораторской речи, какими являются:

- а) политическое красноречие (политическая ораторика);
- б) судебное красноречие (судебная ораторика);
- в) духовное красноречие (церковная ораторика);
- г) педагогическое красноречие (педагогическая ораторика);
- д) академическое красноречие (устная научная ораторика);
- е) военное красноречие (военная ораторика).

В сущности же, видов красноречия, или ораторики, столько, сколько видов профессиональной деятельности. Перечисленные классические виды красноречия называют основные общественные профессии: политик (дипломат), юрист (судья, прокурор, адвокат), священник, педагог (учитель, преподаватель), военный. Эти профессии требуют активной речевой работы. Современные частные риторика пишутся по всем перечисленным областям. Наибольшим внимание в соответствии с традицией русского судебного красноречия пользуется юридическая риторика; ряд учебников написан по педагогической риторике (А.К. Михальская; Н.А. Ипполитова и др.); создана монография по военной риторике (Ч.Б. Далецкий). Характерно, что до сих пор отсутствует учебник по политической риторике, поэтому ниже рассмотрим эту важнейшую область общественно-речевого взаимодействия.

§ 3. Политическая риторика. Политик — прежде всего оратор, думающий и говорящий, пишущий (иногда пишут спич-райтеры), занимающий определенную позицию и отстаивающий ее в словесных единоборствах. Часто этот оратор молчит, «держит паузу», поскольку нет ничего значимее правильной паузы в риторике: «вовремя сказать, вовремя и промолчать», но нет политиков бессловесных. Поэтому умение владеть речью, рассчитывать свои мысли и слова, формировать через стиль своей речи стиль общественной жизни — качества влиятельного политика-оратора.

Прежде чем говорить о политической риторике, необходимо ясно показать, что такое политика. Если политика, как предполагают иные, есть «грязное дело», то с таким обывательским взглядом лучше не приступать к обсуждению данного вопроса вообще. Необходимо трезво разобрать сущность политики как науки и общественного явления, которое предстает как совокупность речевых действий. Посмотрим, какими были лучшие политики-ораторы в истории России, но прежде скажем несколько слов о том, что такое политика. Вот как писал об этом выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин (1883—1954):

«Политика есть прежде всего служение, не карьера, не личный жизненный путь, не удовлетворение тщеславия, честолюбия и властолюбия. ...Истинное политическое служение имеет в виду весь народ в целом. Истинный политик не раскалывает людей и не натравливает их друг на друга, а напротив, стремится объединить их на том, что им **обще**. Значит, высказывая свои спорные мнения, политик утверждает органическую солидарность всех со всеми. **Политика есть искусство объединять людей**» [Ильин 1993: 155].

Объединение людей — добавим от себя — возможно только через **слово**. Были ли такие объединители в русской истории? Несомненно. В сложные моменты русской истории народ объединялся и восстанавливал жизнь, ведомый такими людьми: Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Петр Великий, Екатерина Вторая — какое бы значительное лицо мы ни взяли, каждый был незаурядной личностью и влияние этой личности выразалась в слове, ораторском или писательском мастерстве, умении общаться с людьми и повести их за собой.

О молодом князе Александре Невском известно, что он был «высок ростом, красив собою», а голос его, по выражению современников, «гремел перед народом как труба». Значит, выступал на вече, призывая к объединению усилий и зовя на битвы.

Весь характер Петра Великого говорит о том, что преобразования давались молодому царю благодаря необыкновенной энергии, трудолюбию, готовности постоянно учиться, живости ума и изобретательности в мыслях и словах. Несомненно и то, что Петр был своеобразным и ярким оратором. Вся его деятельность описывается «речевыми» глаголами: издавал указы, командовал, руководил, много писал, общался с сотнями людей, сам участвовал во всех новообразованиях.

Как ритор Петр снискал себе славу остроумием и оригинальностью суждений. Народная память фиксирует такие «риторические» деяния Петра в рассказах о нем. Вот после победы под Полтавой Петр созвал пир и велел пригласить на него пленных

шведских военачальников. На пиру он предложил пить за здоровье учителей в военном искусстве. Шведы спрашивают: «Кто эти учителя?» Петр отвечал: «Вы, господа шведы».

В 1697 году Петр выехал путешествовать в Европу в составе русского посольства, причем сам он был одним из членов свиты. Правда, хитрость молодого царя была разгадана и ему давали такую характеристику: «Царь высок ростом; у него прекрасные черты лица и благородная осанка; он обладает большою живостию ума, ответы его быстры и верны». Как это похоже на то, что пишет об истинном красноречии Цицерон: «...Для красноречия необходима особенного рода *живость* ума и чувства, которая делает в речи нахождение всякого предмета *быстрым*, развитие и украшение обильным, запоминание — *верным* и прочным» (курсив мой. — В.А.).

То же самое можно сказать о Екатерине Второй. Поэт Г.Р. Державин, бывший ее статс-секретарем, отмечал, что императрица «особливо умела выигрывать сердца и ими управляла как хотела». Как выигрывала? Искусством ловкого ведения диалога со своими царедворцами. Однако, по словам Г.Р. Державина, она «управляла государством и самим правосудием более по своим видам, нежели по святой правде». Последнее и привело к тому, что, чувствуя искусство императрицы руководить своими подданными не всегда «по правде», Державин разочаровался в службе и «охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим сердцем в похвалу императрицы».

Значит, риторическое искусство осуществлять политическое управление должно основываться на **честности и нравственности**. Возможно ли такое? Может быть, это и есть основной вопрос для всякого политика. Не исключено, что не каждый политик ставит его перед собой, но если не поставить такой вопрос при жизни, то такой вопрос ставят потомки, которые оценивают, жил ли этот человек для собственного частного успеха или его общение с народом преследовало цели общего благоденствия. Положительная оценка возможна тогда, когда политика — «не тщеславие, не карьера...»

К сожалению, история русского политического красноречия до сих пор не написана. В 1905 году была издана неплохая книга Попова, которая так и называлась «Политическое красноречие в России». Закономерно, что книга появилась именно в момент рождения в России парламентской демократии. При отсутствии парламента возможностей для ведения политических дебатов в России не было. Насколько это плохо, вопрос спорный: в XIX веке Россия была монархическим государством, в котором власть осуществлялась царскими манифестами и указами, что, кстати, было вполне эффективно для столь обширного государства. Монарх — человек, благословенный на царствование Богом, и русский народ верил в правильность и жизнеспособность этой формы правления. Разве не русская монархия создала великое российское государство? Когда в 1812 году наступил час всенародного испытания, от имени царя издавались манифесты — образцы военного красноречия, звавшие народ на борьбу с французами, а затем эти манифесты направляли ход Отечественной войны 1812 года. Подписанные Александром I Благословенным (на самом деле эти манифесты составлялись академиком Александром Сергеевичем Шишковым, подлинным патриотом и любителем церковно-славянской старины), они стали образцами ораторских воззваний, звавших на борьбу с врагами и защиту Отечества.

Возникновение политического ораторства в России связывают обычно с созывом Первой Государственной Думы. Ее главные деятели были, как правило, и прекрасными ораторами. Таков Павел Милюков, которого Владимир Набоков называет «одним из самых замечательных русских людей». Милюков был «несравненным и находчивым полемистом, речи которого, не отличаясь красотой и отделкой формы, подкупали ясностью, логичностью, полнотой раскрытия содержания». Образцом политического ораторства считался Петр Аркадьевич Столыпин (1862—1911), глава правительства и организатор аграрной реформы в России. П.А. Столыпин произнес в Думе ряд блестящих речей, в которых разработал путь преобразований в России. Как честный политик и патриот своей Родины, он рассуждал о влас-

ти и ее роли в государственной жизни: «Власть не может считаться целью... Власть — это средство для охранения жизни, спокойствия и порядка».

В том, как, по мнению П.А. Столыпина, должен действовать политик, видны благородство и ответственность государственного руководителя, но в его речах, пожалуй, слишком мало политической воли и решительности. Речи Столыпина были скорее изящны и художественны, чем деловиты и решительны. Политическая же речь требует точных указаний, куда двигаться обществу и стране. Сегодня это уже история, но очевидно, что руль управления страной не удалось удержать ни Думе, ни Государю Императору Николаю II. Министр Столыпин говорил о том, что политик не может проявлять «произвол и самовластие», что нельзя «бездействовать», он требовал от своих подчиненных «осмотрительности, осторожности и справедливости», но, к сожалению, Государственная Дума не смогла своей деятельностью (словом!) объединить народ так, как этого требовала политическая ситуация.

В начале XX века существовал кризис политической власти, причины которого можно объяснить последствиями риторических ошибок: идеология власти потеряла доверие народа, т.е. идеология монархии, традиционной русской государственности, веры в Бога были поставлены под сомнение, моду начали диктовать материалистические и социалистические идеи. Духовная связь между «лидерами» страны (Николаем II, основными представителями власти) и народом была потеряна. Выражаясь современной терминологией, отсутствовали доверительные связи с общественностью.

Как пришли к власти коммунисты в 17-м году? Несомненно, мастерством и энергией словесной пропаганды. В речах, текстах политической агитации и пропаганды был предложен новый стиль мысли, речи, поступка и жизни в целом. Если познакомиться с речью Ленина на трибуне Красной площади в 1919 году (особенно по кадрам кинохроники), то нельзя не почувствовать энергию ленинского воздействия, объясняющего «что такое Советс-

кая власть». Разве не очевидный факт, что большевики победили идеологически и словесно (а потом уже оружием), что старый стиль мысли, речи и жизни уже не удовлетворял общество, а образ прежнего человека был поколеблен?..

Вступая в третье тысячелетие, нам необходимо честно осознать историю собственной страны в XX столетии. К сожалению, на волнах демократии было высказано множество антикультурных новаций, которые нивелировали объективные достижения российской духовной цивилизации. Необходимо честно признать, что коммунистический стиль мысли и слова оказался настолько влиятельным в 20–30-е годы, что многие страны мира в XX веке пошли по пути построения социализма и коммунизма — и причиной этому были вовсе не «русские штыки». Правда, от словесного намерения построить общество всеобщего равенства и братства до воплощения в жизнь оказалась дистанция огромного размера.

Обратим внимание на то, что вмешались вновь риторические законы. Политическая речь советского времени, объединявшая людей в 20-е годы для совместной деятельности, вызывала в 70–80-е годы все большее недоверие. Вновь «говорилось одно, а делалось другое...»: на политических семинарах (а они охватывали все предприятия, институты, школы, воинские части и детские сады) формировалась единая идеология — и надо сказать, что люди все чаще видели, как «слова» расходились с «делами»...

В чем состояло поновление стиля общественной жизни Горбачевым? Он начал *по-другому* говорить: не по бумажке, не стандартно брежневским языком, не как Устинов, не как Черненко... В перестройку был предложен новый образ оратора как новый стиль думания и рассуждения. Этот стиль в первое время пришелся ко двору — нашему и западному, правда, сам создатель стиля тут же от него отсекся, утверждая в интервью французскому телевидению, что у нас «один стиль — коммунистической партии» (октябрь 85-го года).

«Демократический» стиль речи сразу был подхвачен: все начальники заговорили без бумажки. Куда нас привел демократизм

языка, стремление говорить как бы без подготовки, теперь очевидно: «трепа и болтовни» в некотором смысле стало еще больше (скажем, особая тема — современный радиотреп), потому что дело не в том, говорите вы «по бумажке» или нет, а в здравых мыслях, выразительных словах, эстетике произношения, но главное — в честности и справедливости суждений. Если же идеалом речевого поведения является только устное неподготовленное слово, то устно сказанные речи обесцениваются сразу после их произнесения. Таковы речи некоторых «безбумажных» политиков, расплодившихся частных радиоканалов, где словно идет тренировка в возможностях распространения пустоговорения.

Каковыми были риторические новации Ельцина? Ранний Ельцин — несомненно *стилевой новатор и умелый ритор*. Быть ритором — значит действовать осмысленно и добиваться своей цели. Ельцин показал себя упрямым, не сходящим со своей позиции человеком (а в риторике главное — занять верную позицию). Его противостояние Горбачеву — насквозь речевое: вдруг взял да покинул зал партийного заседания (то есть значимо отказался от речи), вдруг стал решительно несговорчивым человеком. Решительность и упрямство теннисиста-волейболиста, соединенные с мастерством политической интриги (теннисно-волейбольное перепутболивание типа «ты — меня, а я — тебя» чем-то очень напоминает противостояние в политике), принесли риторический успех.

Увы, Б.Н. Ельцин сошел с политической сцены неудачно и безвкусно. Вспоминается последняя президентская речь ... — никто из спичрайтеров не подсказал (а может, и сам упрямый президент не хотел слушать), что надо с достоинством говорить о стране, а не о себе... Вновь на первое место вышли самолюбие, желание поставить себя в центр событий. Между тем рейтинг больного и стареющего президента уже приближался к нулевой отметке — Борису Николаевичу доверяли менее 0,5 процента россиян.

Как же оценить риторическую деятельность президента Ельцина? Для этого необходимо понять, какая идеология (а это всегда — слова, тексты) стоит за теми или иными действиями. В де-

мократическом государстве всегда отлажены связи между лидерами страны и обществом, народом (то, что сегодня называется *связями с общественностью*, на самом деле — классическая политическая риторика), иначе говоря, происходит внятное объяснение политики, а если необходимо, то и публичное обсуждение острых вопросов.

К сожалению, в риторической деятельности Ельцина было слишком много ошибок. Выступления редки, а значимость и влияние их становились все меньшими. Стиль выступлений делался все более низким и свободно вульгарным, все более в своей разговорной стихии смахивал на заигрывание с народом, чем на серьезный разговор с ним (хотя очевидно, что президентские пиарщики советовали говорить на сермяжном языке простыми словами и короткими предложениями). Эмоциональная решительность последних выступлений Б.Н. Ельцина вызывала уже ироническую реакцию слушателей. Многочисленные повторы, короткие предложения, писавшиеся спич-райтерами под речь президента, слишком явно говорили о том, что ему пора «уходить».

Последнее новогоднее выступление Ельцина на посту президента накануне 2001 года окрашено извинительными чувствами с постоянно повторяющейся фразой: «Я ухожу...» Характерно, что никто из помощников-режиссеров этой речи не подсказал президенту, что ритуальная поздравительная речь так не строится... И то сказать: классическая риторика с советами Аристотеля и Ломоносова о том, что в поздравительной речи надо говорить о прекрасном, связывая прошлое с построением будущего, неизвестна русскому пиарщику, воспитанному на советах Дейла Карнеги.

Кстати, есть в демократическом государстве проблема, которую следует обозначить перефразом названия известной пьесы: «вся президентская речь». Наш российский читатель не имеет возможности в точности знакомиться с речами главных лиц государства. Петр Великий требовал от своего окружения, «чтобы глупость каждого была видна», наши же демократические газеты ограничиваются журналистскими вольными пересказами. После коммунистической традиции публиковать на первых страни-

цах газет полные речи генсеков демократическая пресса не дает возможности познакомиться с полными текстами — целыми речами первых лиц государства. Не вследствие ли этого речи политиков обесценились? Кажется, что политики хотели простого и доступного общения с народом, а результатом становится вульгарно-упрощенный стиль якобы простонародного разговора. Между тем подчас достаточно было бы попросту точно опубликовать «всю президентскую речь», а не интерпретировать ее в журналистских, якобы независимых пересказах.

Чтобы дать возможность почувствовать стиль политической речи Б.Н.Ельцина, публикуем целиком его последнюю новогоднюю речь. Советуем вчитаться в этот текст, оценив, какие слова и мысли употребляет первый уходящий президент России.

Речь Б.Н. Ельцина 31 декабря 1999 года

Дорогие друзья!

Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам как президент России.

Сегодня, в последний день уходящего века я ухожу в отставку.

Я много раз слышал: Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст — это враньё!..

Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом и с которым почти каждый россиянин связывает свои надежды на будущее — почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода?

Нет, это не по мне. Сегодня в этот необычный, важный для меня день хочу сказать чуть больше своих личных слов.

Я хочу попросить у вас прощения. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторые надежды у тех людей, которые думали, что мы можем одним махом, одним рывком, одним знаком сможем перепрыгнуть в светлое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил...

Мы продвигались вперед через ошибки, неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясения, но я хочу, чтобы вы знали — никогда [никогда] этого не говорил — сегодня мне важно вам это сказать:

Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, моем сердце... Я ухожу... Я сделал все, что мог...

Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше. Я всегда был уверен в удивительной мудрости россиян. Поэтому не сомневаюсь, какой выбор вы сделаете в конце марта 2000 года.

Прощаясь, я хочу сказать каждому из вас: Будьте счастливы! Вы заслужили счастье. Вы заслужили счастье и спокойствие.

С Новым годом! С новым веком, дорогие мои!

И вот Путин... Политики, социологи, журналисты, психологи гадают: в чем секрет популярности сегодняшнего президента (для сравнения скажем, что рейтинг доверия уже в октябре 2001 года приближался к отметке 75 процентов). Выражаясь языком риторики, Путин избрал верный способ поведения, который реализовался в образе оратора, вызывающем доверие большинства населения России и продолжающем вызывать доверие у большинства зарубежных партнеров.

Характерны недоумения ряда журналистов: «у Путина нет яркого ораторского дарования», — пишет немецкий журналист Александр Рар в книге «Владимир Путин: “Немец” в Кремле». Но с тезисом об ораторских дарованиях надо вообще быть осторожнее в русской аудитории. Русский человек не очень-то доверяет внешней красоте убедительных и смелых речей (таково достаточно скорое разочарование в американских проповедниках, влиявших только на наиболее податливую и необученную часть слушателей). Не в этом ли и конечная риторическая неудача Жириновского, который готов отвечать на любой вопрос, но слушает такого сверхговорливого, готового ловко выкрутиться из любой ситуации оратора — и в конце концов не голосует за него... Путин скорее скромнен и ответственен в своих речах, диалогах, но и имеет определенную точку зрения, защищает интересы России — и народ начинает доверять. А доверие — основное, чего добивается любой политик-оратор.

Некоторые близкие люди называют его «молчуном», но за этим молчанием, точнее будет сказать, немногословием, стоит

вполне сознательная позиция. Характерно, как на настойчивый вопрос лучшего друга Сергея Родругина: «Ты кто? Что ты можешь?» — Путин отвечает в терминах риторики:

— Я — специалист по *общению с людьми*.

Характерно признание жены Людмилы Путиной, рисуящее облик современного политика:

— Мне вообще казалось, что у Володи пол-Питера знакомых. У нас всегда был полный дом народу. Особенно в выходные дни. Да и в будни. Всегда кто-нибудь заходил. В основном по его инициативе. Он любит *общаться с людьми*...

Сам Путин о себе:

— Недостаток *общения с людьми* сильно подавляет меня эмоционально. Потому что у меня очень хорошие друзья...

Возможно, Россия впервые за долгие десятилетия получила президента — лидера страны, речи и стиль общения которого нравятся большинству людей. Чтобы почувствовать этот *новый* стиль президентской речи, посмотрим внимательнее неопубликованный текст президентского обращения в новогоднюю ночь 2001 года. Если вчитаться, то можно увидеть в нем множество «новых» слов, которые о многом скажут: за всяким политиком стоит его стиль речи — в словах, произношении, энергии, воле, настроении, которые предлагаются обществу.

Речь президента Путина на Новый 2001 год

Дорогие друзья! Уважаемые граждане России! (Обратите внимание: не «Дорогие россияне!»)

В эти минуты мы не только сверяем наши часы, мы сверяем наши помыслы и чувства, сверяем наши ожидания. Наши ожидания с тем, что мы имеем в действительности.

Позади остается еще один год, год радостных и трагических событий, год трудных решений. И все-таки то, что совсем недавно казалось почти невозможным, становится фактом нашей жизни. В стране появились заметные элементы стабильности, а это многого стоит и для политики, и для экономики, и для каждого из нас. Мы собрались наконец вместе и собираем Россию, мы поняли, как дорого дается и как высоко ценится достоинство страны.

Мы с вами знаем, в эту праздничную ночь далеко не у всех богатый стол, не в каждом доме счастье и успех, и должны помнить об этом, не забывать о том, что у нас еще очень много, очень много работы, но выполнить ее под силу только всем вместе. И тогда обязательно придет время, когда мы будем спокойны и за наших стариков, и за наших детей.

Дорогие друзья! Я знаю, что все вы сейчас уже поглядываете на часы. Действительно, через несколько секунд мы одновременно вступим и в Новый год, и в новый век, и в новое тысячелетие. Такое бывает не часто и повторится лишь с нашими потомками, жизнь которых нам сегодня даже трудно представить. Именно им мы оставим в наследство и наши успехи, и наши ошибки.

Но в эти мгновения каждый из нас думает о своих любимых и близких. Хочу пожелать вам того, чего обычно желают родственникам и друзьям: здоровья, мира, благополучия и, конечно, удачи.

Счастья вам! С Новым годом!

Стилистическое поновление (это и есть риторическое изобретение!) ощущается уже в обращении: начатое с традиционного «дорогие друзья!», далее — отказ от «дорогих россиян» и серьезное «Уважаемые граждане России!». В стиле первого абзаца имеется ряд значимых словесных новаций, выразительно проявляющихся на фоне нейтральной лексики. Так, возможно, бессознательно действуют на восприятие аудитории повтор глагола «сверять» с объединяющим всех значением слова *вера*, затем — старинное русское слово «помысл», означающее начало мысли «в глубине сердечной» (таково православно-психологическое толкование этого слова). Значимо и обращение к чувствам — основе риторического воздействия.

Сказанным далеко не исчерпывается анализ речевой деятельности двух основных политиков, стоящих у власти в современной России. Обратим внимание на то, что образ человека, данный обычно как образ публичного оратора, становится предметом описания и характеристики в современных СМИ, на сайтах в Интернете, в создании портретов лидеров стран и политических партий.

Обобщая сказанное, предлагаем ряд тезисных суждений относительно речевой деятельности политика:

1. Политика есть общение с народом, служение народу. Всякий политик — оратор.
2. Сила политика, его авторитетность — в избранной идеологической и философской платформе. Оцениваются идеи, взгляды, мировоззрение. Политик оценивается по его позиции в том или ином вопросе. Позиция должна быть убедительна, а он сам — должен уметь убеждать. Убеждение происходит в разных формах слова: письменного или устного.
3. Политическая речь относится к совещательной речи, цель которой — польза для страны, партии, конкретной группы людей (Аристотель. Риторика). Часто политики пользуются аргументами сиюминутной выгоды, скрывая отрицательные моменты и выставляя положительные. В этом смысле политическая речь нередко доказывает не истинное, а сиюминутно выгодное и полезное. Но это не значит, что в политической речи можно лгать, а политика — «грязное дело». Напротив, доказательство выгоды и пользы оценивается в конечном счете по нравственным законам и всякий политик судится по тому, какую пользу стране, обществу, людям он принес.
4. Современный политик действует в разных видах речи: выступает по телевидению, дает интервью журналистам, произносит речи в избирательных компаниях, ведет заседания, проводит переговоры. Его деятельность — многообразна и требует разносторонних речевых навыков. Вопрос: кто и где его этому учит?
5. Часто слова политика становятся плодом коллективного авторства спичрайтеров (скажем по-русски: лиц, помогающих составить речь). Но не надо преувеличивать роль последних — в конце концов заключительный выбор всегда остается за самим политиком. Хотя политик может обладать штатом помощников (спичрайтеров, имиджмейкеров, костюмеров, гримеров и пр.), ответственность за сказанные слова несет он сам. Текст может создаваться коллективом, но озвучивает речь, несет ответственность, а значит, и волнуется за ее успех сам политик.

6. Политика выдают его **слова**. «За худые слова слетит голова...» — эту поговорку стоит вспоминать тем политикам, чьи неудачные слова или обмолвки гуляют из уст в уста. За **отбором слов** приходится следить едва ли не более всего. Причем хороший политик находит середину: говорит просто, но не упрощенно; остроумно, но не вульгарно; литературно, но не заумно; выразительно, но не оригинальничает; неожиданно и ново, но не так, как иные журналисты: «для красного словца не пожалеем ни мать, ни отца...» Хороший оратор подобен стрелку, который ищет мишень, пытаясь точным словом попасть в «яблочко».
7. Важно и **соединение слов, построение фразы**. Есть политики, которые говорят только простыми предложениями — к их примитивной речи рождается недоверие: если они литературно необразованны, способны ли они решать государственные дела? Есть политики, которые способны к построению сложных фраз и фигур речи в импровизированных выступлениях — таковые скорее вызывают у аудитории доверие (ср. речи Е.М. Примакова) — литературная образованность предполагает знание. Впрочем, и они не должны говорить слишком книжным научным языком.
8. Наконец, речь политика оценивается аудиторией с точки зрения **произношения**. К политику предъявляются требования говорить внятно, интонационно убедительно (но не нервозно), иметь приятный (не «гугнивый») тембр, развивать мысль в определенном темпе (чтобы вкладывать ее в разум аудитории), рассчитывать энергию голосового нажима на публику.

Сказанное, конечно, только основа. Будем верить, что у нашей страны и ее политиков — светлые перспективы, ибо без веры не может жить человек. Но и вера без дел мертва, а дела политика — это его мысли и слова. Пусть же слово не расходится с делом, но то и другое будет осмысленно, мастеровито и жизнотворно.

В заключение данной главы публикуем так называемый «Манифест ритора» — ряд практических советов и рекомендаций к ведению и построению ораторской речи.

МАНИФЕСТ РИТОРА

1. Цицероном может стать каждый. Подобно Цицерону ритор понимает, что красноречие слагается из многих знаний и стараний, поэтому трудится вдохновенно и стремится к знанию.
2. Ритор — прежде всего достойный человек, добивающийся речевого успеха честным путем и открытыми доказательствами.
3. Как писал преобразователь деловой России Мих. Мих. Сперанский, *основания красноречия суть страсти*, поэтому ритор настраивается на бодрое и энергичное общение, тренирует волю и находит нужное для эмоционального воздействия содержание.
4. Ничто не отличает так человека от других созданий, как сила ума и дар слова. Значит, ритор шлифует ум и сознает, что «богатство языка есть богатство мыслей» (Карамзин).
5. Риторика — не красноречие, а серьезная наука, требующая подготовки, эрудиции, опыта и тренировки.
6. Всякую речь, которую ритор произносит публично, он предварительно готовит или продумывает.
7. Ритор старается говорить спокойно и уверенно, достаточно громко и отчетливо, владея собой и аудиторией. Если ритор проигрывает, то проигрывает достойно.
8. Произнося речь, он помнит, что обращается к людям, а не к бумажке, на которой написан текст его выступления.
9. Ритор говорит только то, что думает. При этом он всегда думает, что говорит, хотя и никогда не говорит всего, что думает и может сказать.
10. Ритор использует только литературные слова и выражения, без лишних иностранных заимствований, стремится к богатству слов и выражений.
11. Он произносит речь не словами, а фразами. Его фразы связаны и каждая из них завершается четко и ясно.
12. Пауза — великое проявление мастерства. Пауза выделяет наиболее значимые слова и формулировки. Долой пулеметность речи!

13. Ритор стремится интонировать свою речь — и делает это естественно и умеренно.
14. Он не заливается соловьем — говорит для людей, а не для самовыражения, поэтому контролирует реакцию аудитории, фиксирует заинтересованных и безразличных, дружественных и враждебных. Старается видеть и реагировать.
15. Реплик из зала ритор не боится и реагирует по обстоятельствам, не давая втянуть себя в дискуссию. Он должен сказать все, что намеревался.
16. Завершение речи ратора энергично и оптимистично. Подъемом голоса и завершающей интонацией он показывает, что сказал все, что хотел сказать и не забудет поблагодарить вас за внимание.
17. Ритор человеколюбив, поэтому не говорит лишнего и не мучает людей своими речами. Ведь речь насильно действует на организм слушателя — предел этому насилью должен быть положен своевременно.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как соотносятся между собою термины *риторика* и *ораторика*? Что такое ораторика и ораторское искусство? Почему определение риторики как ораторского искусства недостаточно?
2. Как риторическое искусство проявляется в интеллектуальной деятельности людей различных профессий?
3. Что такое хороший оратор? Какого человека вы назвали бы хорошим оратором?
4. Что такое ораторские нравы? Какими качествами, на ваш взгляд, должен обладать хороший оратор?
5. Что такое речевой талант? Развивается ли талант? Можете ли вы привести пример последовательной работы над развитием своего таланта?
6. Назовите виды красноречия (ораторики, ораторского искусства). Какие из них, по вашему мнению, получили в русской традиции наибольшее развитие?

7. Что такое политика? Как деятельность политика связана с речью?
8. Вы согласны с тезисом: политик — это прежде всего оратор?
9. Приведите пример политика-оратора. Напишите краткий реферат о политическом деятеле, включив в него: а) сведения о биографии, б) речевую характеристику.
10. Кто из современных политических деятелей вызывает у вас симпатию (антипатию) по характеру ведения и построения своей речи? Почему?

Глава X

УЧЕБНАЯ РИТОРИКА

§ 1. Учебная речь как сфера общения

В учебной риторике как разделе частной риторики исследуется учебная речь, т.е. общение преподавателя и студентов (учителя и учеников) в процессе обучения. Деятельность преподавателя осуществляется в определенных формах учебной речи. Однако реальная учебная речь как объект изучения исследовалась крайне недостаточно. Между тем если представить, что же готовит преподаватель-практик прежде всего, то с полной уверенностью можно сказать, что он готовит прежде всего свою речь, свое будущее общение с учащимися. При этом он может представлять или планировать и свой будущий образ оратора, и прогнозировать речевое поведение аудитории (образ аудитории). Для того чтобы обеспечить практическое решение этих проблем, необходимо обратить внимание педагогов-практиков на ряд вопросов, отражающих реальные компоненты речевого акта: осознание специфики и задач данного вида общения (учебной речи), подготовка речи, образ оратора, эмоциональное воздействие, содержание речи и педагогическая аргументация, композиция речи, стиль речи (отбор слов, синтаксическое построение, произношение). Кроме этих вопросов практически важными считаем описание различных жанров учебной речи — прежде всего ведения учебного диалога и объяснения материала. Немаловажным представляется вопрос знакомства с историей русского академического красноречия, поскольку очевидно, что педагогическая речь в каждой национальной культуре имеет свои традиции. Ниже приводятся краткие конспективные решения вышеописанных проблем.

Преподаватель перед студентами строит свою речь не так, как ученый, выступающий перед коллегами, не так, как оратор на со-

брании, не так, как актер перед публикой, не так, как судья в зале суда, не так, как родители, беседующие с детьми, — все это разные виды речей, имеющие свои правила ведения и построения. Каковы же те особенные **речевые отношения**, которые создаются между учителем и учениками, какое **содержание** передает учитель, какие цели преследует его речь, какие **чувства** стремится он родить в слушателях, как он должен говорить, чтобы добиться успеха?

Что такое **учебная речь**? Каким критериям педагогического мастерства должна соответствовать деятельность преподавателя? И что такое обучение — наука или искусство?

Сравните: преподаватель 2—3 раза в неделю готовится к встрече со своими студентами, приходит в аудиторию в назначенный день и час, проводит определенное (установленное расписанием) время занятий, расстается — и вновь следующий круг... Эта речь как бы «бесконечна», она по условиям общения регулярна и многократна (совсем не то в ораторском выступлении на собрании, или в бытовой беседе, или в поздравлении, произносимом однажды перед данной аудиторией).

Цель учебной речи — выработать навыки и умения, передать знания, **деловая** речь решает производственные вопросы, **разговорно-бытовая** речь организует нашу повседневную жизнь, **научная** речь занята поиском истины, давая принципиально новые сведения для круга специалистов, **политическая** речь склоняет к определенному решению — передача знания или поиск истины здесь не являются актуальными.

В учебной речи происходит не только передача, но и проверка знаний. Таким образом, учебный материал продумывается и проговаривается в *повторении* много раз. **Содержание учебной речи** основывается на программах и учебных текстах — текстах учебников и пособий. **Учебные тексты** — содержательная основа педагогического общения.

Оптимальное ведение учебной речи предполагает решение многих вопросов, в том числе: 1) каким быть преподавателю, 2) каким быть студенту, 3) какова подготовка к занятиям, 4) ка-

кие эмоции должны быть в аудитории, 5) каково содержание обучения, 6) стиль речи преподавателя, 7) образцы речи преподавателя и т.д. Разберем каждый из этих вопросов в отдельности.

§ 2. Образ оратора и личность преподавателя

В учебном процессе участвуют две стороны (то же самое с позиции разбора коммуникативного акта в педагогическом общении): преподаватель и студенты (учитель и ученики). Преподаватель заботится о том, чтобы найти и воплотить наиболее целесообразный и уместный **образ оратора (говорящего)**, то есть, основываясь на определенных внутренних и внешних качествах своей личности, представить себя, как писали древние, «человеком определенного склада» (см. более подробно главу 5 «Образ и личность ратора»). Иными словами, каждый преподаватель должен найти свой стиль личности, стиль, присущий только ему. Стремление сформировать свой стиль (естественно, оставаясь в рамках установленной программы и содержания обучения) — необходимый компонент педагогического мастерства любого опытного преподавателя. Именно стиль преподавания позволяет вызвать у учащихся равнодушное отношение к преподавателю как партнеру педагогического общения и через преподавателя соотноситься с собственно учебным предметом, который ярче закрепляется в сознании учащихся.

Образ оратора — то, как преподносит себя в речи каждый преподаватель. Он формируется из совокупности внешних и внутренних данных личности преподавателя. Исходя из своих возможностей, каждый преподаватель пытается представить, как ему выгоднее всего вести себя в учебной аудитории, какую «маску» надеть, в каком «образе» себя представить. Хотя «многообразие» преподавателей очевидно, но при всей уникальности каждой преподавательской личности и создаваемых ими «образов» можно говорить и о некоторых типологических свойствах личности учителя, качествах характера и требованиях к их проявлению в учебной работе.

При том, что имеется множество интереснейших описаний портретов учителя-русиста (они обнаруживаются как в исторической литературе, так и в современной публицистике, педагогических описаниях различного жанра), едва ли возможно нарисовать законченный «идеальный» портрет учителя-русиста с предложением некоторого набора требований, который можно было бы представить как «кодекс»...

Хотя каждое описание тяготеет к законченности (как, например, и устная беседа со стажерами или студентами по теме «требования к личности учителя»), но реальный практический успех в работе конкретного преподавателя должно принести: 1) постоянное обращение к многочисленным практическим описаниям работы классиков педагогики и лучших достижений сегодняшнего дня, 2) учителю может быть предложено только постоянное размышление над «проклятыми» вопросами своей работы, когда он соотносит с рекомендациями многочисленных описаний свой собственный облик.

Фрагмент такого описания требований к личности преподавателя приводим ниже:

1. Ход занятий управляется **волей** преподавателя. Преподаватель должен не только владеть собой, но и направлять внимание студентов, давать целесообразные задания, держать аудиторию в нужном эмоциональном напряжении.
2. Преподаватель должен быть **строг и требователен** к выполнению своих заданий, так как он выступает не от собственного лица, а от лица знания. Поскольку объем знания, науки в целом всегда выше и больше знаний конкретного человека, от преподавателя требуются **скромность** перед лицом всеобщего знания.
3. Внутреннее движение занятию сообщают **ясность и определенность** в понимании целей занятия, методически оправданный материал, в целесообразности которого уверен преподаватель. Тогда внутреннее движение и уверенность незримо передаются и ученикам.

4. Цели занятия реализуются в конкретной аудитории, поэтому от преподавателя требуются **гибкость**, способность **импровизировать** и известная **смелость**, позволяющая делать отступления и переключаться на разные виды работ.
5. Гибкость занятия рождается от **мгновенной точной оценки** знаний аудитории, умения **ориентироваться** в учебной обстановке. Правильная оценка создается **натренированным вниманием** к реакциям аудитории на действия преподавателя, поэтому преподаватель должен и суметь задать нужный вопрос, и мгновенно «прочитать по лицам» реакцию учеников.
6. Преподаватель должен чувствовать, **какой и сколько материала** он может ввести на занятии — это зависит от характера аудитории. Кроме того, его речь должна укладываться в рамки ограниченного учебного времени.

Сказанным не исчерпывается набор требований к преподавателю. Более того, у каждого из хороших профессиональных педагогов складывается несколько свой «идеал» профессионала-учителя с акцентировкой тех или иных требований к характеру и образу поведения в аудитории, набору методических приемов в работе и т.д.

Немаловажным в общении с аудиторией является сознательное формирование преподавателем определенного **образа аудитории**. Учитывая характер аудитории (включим сюда не только особенности родного языка учащихся, но и индивидуальные особенности личностей учащихся, собравшихся в одном учебном коллективе), преподаватель всеми способами своего общения формирует **образ аудитории**, то есть из собравшихся лиц — определенный коллектив, которым он руководит и стремится направить в нужную сторону. Коллектив объединен общей задачей, но это всегда собрание разных личностей — преподаватель к каждому учащемуся должен найти свой подход.

Задача преподавателя — не только расширять свои профессиональные знания, совершенствовать умения и навыки практической работы, но постоянно размышлять, внутренне прорабатывать характеры и возможности своих учеников. Что касается

речи преподавателя, то ее соотнесенность и направленность на собеседников-обучаемых — важнейшая часть педагогического мастерства. Преподаватель должен вырабатывать у себя **умение слушать** (это — основа тактики ведения любого диалога), способность руководить учебной беседой и речевыми отношениями с учащимися (какую бы роль мы ни отводили ученику как субъекту и активному участнику учебного процесса, преподаватель не может перестать быть лидером общения), уметь отбирать содержание речи и ориентировать логическую ориентацию на знания учащихся, наконец, владеть стилем речи, уместным в данной аудитории и внутренне принимаемым учащимися.

§ 3. Подготовка учебной речи

Подготовка преподавателем будущего занятия обычно состоит в том, что им продумываются, прорабатываются, внутренне проигрываются содержание и форма предстоящей учебной речи. Внутренний диалог с аудиторией — основа подготовки устной речи. Реально это проявляется в том, что учебная речь, являясь риторическим видом словесности, может иметь **письменный прототип** (как и другие ораторские виды речи) — в отличие от разговорно-бытовой дописьменной речи, не требующей предварительной письменной фиксации. В какой форме преподаватель будет готовить занятие (запишет ли он подробно каждую часть урока, или только приготовит конспект, или только план) — зависит от опыта и индивидуальных наклонностей самого преподавателя. Методика в данном случае может представить только общую рекомендацию: готовиться и размышлять над будущим занятием как можно больше, причем если молодому преподавателю рекомендуют писать подробный конспект, то едва ли целесообразно требовать такого же конспекта от опытного педагога, который, зная материал, импровизирует, исходя из возможностей данной аудитории. Тем не менее нередко в практике видишь опасность «неподготовленности» преподавателя, особенно преподавателя русского языка. Поскольку содержанием занятия может быть как

бы «все на свете», необходимы тщательный отбор и умелое управление учебным диалогом, что требует вполне определенной подготовки.

Отметим, что подготовка занятия зависит от:

1. **типа занятия.** На занятии может вводиться новый материал — он требует тщательного продумывания, иногда написания плана, конспекта, подробной разработки урока. Преподаватель готовит будущее занятие, как бы «проигрывая» его про себя: прогнозируются вопросы и предполагаемые ответы, содержание комментариев и то направление, которое может получить занятие в своем развитии. Если материал на занятии только повторяется, то такой тип урока требует, естественно, меньшей подготовки;
2. **состава письменного текста или разработки,** по которым готовится преподаватель. Преподаватель обычно готовит устную интерпретацию учебного текста — его подготовка заключается в том, чтобы увидеть, как данный **текст** будет представлен в **учебной речи**: как будут реагировать конкретные ученики, какими будут различные формы работы с текстом (его пересказ, цитирование, чтение с комментарием и т.д.);
3. **жанра учебной речи и формы будущего занятия.** Каждый из основных жанров учебной речи (лекция, семинар, диалог, экзамен) имеет свои законы ведения речи и подготовки к ней. Например, лекция требует прописывания или продумывания форм будущей монологической речи, преподавателю необходимо хорошо представлять композицию речи, расположение отдельных кусков в пределах учебного времени. Особую роль в учебной речи играет диалог: так как логическая мысль, изложенная в объяснении преподавателя, сразу усвоена быть не может, требуется неоднократное проговаривание ее в диалоге с учителем. Для создания такого диалога необходима самоподготовка: у ученика она выражается в чтении, конспектировании и внутреннем проговаривании будущего диалога с учителем, учитель же к каждой форме работы должен гото-

виться по-своему, предусматривая в самом уроке многообразие видов деятельности, но подготовка собственно учебного диалога требует от него точных вопросов, представления возможных ответов учеников и того, как может измениться ход занятий в аудитории;

4. **личности, опыта и темперамента самого преподавателя.** Безусловно, опытный преподаватель затрачивает меньше времени на подготовку к занятиям. Но индивидуальный опыт часто подсказывает и индивидуальные приемы в подготовке занятий. Во всяком случае, это вопрос еще неразрешенный и, возможно, требующий массового опроса и анкетирования. Частные беседы позволяют выделить случаи, когда преподаватель, имея знания по будущей теме, настраивает себя эмоционально таким образом, что сами конкретное занятие и аудитория должны подсказать способ изложения материала и ведения занятия. Выгода такого педагогического ощущения в том, что оно позволяет преподавателю чувствовать себя не скованным определенным планом и импровизировать в живом общении с аудиторией;
5. **характера аудитории.** Знакомая аудитория требует меньше времени на подготовку, так как преподаватель знает, чего «ждать» от будущего общения. Но так или иначе аудитория всегда внутренне «прорабатывается» преподавателем, «проигрывающем» про себя завтрашнее занятие;
6. **чувства долга**, которое является основным в преподавательской этике. Мотив **должного** в отношении преподавателя выражается в настрое на передачу некоторого обязательного в обучении материала. Мотивами долга он руководствуется и тогда, когда требует от учащихся знания этого материала. Возможно говорить и о внешнем проявлении чувства долга — своевременном приходе на занятия. В результате выполнения всех этих требований и у учителя, и у учеников должна осуществиться эмоция радости от совершенного труда.

§ 4. Содержание и доказательство в учебной речи

Содержание учебной речи предписано программой и учебными текстами (учебниками и пособиями), на которые ориентируется преподаватель, когда готовится к занятиям.

В сущности, здесь две проблемы:

- 1) **отбор и создание учебных текстов**, что делают методисты, авторы учебников, сами преподаватели (то, что бывает еще до прихода преподавателя в аудиторию);
- 2) воплощение материала учебников и программ в **учебной речи** преподавателя, а какой должна быть эта новая интерпретация, каковы содержание и форма педагогического общения — эту проблему решает каждый преподаватель индивидуально. Размышление над этим вопросом, выяснение типологических трудностей — и есть наша задача.

Основная педагогическая проблема — содержание обучения. Она основывается на **отборе текстов** и их **создании** (иначе говоря: «чему учить?»). Этой проблеме общество уделяет большое внимание, потому что учебные материалы должны представить в школьно-вузовском обучении не только сам язык, но мировоззрение народа, предложить определенный стиль мысли и поведения; школа в широком смысле учит не просто иностранному языку, но формирует определенное сознание, определенного человека в языке.

Содержание учебных текстов отбирается и утверждается педагогической традицией. Например, для преподавания литературы в российских школах отобраны классические авторы: Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Чехов, Горький и др.; преподавание языка ведется с целью научить письменной речи и дать элементарные сведения из лингвистических дисциплин — текстовые примеры берутся обычно из тех же хрестоматийных авторов. Так формируется языковое сознание современного русского человека. Однако и здесь отбор авторов не случаен и не канонизирован до «скончания века» — напротив, он отражает идеологическо-стилевые устремления и тенденции, существую-

щие в сегодняшнем обществе. Так, эпоха перестройки удалила из преподавания многие тексты «социалистического реализма», а ввела читавшиеся «тайно» тексты А. Ахматовой, О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Высоцкого и мн. др. Так со сменой стиля жизни меняется стиль обучения — и трудно сказать, что первично: школа формирует сознание общества или общество требует идеологическо-содержательных изменений и реформирует школу.

Определенные традиции сложились и в преподавании русского языка как иностранного. Считается основным обучение русской речи с обязательным знанием лингвистических дисциплин (фонетика, грамматика, лексика). Однако вопрос, какой **материал** отобрать для того, чтобы представить русского человека и русскую речевую культуру наилучшим образом, — стоит для русистов по-прежнему остро.

На наш взгляд, **отбор текстов** (значит, и отбор содержания) должен учитывать не только языковой принцип (ведь мы обучаем языку) или традиционный **тематический** («город, семья, школа, искусство...»), но также принцип **культурной значимости** текста. Ведь сам выбор учебного текста и включение его в обучение означает признание его культурной ценности и «образцовости», это — новое «рождение» текста, продолжение его жизни в педагогике. Конечно, такой текст должен нести **значительное** содержание, он должен быть **стилистически ценностен**, в отборе и создании текста должен проявиться **вкус** методиста как его способность понимать прекрасное в языке.

Здесь вопросы только поставлены, но не разрешены. Хотелось бы искать ответа на них в анализе и создании наших конкретных курсов обучения. Но главный вопрос остается: «чему мы учим?»

§ 5. Текст учебника и учебная речь

Текст учебника всегда претерпевает изменения в учебной речи или педагогическом общении преподавателя и студента. Методическое искусство преподавателя заключается в оптимальной

интерпретации учебных текстов и умения применить программный материал в классе.

Преподаватель в аудитории, отправляясь от учебника, должен всегда несколько по-новому (в зависимости от характера аудитории) объяснять материал, отвечать на вопросы, убедительно доказывать и вести занятия в нужном ему направлении. Объяснение, доказательство, приведение примеров зависят от искусства речи конкретного преподавателя, который должен «здесь, сегодня, сейчас» воплотить задуманные педагогические идеи в жизнь.

Допустим, преподаватель подготовил план урока, но он не знает, какие случайности ждут его на занятии, какие неожиданные вопросы могут возникнуть в аудитории, какие доказательства и примеры придется ему изобрести в конкретной обстановке урока. В то же время преподаватель должен быть готов к тому, чтобы ответить на вопросы, разрешить сомнения учеников. Здесь в дело вступает педагогическая *интуиция*, нацеленность на передачу знаний, внутренняя мобилизация и готовность к тому, чтобы вместе с учениками идти по трудной дороге познания.

Студенты должны верить преподавателю не только потому, что он — преподаватель (значит, авторитетен для них), в арсенале преподавателя должны быть умение пробудить мысль учеников, умение построить доказательство приведением ярких примеров, ясных аргументов — всего, что включает знание предмета.

§ 6. Эмоции в педагогической речи

Эмоция занимает центральное место в ведении речи и в искусстве убеждения аудитории. Данное общее положение распространяется и на педагогическое общение. Поскольку предмет учебной речи сложен, требует волевых усилий для его освоения, необходимо держать аудиторию в некотором напряжении, всячески возбуждая эмоции слушателей. Всякий преподаватель делает это по-своему: один — строгостью, другой — шуткой, третий — самым материалом, но каждый хороший педагог находит индивидуальные эмоционально-стилевые приемы.

Наблюдения показывают, что педагогические цели достигаются не развлекательностью материала или вызовом эмоций на себя, а наведением разнообразных типов эмоций. Тогда слушатели выходят из аудитории с удовлетворением от проделанной работы и преодоления материала, одновременно испытывая эстетическое наслаждение от встречи с личностью педагога. В умении навести на аудиторию нужный тип эмоций проявляется искусство преподавателя как учебного оратора.

Побуждающей эмоцией к началу учения является само желание учиться, **любовь или тяга к знанию**. Это чувство предвкушения знания, жажда переживания рациональной эмоции существуют как бы тайно, подспудно предшествуют процессу учения. Но когда начинается труд учения, то вступают в действие и другие чувства, поддерживающие вышеназванные и сознательно вызываемые у аудитории преподавателем. Имеется в виду прежде всего развитие чувства долга, приложение эмоциональных волевых усилий к труду учения. Например, от школьника в начальных классах требуется усидчивость, воспитываются терпение и воля к тому, чтобы «высидеть» 40 учебных минут. И если они заканчиваются похвалой учителя, продвижением вперед, получением заинтересовывающих знаний, ученик уходит счастливый и довольный.

Таким образом, чувство **интереса** к занятиям поддерживается не только и не столько занимательным и интересным материалом обучения, но и эмоциями, сопровождающими напряженный умственный труд. Последний же требует **внимания, сосредоточенности**, умения **подчиняться** — этим чувствам преподаватель должен уметь находить эмоциональную «разрядку» в виде переключения на различные формы работы или даже в отвлечении на кратковременные шутки (именно с целью «оживить» эмоции аудитории).

Одна из главных эмоций, возбуждаемых в аудитории, — эмоция **соревнования**, проявляющаяся в положительном стремлении больше узнать и показать свои знания.

Безусловно, преподаватель должен добиваться от учащихся **раскованности и смелости**, снятия напряженности, что успешно реализуется в суггестопедической методике. Однако опыт показывает, что нельзя полностью снимать и антагонистическую, защитную реакцию перед собеседником, ибо правила слушания предполагают активную оценку и критическую проверку речи говорящего — поэтому было бы неверно обеспечивать убеждение аудитории путем отклонения ее воли, путем создания только оттошенных доверительности, без активного отношения контроля.

§ 7. Классическая педагогика и риторика о речи учителя

Прежде чем перейти к анализу стиля речи преподавателя необходимо обратиться к классическому педагогическому опыту, зафиксированному в особом разделе риторики, именуемом **академическим красноречием**. В этом разделе обобщался опыт лучших мастеров педагогического труда, выраженный в речевом контакте с учениками и студентами.

Вопрос о том, каким должно быть учителю и какой должна быть его речь к ученикам, традиционно рассматривается в учебной риторике (в частности, в сочинениях об обучении риторике) и педагогических сочинениях. Для классической педагогики очевидна мысль о необходимости правильного словесного контакта, речевого воздействия на учеников и воспитания их через слово. Изучение классических риторических и педагогических сочинений важно еще и потому, что в них обычно задается стиль общения и педагогических отношений в последующей традиции. Для Европы одним из безусловных создателей такого стиля является Квинтилиан — в подтверждение того, что изложенные в его «Риторике» мысли об облике учителя и его отношениях к ученикам остаются актуальными и поныне, приводим с краткими комментариями цитату из главы «О нравах и должностях учителя»:

«...наиболее пеющихся должно, чтобы юность в цвете своем благородием наставника охранялась и, пришедши в зрелость, важ-

ности его от своевольтва воздерживалась. Еще мало того, чтоб он был человек честный, нужно, чтобы строгим надзором умел блюсти чистую нравственность и в учениках своих (вычленяются основные нравственные качества учителя: благоразумие, честность, строгость);

«Итак, да воспримет он прежде всего отеческие к ним чувствования и да представляет себя на месте тех, от коих дети ему вверяются... (то есть учителю предлагается особым образом готовить и настраивать свои чувства, ибо «отеческое чувствование» кладется в основу духовных отношений учителя к ученикам);

«Да будет чужд пороков и в других не терпит их (учителю предписана безупречность нравственного облика);

«Важность его да не сопровождается грубостью, ласковость слабостью, дабы одною не навлечь ненависти, другою презрения (речь идет об уместном выборе эмоции в аудитории и о последствиях неверного эмоционального отношения к ученикам);

«Наиболее да беседует о благоповедении, ибо чем чаще будут увещания, тем реже понадобятся наказания (как видим, в обучение вводятся элементы воспитания, которые необходимо осуществлять через верное воздействие словом);

«Да не будет гневлив, ниже потворчив там, где нужна строгость; в преподавании учения прост, терпелив, более прилежен, нежели взыскателен (оговариваются некоторые основные качества учителя: строгость во всем, что касается требований относительно знания учениками учебного предмета и в то же время простота, терпение и скромность учителя перед лицом знания); «Вопрошающим да отвечает охотно, не вопрошающих же возбуждает собственными вопросами» (ставится проблема учебного диалога, побуждения учеников к речи); «На похвалы да не будет слишком скуп, ни слишком расточителен; первое отнимает охоту, а второе внушает беспечность (способ реагирования учителя на ответы рождает определенную эмоциональную реакцию учащихся — это также средство поддержать необходимый накал педагогического общения); «Обличать, исправлять, когда потребует нужда, должен без суровости, без бранчивости» (моделиру-

ется способ исправления ошибок — в некотором смысле предтеча современных рассуждений об исправлении ошибок без травм для психики учащихся);

«Хотя довольно примеров к подражанию может представить-ся им (ученикам. — *А.В.*) при чтении книг, но гораздо больше действует изустно пересказанное учителем, котораго любят и почитают благонравные дети. Едва изобразить можно, какую имеем склонность подражать тем, к коим расположены душевно» (здесь замечательны две мысли: первая — о необходимости устного владения словом, живого контакта с учащимися, ибо воздействие сиюминутно рожденным словом наиболее сильно; и вторая — о необходимости эмоционального контакта, но на этот раз со стороны учеников: создания у них чувств любви, почитания и благорасположенности к учителю. Вне этих чувств, как видно из повествования, результаты учения значительно понижаются)» [Квинтилиан 1834: 83—85].

История русской школы дает нам немало примеров относительно того, какие требования нужно предъявить к учителю для того, чтобы он соответствовал некоторому образцу поведения. Например, в Уставах братских школ XVI—XVII веков прямо говорилось о том, каким должно быть учителю. В § 1 Луцкого Устава 1624 г. сказано, что учитель должен быть «благочестив, рассудителен, смиренномудр, кроток, воздержлив, не пьяница, не блудлив, не лихоимец, не чародей, не басносказатель, не пособник ересей, но соспешник благочестия, во всем представляя собою образец благих дел» [Константинов 1949: 22].

В 1720 г. Феофан Прокопович в книге «Первое учение отроком» писал также о том, каким быть учителям и их отношениям с учениками: «Пятый чин отечества суть учителя: которые или книжных учений или рукодельных хитростей учат и должны они учить прилежно, независтно и как могут скоро, без суетной проволоки. А ученики должны им, наипаче когда учатся, любовь и честь, и послушание аки родителям, хотя и на мзде учат; а кольми паче, когда учат туне (даром. — *А.В.*), ибо таковые учителя суть от чина четвертого великих благодетелей» [Константинов 1949: 38].

В трудах известного русского педагога (серб по происхождению) Ф.И. Янковича, готовившего в конце XVIII века общегосударственную реформу народного просвещения, множество мыслей имеется о нравственном облике учителя и способах его общения с учениками: «Наипаче же требуется, чтобы учителя подавали учащимся своим собственным поведением и поступками примеры ко благочестию, дружелюбию, учтивости и прилежанию...» (Устав 5 августа 1786 г., § 34) [цит. по: Константинов 1949: 57]. В отношении к ученикам главное — уметь овладеть их вниманием и «стараться всеми силами, дабы ученики преподаваемые им предметы ясно и правильно понимали» (§ 31) [цит. по: Константинов 1949: 57].

«Новая метода» Янковича в Уставе 1786 г. не только представляла материал и последовательность его изложения, но и давала рекомендации к речи учителя, например, в ведении «вопросения» — учебного диалога, когда учитель, вызывая одного ученика, должен иметь в виду весь класс. Также рекомендуется стиль речи и внимание к реакциям аудитории: «Учитель должен все слова выговаривать громко, плавно и ясно, глаза обращать всюду и ходить около учеников, дабы видеть, все ли прилежно его слушают и дело свое исправляют» [цит. по: Константинов 1949: 39].

Во многих педагогических сочинениях XIX века поднимаются вопросы ведения учебной речи. Так, Одоевский неоконченное пособие «Разговоры с детьми» начинает словами: «Искусство говорить с детьми очень важно для успехов целого воспитания». И далее: «...убеждения внушаются детям посредством примера и посредством живого слова. Слово, когда оно искренно, когда оно согрето неподдельным одушевлением и когда притом оно сказано кстати и приноровлено к детским понятиям, может сильно и благотворно подействовать на внутренние чувства ребенка» (Одоевский. Разговоры с детьми — [цит. по: Константинов 1949: 39]).

Изложенное Одоевским может быть отнесено к любой учебной аудитории: слово учителя должно быть «одушевлено», оно должно быть уместно (риторическое требование к любой речи), оно должно быть приспособлено к знаниям аудитории; резуль-

тат его — благотворное действие на «внутренние чувства» учащихся.

Требования к стилю учебной речи актуальны и поныне: «простота, точность, краткость выражения...», но краткость не должна «вредить ясности», рассказ должен быть «занимателен и интересен» (там же, с. 95).

§ 8. Русское академическое красноречие. Образ русского риторика-педагога

Огромный материал для исследования способов создания образа оратора-ученого и педагога представляет история академического красноречия в России. Он до сих пор не систематизирован, но многочисленность очерков, статей, воспоминаний о характере деятельности того или иного ученого позволяет надеяться, что эта задача будет наконец выполнена. Здесь уместно сопоставить хотя бы некоторые из этих образов.

Так, воспоминания о М.В. Ломоносове, главной темой публичных выступлений которого была наука, позволяют представить, что он обладал прекрасной речью. Н.И. Новиков, автор первой биографии о Ломоносове, вспоминает, что слог Ломоносова «был великолепен, чист, тверд, громок и приятен», что нрав он имел веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять веселые шутки». Д.И. Фонвизин также отмечает «великое его красноречие» [Этюды 1974: 11—12].

Многообразие ораторских характеров ясно видно при сравнении таких ученых, как Т.Н. Грановский, В.О. Ключевский и др. Вот что пишет о Грановском А.И. Герцен: «Господин Грановский читает довольно тихо, орган его беден, но как богато искупается этот физический недостаток прекрасным языком, огнем, связующим речь, полнотою мысли и полнотою любви, которые очевидны не только в словах, но и в самой благородной наружности доцента! В слабом голосе его есть нечто проникающее в душу, вызывающее внимание. В его речи много поэзии и ни малейшей изысканности, ничего для эффекта, на его задумчивом лице вид-

на внутренняя добросовестная работа... Главный характер чтений Грановского: чрезвычайно развитая человечность, сочувствие, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтическому, — сочувствие, готовое на все отозваться; любовь широкая и всеобъемлющая, любовь к возникающему, которое он радостно приветствует, и любовь к умирающему, которое он хоронит со слезами» [там же, с. 12].

О В.О. Ключевском вспоминает А.Ф. Кони: «На кафедру взшел Ключевский... В его манере говорить я почувствовал особое умение насторожить и обострить внимание слушателей. Простое, без всяких вычур слово его было так полновесно и с таким искусством соединяло в себе отвлеченные определения, широкие обобщения и жизненные образы, что слушающий очень скоро чувствовал себя во власти лектора. В сжатое и точное его изложение по временам и совершенно неожиданно вправлялись афоризмы, в которых одновременно блистали яркая мысль и тонкое остроумие» [там же: 18].

Но наиболее выразительны мысли самого В.О. Ключевского о необходимости оратора-ученого умело пользоваться своей речью: «Всегда ли знаем мы, преподаватели, свои средства, их сравнительную силу и то, где и когда ими пользоваться? В преподавательстве есть своя техника, и даже очень сложная... Самое важное и трудное дело заставить себя слушать, поймать эту непоседливую птицу — юношеское внимание. ...Слово — что походка: иной ступает всей своей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на цыпочках, а под ним пол дрожит... Гармония мысли и слова — это очень важный и нередко даже роковой вопрос для нашего брата, преподавателя. Мы иногда портим свое дело нежеланием подумать, как надо сказать в данном случае, корень многих тяжелых неудач наших — в неуменье высказать свою мысль, одеть её как следует...» [там же: 20].

Большой интерес представляют воспоминания об ученых-филологах. Вот что пишет П.Н. Полевой о лекциях И.И. Срезневского: «Это было что-то чрезвычайно увлекательное, образное яркое, богатое любопытными и новыми (для нас, первокурс-

ников) фактами — и как это было чудесно изложено, как сгруппировано, как прямо вело к определенным и ясным выводам! При этом много влияла сама внешность профессора: его смуглое лицо было подвижно и выразительно, а его черные большие глаза горели таким огнем, так превосходно дополняли его речь, так привлекали к нему наше юношеское внимание, что им нельзя было не увлечься, ему нельзя было не довериться, не предаться ему всей душой!» [Русское и славянское языкознание 1980: 85].

Совершенно иной образ оратора возникает в воспоминаниях А.А. Танкова о чтениях лекций Ф.И. Буслаевым: «Ф.И. Буслаев, читая лекцию, имел под руками письменные заметки, где были необходимые цитаты, план лекции и т.п. Но в остальном он говорил свободно и передавал свою речь мастерски... Что меня более всего поразило, так это то обстоятельство, что способ чтения Буслаева не походил на чтение других красноречивых профессоров. Там было искусство, здесь естественность, там декламация, здесь как бы простой пересказ, там отделка фразы, здесь как бы шероховатости, недомолвки, отсутствие работы над конструкцией речи. И в то же время умнее задеть за живое слушателей, приковать их внимание к предмету лекции, не дать им возможности скучать и утомляться.

...Уже из наших замечаний о подвижности и живости характера Ф.И. можно видеть, что спокойное, плавное, размеренное и догматическое изложение мыслей было ему не по душе. Он излагал их в форме беседы: задавал вопросы, давал на них ответы, варьировал одну и ту же мысль в разных выражениях, возбуждал сомнения и недоумения в уме слушателей, затем разрешал их и т.д.» (Танков А.А. Воспоминания о Буслаеве. — [Там же: 153, 155]).

Несмотря на кажущееся отсутствие «работы над конструкцией речи», что скорее означает простоту изложения, тот же автор ниже продолжает: «Другое качество речи Буслаева заключалось в умении его вести речь выпукло и образно. Он не скупился на тропы и фигуры, антитезы, аналогии и параллелизмы, не чуждался изысканных выражений и вообще избегал сухого, отвлеченного стиля. При чтении лекций, там, где это было нужно, он

делал повторения, пояснения, примечания, комментарии, то, что в книгах ставится под чертой. Ф.И. умел постепенно вводить своих слушателей из преддверия в глубину великого и священного храма своей науки» [Там же: 156].

Думается, что изложенных выше отрывков достаточно для того, чтобы показать, сколь много ценного и разнообразного материала содержится в описании способов ведения речи различными учебными риториками. Теперь из этих «образцовых» описаний требуется вычленить требования и критерии оценки учебной речи в ее различных жанрах.

Интересно, что традиции публичного ученого ораторства нашли своеобразное представление в художественной литературе. А.П. Чехов, видимо, не только благодаря художественному чутью, в рассуждениях старого профессора о своих лекциях последовательно фиксирует как бы все законы риторической науки:

«Чтобы читать хорошо, то есть нескучно и с пользой для слушателей, нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт, нужно обладать самым ясным представлением о своих силах, о том, кому читаешь, и о том, что представляет предмет твоих мыслей (талант как бы кладется в основание речи, затем фиксируется схема речевого акта: говорящий — речь — аудитория. — *А.В.*) Кроме того, надо быть человеком себе на уме (это и есть создание индивидуального образа ратора. — *А.В.*), следить зорко и ни на секунду не терять поля зрения.

То же самое и я, когда читаю. Предо мною полтора лица, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя — победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею ясное представление о степени её внимания и о силе разума, то она в моей власти (речь идёт о создании образа слушателя. — *А.В.*).

Другой мой противник сидит во мне самом. Это бесконечное разнообразие форм, явлений и законов и множество ими обусловленных своих и чужих мыслей. Каждую минуту я должен иметь ловкость выхватывать из этого громадного материала самое важное и нужное и так же быстро, как течёт моя речь, облечь свою мысль в такую форму, которая была бы доступна по-

ниманию гидры и возбуждала бы её внимание (изобретение. — *А.В.*), причём надо зорко следить, чтобы мысли передавались не по мере их накопления, а в известном порядке, необходимом для правильной компоновки картины, какую я хочу нарисовать (расположение. — *А.В.*).

Далее я стараюсь, чтобы речь моя была литературна, определения кратки и точны, фраза проста и точна (выражение. — *А.В.*). Каждую минуту я должен себя осаживать и помнить, что в моём распоряжении имеются только час и сорок минут (ограниченность времени как своеобразие учебной речи. — *А.В.*). Одним словом, работы немало. В одно и то же время приходится изображать из себя и учёного, и педагога, и оратора, и плохо дело, если оратор победит в вас педагога и учёного и наоборот (прямо говорится «изображать», то есть создавать некоторый уместный в данной аудитории образ).

Предложенные отрывки из классических педагогических сочинений и воспоминаний о различных учёных и педагогах не просто современны, они заложили и создали стиль нашего понимания многих методических и риторических требований к облику современного преподавателя. Существующий, как пишет А.А. Леонтьев, «определённый набор профессиональных требований к учителю (да и вообще к преподавателю)» в качестве основной проблемы, на наш взгляд, включает проблему создания определённого образа оратора. Причём если каждый преподаватель решает её для себя индивидуально исходя из свойств собственной личности, то можно говорить также о некоторых общих проблемах и трудностях в овладении «комплексом профессиональных умений... независимо от своих индивидуальных качеств» [Леонтьев 1979: 30, 32].

§ 9. Стиль речи преподавателя

О стиле речи в целом сказано выше в главах 7 и 8. Теперь обсудим проблемы учебного общения, в котором каждому преподавателю рекомендуется создавать собственный стиль речи — в

зависимости от особенностей своей личности, опыта, темперамента, внешних данных и т.д. Вне **индивидуального стиля** не может быть речевого воздействия в педагогическом общении. Учебный предмет попадает в душу и разум ученика через личность преподавателя, которая прежде всего проявляется в общении. Но как сделать педагогическую речь оптимальной, эффективной, благозвучной, «ласкающей», а не «оскорбляющей» слух?

Безусловно, каждый преподаватель, зная свои достоинства и недостатки, задумывается над тем, как он говорит. Напомним компоненты, из которых складывается стиль речи:

1. **лексика**, то есть нахождение и использование нужных слов. Для преподавателя иностранного языка или учителя начальных классов эта проблема стоит особенно остро, потому что знания его учеников ограничены и он должен умело подбирать нужные слова. В то же время в пределах известной или изучаемой лексики он должен сделать свою речь лексически богатой и разнообразной;
2. **синтаксис**, использование фигур речи, то есть умелое и целесообразное расположение слов, — преподаватель-русист, используя ограниченный состав слов, должен избегать неблагозвучных повторов, перебивов, остановок, уметь точно поставить вопрос, корректно вступать в речь, исправляя учеников и руководя течением беседы (см. ниже фрагменты расшифровок речи преподавателей в учебной аудитории);
3. **произношение**, или **голосоведение**, решающее комплекс вопросов. Среди них надо обратить внимание на следующие:
 - 1) **громкость**. Желая привлечь внимание аудитории, некоторые преподаватели говорят громко. Но эффект получается обратный: внимание аудитории, наоборот, притупляется и расслабляется — студент должен напрягать слух, чтобы не пропустить передаваемые мысли, преподаватель — заманивать голосом к слушанию и держать в напряжении аудиторию;
 - 2) **темп**. Всякое значимое содержание не может проговариваться слишком быстро, аудитория должна оценить и принять его. Плох не только слишком медленный темп —

- умышленное форсирование темпа речи преподавателя и студентов «измельчает» речь, снижая ее эффективность;
- 3) **паузация**. Паузой привлекается внимание к важной информации. Если очевидно, что паузу нельзя затягивать, то также нельзя ее и сокращать в ущерб времени, необходимому для восприятия речи;
 - 4) **логическое ударение**, точно расставляющее смысловые акценты в речи;
 - 5) **членимость речи**. В учебной речи нередко растет членимость речи до одного-двух слов — необходимо стремиться к увеличению объема синтагмы;
 - 6) **интонация**. Богатство интонационных ходов в речи делает ее красочной и богатой, в обучении необходимо избегать интонационного однообразия;
 - 7) **тембр голоса**, отражающий характер личности и эмоциональное состояние говорящего;
 - 8) **постановка дыхания**, лежащая в основе работы над правильным произношением. Правильное дыхание начинается с верной постановки тела, оно упорядочивает синтаксис речи, оправдывает темп и паузы, громкость и членение речи.

§ 10. Стиль учебного диалога в преподавании русского языка как иностранного

Теперь проанализируем стиль учебного диалога через избранный фрагмент конкретной работы преподавателя подготовительного факультета. Поскольку учебный диалог является основным жанром учебной речи (лекция, семинар, контрольная проверка занимают гораздо меньше времени), то именно учебный диалог избран для исследования. Материалом послужило занятие преподавателей и студентов подготовительного факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Речь фиксировалась на магнитофон и расшифровывалась.

В кратком анализе невозможно показать разные компоненты урока, хотя ясно, что требуется рассматривать композицию за-

студентов, который состоялся в аудитории. Анализ лексики устной учебной речи показал, что характер и количество её не только не могут повторить учебный текст или подробную разработку урока преподавателем, но обладают некоторыми принципиальными свойствами, позволяющими судить о лексико-стилистическом своеобразии устной учебной речи.

Покажем отличие **учебной речи** как реального педагогического общения от ориентирующих её **учебных текстов** (формулировок заданий, материалов упражнений и собственно текстов в учебниках и пособиях). С этой целью сопоставим **учебный текст** и **учебную речь**. Преподаватель использовал текст «Почему телеграммы сухие»:

«Одна аристократка попросила Попова рассказать ей, как работает трансатлантический кабель. Попов обстоятельно и подробно объяснил ей. Дама поблагодарила Попова и сказала:

— Мне приходилось разговаривать со многими учеными, но никто так просто и доходчиво не говорил со мной, как вы. Ваш рассказ прекрасен, он захватывает дух. Но у меня совсем маленький вопрос. Скажите, почему из Америки в Европу приходят сухие телеграммы?»

Реальный диалог в учебной речи оказался совсем иным, поскольку, преподаватель решает не читать текст, а пересказать его студентам, учитывая их слабые знания русского языка на начальном этапе обучения. Но и пересказ предваряется несколькими вступительными вопросами:

	1		1		1
П.:	Я вам расскажу даже этот рассказ / да / но сначала такой вопрос /				
	3	2	1	1	
П.:	Вы знаете / кто такой Попов?		Попов / русский учёный /		
С.:		Нет / не знаем			
		2	3	4	
П.:	/ Попов	Что он сделал? / да? / он сделал			
С.:	э радио / да?				(неразборчиво)

прежде всего объем лексики, хотя ряд слов, имеющихс я в печатном тексте так и не был употреблен. Не считая необходимым приводить полностью последующий диалог, даем сопоставление частотных характеристик лексики в тексте рассказа (I) и в устной учебной речи преподавателя (II) и студентов (III):

	I	II	III
А	—	7	1
Америка	1	2	1
Англия	—	1	—
Аристократия	—	3	—
Аристократка	1	7	1
Атлантический	—	1	1
Бумага	—	1	1
Буржуазия	—	1	1
Быть	—	2	—
В	1	2	2
Ваш	1	—	—
Внимательно	—	1	—
Вопрос	1	3	1
Вот	—	3	—
Все	—	2	—
Всё	—	2	—
Вы	1	11	—
Газета	—	3	—
Говорить	1	—	—
Да	—	6	4
Давайте	—	2	—
Давно	—	1	—
Даже	—	1	—
Дама	1	—	—
Действительно	—	1	1
До	—	1	—
Долго	—	1	1
Доходчиво	1	—	—
Другой	—	—	1
Думать			

Дух (захватывает)	1	—	—
Европа	1	1	—
Ещё	—	3	1
Же	—	1	—
Женщина	—	1	1
Захватывать (дух)	1	—	—
Знать	—	5	1
Значит	—	4	—
И	3	5	1
Идти	—	—	1
Из	1	3	—
Изобрести	—	1	1
Кабель	1	6	2
Как	2	9	5
Какой	—	1	—
Кончить	—	1	—
Который	—	1	2
Кто	—	1	—
Кто-нибудь	—	1	—
Куда	—	4	—
Листок	—	1	—
Маленький	1	—	—
Мир	—	—	1
Откуда	—	1	—
Очень	—	1	—
Первый	—	—	1
По	—	1	—
Поблагодарить	1	1	—
Подробно	1	—	—
Позвонить	—	—	1
Показывать	—	2	—
Понятно	—	3	—
Понять	—	3	1
Попов	3	8	—
Попросить	1	1	—
Пора	—	1	1
Послать	—	—	1
После	—	1	—

Постараться	—	1	—
Посылать	—	1	—
Потом	—	1	—
Потому что	—	1	1
Почему	1	2	—
Прекрасный	1	—	—
Прийти	—	1	—
Приходить	1	5	1
Приходиться	1	1	—
Проводить	—	—	1
Просто	1	1	—
Прочитать	—	1	—
Работа	1	2	—
Работать	—	3	1
Радио	—	2	1
Разговаривать	1	1	—
Разделять	—	1	—
Рассказ	1	6	—
Рассказать	1	2	—
Рассказывать	—	1	—
Русский	—	2	—
С	—	1	—
Садиться	—	2	—
Сесть	—	1	—
Сделать	—	2	—
Сейчас	—	1	—
Сказать	2	3	1
Слово	—	2	—
Слушать	—	4	—
Слышать	—	1	—
Смысл	—	1	—
Сначала	—	1	—
Соединенные Штаты Америки	—	2	—
Так	1	3	—
Такой	—	7	1
Текст	—	5	—
Ученый	1	3	—
Хорошо	—	1	—

Через	—	—	1
Что	—	12	2
Этот, это	—	11	—
Это	—	5	—
Я	3	6	1
Ясно	—	2	1
Общее количество			
— слов:	56	318	77
— лексических единиц	46	127	49

Цифровой анализ показал, что преподаватель употребил в 4 раза больше слов, чем студенты, по количеству лексических единиц — более чем в 2,5 раза. При этом если преподаватель старательно вводил и повторял новые слова, то студенты избегали их употребления — ср.: «аристократка» (7:1), «трансатлантический» (7:0), «Попов» (8:0). Сам преподаватель в монологическом пересказе текста опустил ряд слов и конструкций из печатного текста («Ваш рассказ прекрасен, он захватывает дух», «из Америки в Европу»), сделал упрощающие синонимические замены: вместо «обстоятельно и подробно» — он сказал «долго», вместо «доходчиво» — «ясно», «совсем маленький» — «небольшой».

Следовательно, обсуждение учебного текста в речи преподавателей и студентов часто не включает всех имеющихся в нем слов. В то же время объем толкующего словаря несравненно выше объема толкуемого текста, так как преподаватель и студенты используют множество ранее изученных слов.

Характер употребляемой преподавателем лексики определяется стремлением к простоте и некоторой сниженности стиля, обеспечивающим понимание со стороны студентов. Встречаются слова, редко фиксируемые в письменном тексте и характерные для устной разговорно-бытовой речи (типа «ну», «вот», «да», «значит», обращение «понятно?»). Студенты обычно научаются понимать эти слова в речи русских собеседников, однако сами употребляют их редко.

Таким образом, преподаватель не копирует учебный текст или план урока, но перестраивает их в зависимости от данного состоя-

ния аудитории и её реакций. Стремление его употреблять в речи новые слова встречает «консервативное» сопротивление со стороны студентов, стремящихся остаться в пределах известной им лексики. Кроме того, преподаватель использует лексические средства устной разговорной речи, лишь частично отражаемые в учебниках.

В стилистическом синтаксисе учебного диалога наблюдаются также определенные тенденции, которые читатель может оценить с точки зрения своих стилевых вкусов, но которым традиционные классические риторики дали бы вполне определенную оценку. Вот примеры вопросительных предложений:

	2		3		6		4		4
П.:	«Да /	вы ещё слышали /	что такое /	транс /	атлантический /				
	1		1	4		4		2	2
П.:	кабель		да /	транс /	атлантический /	кабель /	что		
С.:	кабель /	да							
П.:	это такое /	трансатлантический?»;							
	4	6			2				
П.:	«Значит /	что вам /	что вам ясно показывает /	что эта аристо-					
	3	2		2					
П.:	кратка /	не поняла /	что вам показывает?»;						
С.:		а?							
	2	6		2		4		1	
П.:	«Скажите /	а что /	какие цели /	ставит перед собой /	Совет /				
	1	1			2				
Всемирный Совет мира? /	Какие цели стоят перед этой организацией?»;								
	2		2						
П.:	«А к чему стремится /	к чему стремится эта организация ?»;							
	2		2		2			2	
П.:	«Ну а скажите пожалуйста мне /	М-м-м /	вот чем характеризуется						
		6	2						
сейчас движение? /	что самое /	характерное для этого движения							
сейчас?».									

Чем обусловлена такая лексико-синтаксическая повторяемость в синтаксисе вопросительных предложений и целесообраз-

на ли она? Целесообразен ли повтор в речи вообще? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Классическая стилистическая традиция оценивает употребление повторов двояко: с одной стороны, уложенные в фигуры речи, они считаются «прекрасным орудиями в словесном состязании» (Аристотель), в русской риторико-стилистической традиции даются подробные классификации повторов и рекомендации к их употреблению, с другой стороны, повторы в неумело построенной речи могут быть тавтологичны и мешать её развертыванию.

В нашем анализе существенно учесть, что оценка повторов в учебном диалоге существенно отличается от требований к правильности ораторской публичной и лекционной речи. Их функции обусловлены целью донести до каждого студента изучаемую информацию и закрепить её, несколько раз проговорив. При постановке вопроса преподаватель должен стремиться к ясности и краткости, а затем (после ожидания ответа) определяет необходимость дословного или синонимического повторения вопроса. Многократность неоправданных повторений обесценивает речь преподавателя, поэтому правила постановки вопроса (начиная с его подготовки) — одна из существенных проблем в практическом искусстве методики, которое может быть названо педагогическим красноречием.

Повышенная повторяемость является синтаксической характеристикой учебной речи на начальном этапе: в двух выборках по 300 слов из лекций преподавателей подготовительного и основного факультетов количество употребленных лексических единиц было соответственно 115 и 165, то есть повторяемость в речи преподавателя подготовительного факультета значительно выше. Преподавателю, работающему на начальном этапе обучения, приходится постоянно помнить о том, что студенты не владеют теми или иными лексическими единицами, поэтому стилистика его речи требует особого мастерства в отборе слов и уложении их в соответствующие периоды. Владение учебной речью заключается в способности уложить ограниченный запас лекси-

ки в оптимально построенные стилистические фигуры речи и целесообразно использовать их в различных ситуациях.

Подведем некоторые итоги. Наблюдения над речью преподавателей РКИ в аудитории и практика проведения занятий с преподавателями-стажерами на ФПК позволили создать два «рекомендательных» текста к ведению и построению учебной речи. Их следует воспринимать не догматически, в открытом списке возможных добавлений, тем более что эти тексты неоднократно проговорены и обсуждены самими преподавателями и студентами.

Итак, вот **рекомендации к построению учебного монолога-объяснения:**

1. Старайтесь представить материал *системно, полно, ясно и просто*.
2. *Системность* предполагает точное разведение понятий, выстраивание ясных противопоставлений, связей в описании объекта.
3. *Полнота* означает исчерпывающее представление материала.
4. *Простота* заключается в выборе оптимального, доступного способа изложения.
5. Умейте давать *ясные, немногословные* определения обсуждаемому предмету.
6. Готовьте и будьте готовы изобретать сиюминутные *примеры*. Подчас иллюстрация и пример способны заменить определение с целью прояснения сложного понятия.
7. Не теряйте *контакта* с аудиторией, следите за ее реакцией и настроением, будьте внимательны и корректны.
8. Не забывайте о том, что *энергия*, идущая от преподавателя, воодушевляет, но и не подменяйте также доказательство энергичной эмоцией.
9. *Доказательства* должны быть строгими и точными, нельзя подменять доказательство в споре «авторитетным» давлением. Старайтесь убеждать материалом, яркими примерами. Не стесняйтесь признаться в своем незнании: «наука вечна».
10. В аудитории должно поддерживаться *настроение напряженной работы*. Нельзя материал упрощать, делать его «легким»

или говорить банальные истины — то, что аудитория уже знает. В таком случае расслабляются внимание и воля студентов. Они должны быть *напряжены*.

11. Учитесь самостоятельно рождать мысли — аудитории нравится видеть *сиюминутно творящего*, думающего, внимательно к ней преподавателя.
12. Выбирайте уместный способ ориентации на ваши *записи*: если вы только «читаете», это грозит потерей контакта со слушателями. Аудитория должна видеть, что это *ваши новые* (не вытасканные из сундука) *мысли*. Можете «читать», но чувствуйте, как вас слушают и понимают.
13. Думайте о *предмете* вашей мысли и о том, что вам нужно передать этот предмет. *Сосредоточьтесь!*
14. Будьте *готовы к вопросам*, но и не уходите от них, при подготовке старайтесь вопросы предугадать, в полемике — предвидеть. Ответы должны изобретаться на глазах аудитории — ей интересен процесс рождения мысли.
15. О трудных проблемах скажите *простым и ясным* языком. *Темп* речи зависит от восприятия и понимания аудитории — обычно его надо сдерживать, делать *паузы*, следя за восприятием материала.
16. Разнообразьте *движение и жесты*, но и будьте собранны, не «бегайте» по аудитории. Будьте просты и естественны, уместны и целесообразны.
17. Располагайте материал в *логической последовательности*, для закрепления повторите основные положения.

[Пожалуйста, дополните сказанное или отредактируйте данный текст.]

Рекомендации к построению учебного диалога примерно следующие:

1. Подготовьте точные вопросы, продумайте возможные ответы, «проиграйте» возможные варианты развития событий, но в «боевой обстановке» не бойтесь изобретать новые вопросы, действуя по ситуации в зависимости от хода занятий и конкретных ответов студентов.

2. В аудитории ведите диалог в зависимости от сегодняшней ситуации и состояния аудитории, учитесь «читать по глазам», прогнозируйте (угадывайте) реакцию слушателей.
3. Старайтесь соблюдать свой план, но не бойтесь изобретать новые вопросы, действуйте гибко и импровизационно.
4. Ставьте вопросы *четко, ясно, спокойно, просто*, стремитесь, чтобы вопрос был понят с первого раза, помните, что эмоция и взволнованность преподавателя передаются слушателям.
5. Проявляйте требовательность и благожелательность — поблажек не должно быть ни к себе, ни к ученикам, добивайтесь выполнения задания.
6. Диалог не должен быть легким и развлекательным, но в меру трудным, аудитории должна быть интересна рациональная эмоция, испытывая которую она мысленно напрягается, получая радость от постижения знаний.
7. Не стремитесь говорить быстро, сдерживайте темп речи, цените слово.
8. Побуждайте вопросами к речи студентов, давайте учащимся возможность высказаться, но не упускайте инициативы, оставайтесь лидером общения, с этой целью будьте готовы дать изобретательный комментарий.
9. Не уходите от ответов на возникающие вопросы, если не знаете, честно в этом признайтесь, совместно ищите ответ в будущем.

Очевидно, что эти рекомендации (своеобразные «заповеди» преподавательского труда) могут быть продолжены. Они являются некоторый возможный идеал, о котором приходится размышлять, для того чтобы наметить эффективные результаты своего труда.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы цели и задачи учебной речи? Чем отличается учебная речь от научной речи?

2. Каково содержание учебной речи? Насколько содержание учебной речи отличается от того, что написано в учебнике?
3. Найдите в публицистической или научной литературе описание портретов учителей (преподавателей, учёных на педагогической кафедре). Что в этих описаниях общего и в чём они индивидуальны? В чём состоит стилистическая индивидуальность описания учителя-ритора у Квинтилиана (старинные слова, усложнённый синтаксис)?
4. Какие требования к личности преподавателя (учителя) вы могли бы предложить? Насколько такие требования универсальны? Ответьте на вопрос, написав на карточке три качества, наиболее необходимые, на ваш взгляд, в преподавательской работе. Дайте ваши определения, пояснения и примеры.
5. Сравните содержание какого-либо учебного предмета по старым и новым учебникам (например, учебники словесности в XIX веке, литературы в разные десятилетия XX века). Как содержание учебного предмета отражает взгляды, существующие в культуре данного времени, и общественную идеологию?
6. Какие эмоции, чувства должны преобладать в обучении? Должны ли эти эмоции быть только положительными или вы допускаете отрицательные эмоции (в какой форме)? Что вы можете добавить к описанию эмоций в педагогической речи, приведенному в данной главе?
7. Запишите на магнитофон фрагмент учебного занятия. Расшифруйте и проанализируйте его. Какие недостатки содержания и стиля учебной речи вы заметили?
8. Разберите советы, приведенные в разделе классического академического красноречия, с точки зрения их актуальности для современной педагогической речи.
9. Как вы понимаете слова В.О. Ключевского: «Слово что походка: иной ступает всей ступней, а шаги его едва слышны: другой крадется на цыпочках, а под ним пол дрожит»?
10. Попробуйте составить собственные «Советы преподавателю» и «Советы студенту», касающиеся их речи и способов педагогического общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимов Э.Г., Щукин А.Н.* Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999.
2. *Александров Д.Н.* Риторика. М., 1999.
3. *Алексий II.* Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Седьмых Рождественских чтениях. М., 1999.
4. *Альбеткова Р.И.* Русская словесность: Учебник для 7 кл. М., 2000.
5. *Аннушкин В.И.* Виктор Владимирович Виноградов // Отечественные лексикографы XX в. Материалы для хрестоматии / Под ред. Г.А. Богатовой. М.: ИРЯ РАН, 1999. С. 91–120.
6. *Аннушкин В.И.* История русской риторики: Хрестоматия. 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
7. *Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века. Текст. Перевод. Исследование. М., 1999.
8. *Аннушкин В.И.* Русская риторика: исторический аспект. М., 2003.
9. Античные теории языка и стиля / Под общей редакцией О.М. Фрейденберг. М.; Л., 1936.
10. *Аристотель.* Риторика // Античные риторики. М., 1978.
11. *Барсов А.А.* Российская Грамматика Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстол. комм. М.П. Тоболовой; Под ред. и с предисл. А. Успенского. М., 1981.
12. *Белинский В.Г.* «Общая риторика» Н.Ф. Кошанского // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8.
13. *Белинский В.Г.* «Общая риторика» Н.Ф. Кошанского // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 5.
14. *(Брянчанинов) Святитель Игнатий Брянчанинов.* Рассуждение о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим // Язык мой — враг мой. М., 1999.
15. *Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Прохоров Ю.Е.* Национально-культурные единицы общения в современном коммуникативном пространстве — лингвометодический аспект // От слова к делу: Сборник докладов / X Конгресс МАПРЯЛ (Санкт-Петербург-2003). М., Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2003. С. 40–46.

16. *Буслаев Ф.И.* О преподавании отечественного языка. М., 1844. М., 1941.
17. *Вилсон Г., Макклафлин К.* Язык жестов — путь к успеху. СПб., 2001.
18. *Виноградов В.В.* О художественной прозе. Избранные работы по русскому языку: О языке художественной прозы. М., 1980. С. 56—175.
19. *Волков А.А.* Курс русской риторики. М., 2001.
20. *Волков А.А.* Основы риторики. М., 2003.
21. *Гоголь Н.В.* Учебная книга словесности для русского юношества // ПСС. М., 1952. Т. 8.
22. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.
23. *Гофман В.В.* Слово оратора. Л., 1932.
24. *Граудина Л.К.* Русская риторика: Хрестоматия. М., 1996.
25. *Давыдов И.И.* Чтения о словесности. Курс 1. Введение. Язык. Речь. Слог. М., 1837.
26. *Далецкий Ч.Б.* Военная риторика России. М.: МГИ имени Е.Р. Дашковой. 2000.
27. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. IV.
28. *Зарифьян И.А.* Теория словесности. Библиография и комментарий. Подписная научно-популярная серия «Лекторское мастерство». М., 1990. № 2.
29. *Зеленецкий К.П.* Исследование о реторике в ее наукообразном содержании и в отношениях, какие имеет она к общей теории слова и к логике. Одесса, 1846.
30. *Зеленецкий К.П.* Курс русской словесности для учащихся. I. Общая риторика. II. Частная риторика. III. Пиитика. IV. История русской литературы для учащихся. Одесса, 1849.
31. *Ильин И.А.* Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг. // Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2 / Сост. и ком. Ю.Т. Лисицы. М., 1993.
32. *(Ипполитова Н.А.)* Педагогическая риторика / Под ред. Н.А. Ипполитовой. М., 2001.
33. *Квинтилиан Марк Фабий.* Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. А.С. Никольского. СПб., 1834. Часть 1.
34. *Клюев Е.В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999.
35. *Ковалев А.Н.* Азбука дипломатии. М., 1975.
36. *Кожина М.Н.* Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики) // Стереотипность и твор-

- чество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов. Пермь, 2000.
37. *Кошанский Н.Ф.* Общая риторика. СПб., 1829—1849 (10 изданий). Цитаты по изданию 1834 г.
 38. *Кошанский Н.Ф.* Частная риторика. СПб., 1832—1849 (7 изданий). Цитаты по изданию 1834 г.
 39. *Красовский А.* Опыт истории императорской российской Академии от основания оной в 1783 году по 1840 год. ЖМНП. 1848.
 40. *Леонтьев А.А.* Педагогическое общение. М., 1979.
 41. *Кузин Ф.А.* Культура делового общения: Практическое пособие для бизнесменов. 4-е изд. М., 2000.
 42. Логика и риторика, кратким и для детского возраста удобопонятным образом расположенные, изъясненные и в пользу юношества изданные А.Н. СПб., 1790.
 43. *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7.
 44. *Маркелова Е.В., Колесникова Н.И.* Как «раскрываются афоризмы?»: Учебное пособие по риторике и культуре речи. 2-е изд., испр. Новосибирск, 2003.
 45. *Матвева Т.В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.
 46. *Мелетій Смотрицький.* Граматика. Підготовка факсимільного видання та дослідження пам'ятки В.В. Німчука. Київ, 1979.
 47. *Мерзляков А.Ф.* Краткая риторика, или правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. 4-е изд. М., 1828.
 48. *Миртов А.В.* Умение говорить публично. 3-е изд. М., 1927.
 49. *Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово: Учебное пособие для учащихся 10—11 классов общеобр. учреждений. М., 1996.
 50. *Михальская А.К.* Педагогическая риторика: история и теория: Учебное пособие для студ. пед. университетов и институтов. М., 1998.
 51. *Незеленов А.И.* История русской совестности. 19-е изд. М., 1910.
 52. *Николай Спафарий.* Эстетические трактаты (Подготовка текста и комментарий О.А. Белобровой). Л., 1978.
 53. *Никольский А.С.* Основания русской словесности. Ч. 1—2. СПб., 1807.
 54. *Пекарская И.В.* Контаминация в проблеме системности стилистических ресурсов русского языка. Часть 1. Абакан, 2000.
 55. *Петров Н.И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году // Труды КДА. Киев, 1868. № 3. С. 465—525.

56. *Пиз А.* Язык телодвижений / Пер. Е.Н. Котляр. СПб., 2000.
57. *Плаксин В.Т.* Учебная книга русской словесности. Кн. 1—2. СПб., 1843—1844.
58. *Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Поэзия и проза, тропы и фигуры. Мышление поэтическое и лирическое. Харьков, 1905.
59. *Потебня А.А.* Из лекций по теории словесности. Харьков, 1894.
60. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Харьков, 1913.
61. *Почепцов Г.Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. М.; Киев, 2000.
62. Риторика: Методология и практика: Сборник программ / Отв. ред. и сост. М.И. Панов и Л.Е. Тумина. М.; Ярославль, 2003.
63. Риторика: 8 класс: Учебное пособие для общеобразовательной школы: В 2 ч. / Под ред. Т.А. Ладыженской. М., 1998. Ч. 1, 192 с. Ч. 2, 192 с.
64. *Рождественский Ю.В.* О термине «риторика» // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1995. № 1. С. 7—13.
65. *Рождественский Ю.В.* Общая филология. М., 1996.
66. *Рождественский Ю.В.* Введение в культуроведение. М., 1999.
67. *Рождественский Ю.В.* Лекции по общему языкознанию. М., 1990.
68. *Рождественский Ю.В.* Принципы современной риторики. 2-е изд. М., 2000.
69. *Рождественский Ю.В.* Словарь терминов. (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. М., 2002.
70. Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX в. Л., 1980.
71. *Святитель Игнатий Брянчанинов.* Рассуждение о человеческом слове в сравнении со Словом Божиим // Язык мой — враг мой. М., 1999.
72. *Скворцов Л.И.* Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 40—103.
73. *Скворцов Л.И.* Культура речи // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979. С. 119—121.
74. Словарь Академии Российской. Т. I. 1789.
75. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., АН СССР, 1984. Т. 4.
76. *Смирновский П.В.* Теория словесности для средних учебных заведений. М., 1913.
77. *Сопер П.* Основы искусства речи. М., 1992.

-
78. *Сперанский М.М.* Правила высшего красноречия. СПб., 1844.
 79. *Станиславский К.С.* Работа актера над собой. М., 1974.
 80. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
 81. Тайна имени : Сборник. Харьков, 1995.
 82. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4.
 83. *Толмачев Я.В.* Военное красноречие. СПб., 1825. Т. 1.
 84. *Флоренский П.А.* Имена // Тайна имени: Сборник. Харьков, 1995. С. 8–135.
 85. *Цицерон Марк Туллий.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
 86. *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. 1-е изд., 1909; 2-е изд., 1913.
 87. *Ширяев Е.Н.* Культура речи // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 204–205.
 88. Энциклопедический словарь Русского Библиографического института «Гранат» (б. г.). Т. 39.
 89. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 21а.
 90. Этюды о лекторах. М., 1974.

Учебное издание

Аннушкин Владимир Иванович

**РИТОРИКА
ВВОДНЫЙ КУРС**

Учебное пособие

Подписано в печать 30.06.2016.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, офис 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru